Детство, воспитаніе и дѣтскіе годы юности Русскихъ Императоровъ

Детство, воспитаніе и дѣтскіе годы юности Русскихъ Императоровъ

·EX·LIBRIS·
Nulla dies sine linea
·NVLLVS·
·LIBER·EST·
TAM·MALVS
·QVIN·
·ALIQVA·
PARTE·PROSIT·
SECTIO
No
19 01
·IOSEPHI·PERGAMENTI·
·IVRIS·CONSVLTI·

ДѢТСТВО, ВОСПИТАНІЕ

И ЛѢТА ЮНОСТИ

РУССКИХЪ ИМПЕРАТОРОВЪ.

Дѣтство, воспитаніе и лѣта юности Русскихъ Императоровъ

Издано къ десятилѣтію со дня рожденія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича

составилъ
И. Н. Божерновъ

ИЗДАНІЕ

Общества попеченія о безпріютныхъ дѣтяхъ,
на усиленіе средствъ по призрѣнію въ учрежденіяхъ пріюта
Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны МАРІИ НИКОЛАЕВНЫ
дѣтей запасныхъ воиновъ, призванныхъ для защиты родины.
Пріютъ: С.-Петербургъ—Ждановская набережная, домъ № 21.
Канцелярія: Конногвардейскій бульваръ № 3.

Типографія А. БЕНКЕ,
С.-Петербургъ, Новый пер., 2.

ФГБУПБ - 438

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ и ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ 30 Іюля сего года исполнится десять лѣтъ со дня Его рожденія. Къ этому именно дню, празднуемаго ежегодно всею Россіею, пріурочено настоящее изданіе, изъ иллюстрированнаго текста котораго, наглядно познакомится Царственный Отрокъ и подрастающее поколѣніе, какъ обучались и воспитывались Императоры Дома Романовыхъ, включительно до Царя-Миротворца, Императора Александра III, и какъ постепенно, согласно съ требованіями времени, расширялась программа ихъ ученія.

Въ настоящее время, съ октября мѣсяца 1912 г., идетъ уже второй годъ, какъ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ приступилъ къ регулярнымъ учебнымъ занятіямъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Своей Августѣйшей Родительницы. Воспитываясь въ духѣ Православной вѣры

и любви къ Отечеству, Цесаревичъ вмѣстѣ съ Родителями посѣщаетъ Божественную литургію, исполняя всѣ религіозныя правила церкви.

Цесаревичу съ Всемилостивѣйшаго соизволенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА посвящена книга А. И. Макаровой-Мирской подъ названіемъ: «Алтайскіе разсказы», которая Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, на основаніи заключенія ученаго комитета Министерства, допущена въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Точно также извѣстно, изъ брошюры «На пріемѣ у ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА», изданной Стерлитамакскимъ Городскимъ Головою К. Д. Ростовцовымъ, что онъ имѣлъ счастіе поднести НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ, составленную имъ книжечку «Красное Солнышко Земли Русской».

«Прибывъ въ Александровскій дворецъ, въ Царскомъ Селѣ», говоритъ г. Ростовцовъ, «я былъ приглашенъ флигель-адъютантомъ въ одну изъ дворцовыхъ залъ, чрезъ которую изъ смежныхъ внутреннихъ покоевъ, прошла депутація изъ трехъ старцевъ-крестьянъ Воронежской губерніи, проходившихъ военную службу въ 13 Лейбъ-гренадерскомъ Эриванскомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полку—древнѣйшемъ изъ полковъ русской арміи, основанномъ Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ при образованіи полковъ иноземнаго строя и извѣстнаго подъ именемъ Бутырскаго. Эта депутація удостоилась поднести НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ святую икону Божіей Матери. Вслѣдъ за симъ въ ту же комнату былъ приглашенъ и я; это большая бѣлая гостиная, среди которой въ креслѣ сидѣлъ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ. Вблизи стоялъ небольшой столикъ, на которомъ лежала св. икона, только что поднесенная депутаціей крестьянъ. Въ гостиной болѣе никого не было. Свои привѣтствія я выразилъ слѣдующими словами:

Трона державнаго радость безмѣрная,
Красное Солнышко Русской Земли!
Русскаго сердца любовь беззавѣтная,
Преданность старца къ Тебѣ привели.

Первенецъ Царственный, зоренька ясная,
Князь-Цесаревичъ, нашъ Князь дорогой!
Сынъ Самодержца, всѣмъ радость желанная,
Крѣпни на счастье отчизны родной.

Время чудесное, время прекрасное—
Дни твоей юной весны золотой.
Ярче свѣти всѣмъ, какъ солнышко красное,
Розовой зорькой надъ Русской Землей!»

Выслушавъ привѣтствіе НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ сказалъ: «Сейчасъ Мнѣ поднесли русскіе крестьяне-старички святую икону. Я ихъ благодарилъ, благодарю и васъ за эту книжку, которую Я съ удовольствіемъ прочту». На

На [illegible] «Штандарт». 1907 г.

вопросъ г. Ростовцова, какъ драгоцѣнное здоровье ЕГО ВЫСОЧЕСТВА послѣ недавно перенесенной болѣзни, НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ изволилъ сказать: «Слава Богу, Я теперь поправился и чувствую Себя хорошо».

Описаніе своего пріема г. Ростовцовъ оканчиваетъ оповѣщеніемъ о великой радости для всѣхъ вѣрноподданныхъ, что ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ совершенно оправился отъ недавней болѣзни и продолжаетъ сопутствовать Своему Державному Родителю на всѣхъ пріемахъ и парадахъ войскъ.

Всѣмъ памятны дни празднованія трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ, при чемъ русскій народъ такъ сильно и ярко выразилъ чувства любви своего русскаго сердца Царю-Самодержцу и Семьѣ Его при посѣщеніи историческихъ мѣстъ и Москвы. Недаромъ поэтъ А. Н. Майковъ сказалъ:

Любовь къ отчизнѣ, какъ струя
Отъ сердца къ сердцу прибѣгаетъ
По цѣлой Руси изъ Кремля.

Отголоскомъ этой всенародной любви и въ подрастающемъ поколѣніи къ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛІИ явился девятилѣтній мальчикъ А. Егоровъ, житель мѣстечка Еланца Елисаветградскаго уѣзда, который письменно въ день трехсотлѣтія Дома Романовыхъ поздравилъ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ НИКОЛАЕВИЧА. Въ отвѣтъ отъ секретаря ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ получена

была бумага, что ГОСУДАРЫНЯ Всемилостивѣйше повелѣла благодарить мальчика Егорова отъ имени НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА за выраженныя имъ чувства и пожаловала ему открытое письмо съ изображеніемъ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА.

Дѣйствительно семьи многомилліоннаго русскаго народа крѣпки любовію къ Державному Вождю Русской Земли и съ отраднымъ чувствомъ устремляютъ свои взоры на НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА и постоянно молятъ Господа Бога.

И за Его святую младость
Весны и радуги яснѣй!
И за Царицу, нашу радость...

Которая зритъ въ Своемъ единственномъ Сынѣ со всею Россіею залогъ добра, мира и благоденствія.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ
Царское Село. 3 Іюня 1913 года

3 Іюня 1913 г.

3 Іюня 1913 г.

Царское Село. Апрѣль 1913 г.

Шхеры 1909 г.

Царское Село. 1911 г.

Царское Село. Апрѣль 1913 г.

Фридбергъ 1910 г.

Яхта «Штандартъ». Шхеры 1909 г.

Царское Село. Январь 1911 г.

Царское Село. Апрѣль 1911 г.

Петръ Великій былъ первымъ ребенкомъ отъ второго брака царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной; родился онъ въ Москвѣ 30 мая 1672 г. О первыхъ дняхъ жизни царевича сохранилось много любопытныхъ свѣдѣній.

Рано утромъ колокола Кремля извѣстили о радости царя-отца, а колокольни Москвы разнесли эту вѣсть по столицѣ и уже въ пять часовъ утра Государь былъ въ Успенскомъ соборѣ на благодарственномъ молебствіи, совершенномъ новгородскимъ митрополитомъ Питиримомъ. Послѣ молебна царь Алексѣй Михайловичъ отправился въ Архангельскій соборъ и въ Вознесенскій монастырь, какъ бы дѣлясь съ ними своей радостью. Помолившись у мощей митрополита Алексѣя въ Чудовомъ монастырѣ, приложившись къ иконамъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, царь возвратился во дворецъ, гдѣ произвелъ въ окольничьи отца царицы—Нарышкина, а также и воспитателя ея—Матвѣева. Во дворцѣ между тѣмъ собрались бояре, думные дворяне, полковники, стрѣлецкіе головы, отъ которыхъ Государь, принялъ ихъ поздравленія, угощалъ водкою, фряжскими винами и дессертомъ изъ свѣжихъ плодовъ.

Рожденіе Петра вызвало рядъ придворныхъ праздниковъ. Такъ 1-го іюня у царя, въ царицыной золотой палатѣ, былъ обѣдъ для бояръ и ближнихъ людей «безъ зову и безъ мѣстъ». Стольники царскіе угощали гостей и разносили имъ закуску и гостинцы, а стольники царицыны угощали ихъ во время обѣда. 29-го іюня въ трапезѣ церкви Алексѣя митрополита въ Чудовомъ монастырѣ совершено было надъ новорожденнымъ Св. таинство крещенія и онъ былъ названъ Петромъ. Царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, старшій его братъ и тетка государя, царевна Ирина Михайловна были воспріемниками отъ купели Петра. По древнему обычаю, съ новорожденнаго «сняли мѣру» и въ ея величину, т. е. длину и ширину,

Медаль на рожденіе Петра I.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

написали икону, которая сохраняется и теперь надъ гробницею Петра Великаго. По отзывамъ Петръ былъ очень крѣпокъ физически съ дѣтства, «возрастенъ и красенъ и крѣпокъ тѣломъ».

На другой день послѣ крещенія въ Грановитой палатѣ былъ родильный столъ, а 4-го іюля крестильный столъ, при чемъ за этими обѣдами угощалось сто шестьдесятъ духовныхъ лицъ и двѣсти пятнадцать свѣтскихъ. Тутъ были представители всѣхъ сословій, начиная отъ царевичей Касимовскаго и Сибирскаго включительно до выборныхъ купеческихъ сотенъ и дворцовыхъ слободъ. Составленъ былъ штатъ лицъ, которыя должны были смотрѣть за новорожденнымъ. Будущаго преобразователя Россіи кормить грудью была назначена боярыня Неонила Іероѳѣевна Львова старшею мамкою—боярыня Матрена Романовна Леонтьева, а верховою боярыней—вдова княгиня Ульяна Ивановна Голицына.

Колыбель младенца была обтянута турецкимъ «золотнымъ» бархатомъ, расшитымъ затѣйливыми серебряными и золотыми рисунками; подкладка колыбели была рудожелтая, ремни обшиты венеціанскимъ бархатомъ; верхнія покрышки у перинки и тюфяка были сшиты изъ тафты и набиты бѣлымъ, лебяжьимъ пухомъ. Не менѣе богато было и одѣянье Петра; когда ему исполнилось пять мѣсяцевъ ему нашиты были золотые парчевые кафтаны. Шапка у него была унизана жемчугомъ и самоцвѣтными каменьями, а другая шапка была бархатная съ околышемъ изъ соболя; имѣлось также нѣсколько паръ башмаковъ обнизанныхъ жемчугомъ, богатый опашень съ нашивкою и кружевомъ низаннымъ крупнымъ жемчугомъ, въ количествѣ 577 зеренъ и съ 6 изумрудными пуговицами на золотыхъ закрѣпахъ и болѣе 10 шелковыхъ, атласныхъ и парчевыхъ кафтановъ.

Царица Наталія Кирилловна.

Царевичъ со своимъ штатомъ помѣщался въ отдѣльныхъ деревянныхъ хоромахъ, которыя внутри были обиты сукномъ. Собственная комната Петра обита была кожами съ серебрянымъ тисненіемъ. Когда же

исполнилось Петру пять лѣтъ, для него были построены отдѣльные хоромы, въ которыхъ стѣны и полъ были обиты алымъ сукномъ. Такимъ же сукномъ былъ покрытъ столъ и лавки, съ каймами изъ бѣлаго сукна, по которому нашиты травы изъ сукна желтаго и лазореваго. Впослѣдствіи царевичу Петру было сдѣлано кресло изъ рудожелтаго бархата съ галуномъ и столикъ, расписанный красками, золотомъ и серебромъ. И на слюдѣ въ окнахъ, замѣнявшей тогда стекло, живописецъ Иванъ Салтыковъ написалъ разные рисунки: въ срединѣ былъ изображенъ орелъ, а по бокамъ—травы. Рисунокъ былъ сдѣланъ такъ, что изъ комнаты на улицу все было видно, а оттуда—ничего; такъ какъ по обычаю того времени царскія дѣти бережно скрывались отъ глазъ посторонникъ—царевичи до 13 лѣтъ, а царевны на всю жизнь.

Царь Ѳеодоръ Але[illegible].

Ко дню рожденія Петра, когда ему минулъ годъ, былъ сдѣланъ конь, или «потѣшная лошадка», во всемъ конскомъ уборѣ для всадника.
Лошадка эта была обтянута настоящей лошадиной кожей; а на ней уздечка и сѣдло съ стременами было вызолочено и высеребряно.

Когда Петру исполнилось два года, въ его комнатѣ повѣсили качель на веревкахъ, обшитыхъ бархатомъ. Живописецъ Салтыковъ расписывалъ красками игрушки для Петра; напримѣръ ему приказано было расписать гнѣздо голубей, гнѣзда канареекъ, щеглятъ, чижей и даже стадо барановъ, при чемъ у послѣднихъ надо было расписать шерсть, какъ настоящую. Органистъ Гутовскій чинилъ царевичу цимбалы нѣмецкаго изготовленія и самъ сдѣлалъ пару цимбальцевъ, изъ которыхъ одна имѣла форму книги въ сафьянномъ красномъ переплетѣ, съ застежками изъ серебрянаго съ шелками галуна.

Петръ зимой катался съ ледяныхъ горъ, а лѣтомъ ѣздилъ по Москвѣ въ потѣшной кареткѣ, которую ему подарилъ бояринъ Артамонъ Матвѣевъ. Каретка эта запрягалась четырьмя темнокарими лошадками. Выѣздъ царевича былъ парадный: по бокамъ шествовали четыре карлика, а пятый ѣхалъ позади на крохотномъ иноходцѣ.

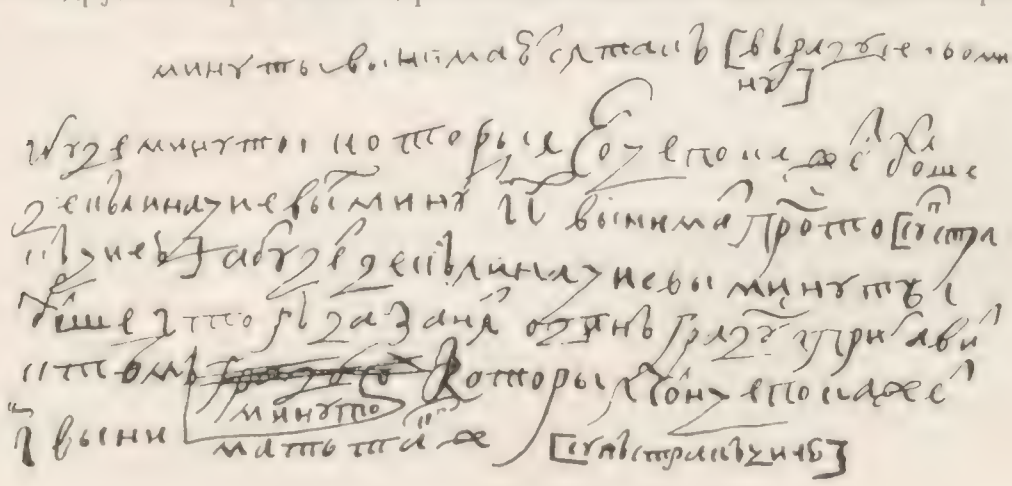
Шишакъ и [illegible] XVII в., [illegible] Оружейной палатѣ.

По расходнымъ дворцовымъ книгамъ видно, что маленькому Петру постоянно дѣлали въ придворныхъ мастерскихъ и покупали на рынкахъ луки, деревянныя ружья, пистолеты, барабаны и игрушечныя знамена. Этимъ оружіемъ тѣшился царевичъ и вооружалъ «потѣшныхъ ребятокъ», т. е. своихъ сверстниковъ изъ семей придворной знати, всегда окружавшихъ царевича. Въ числѣ ребятокъ были дѣти Нарышкиныхъ, Головкина, Матвѣева, князя Черкасскаго, князя Мещерскаго, князя Голицына, Стрѣлкова и др. Карликами при маленькомъ Петрѣ состояли Никита Гавриловъ Комаръ, Василій Родіоновъ, Иванъ и Емельянъ Кондратьевы. Одѣвали ихъ въ суконные кафтаны малиноваго цвѣта на бѣличьемъ мѣху и въ шапки и рукавицы изъ того же сукна.

Царь Алексѣй Михайловичъ, желая придать играмъ маленькаго Петра болѣе правильный характеръ, составилъ для него цѣлый полкъ «ребятокъ», обмундировавъ его въ зеленые мундиры и назвалъ «Петровъ полкъ», командиромъ котораго былъ назначенъ царевичъ. Для обученія полка иноземному строю былъ назначенъ Шотландецъ Менезіусъ который содѣйствовалъ также устройству при дворѣ царя «комедійной хоромины», для театральныхъ представленій.

Если бы царь Алексѣй Михайловичъ прожилъ долѣе, смѣло можно сказать, что Петръ получилъ бы такое же прекрасное, по времени, образованіе, какъ его братъ Ѳеодоръ. Но отецъ Петра умеръ, когда ему не исполнилось и четырехъ лѣтъ. Вотъ почему царевичъ Петръ остался безъ правильнаго образованія. Историкъ Забѣлинъ указывалъ, что начало обученія Петра положилъ еще его отецъ, такое указаніе дѣлалъ на томъ основаніи, что 1 декабря 1675 г. начали кого-то учить грамотѣ въ царской семьѣ, какъ это видно изъ книгъ Тайнаго приказа. Но въ царской семьѣ не начинали учить дѣтей ранѣе 5 лѣтъ, а царевичу Петру тогда было только 3 ½ года.

При царѣ Ѳеодорѣ, сынѣ Милославской, ея родственники осилили родственниковъ и друзей второй жены царя Алексѣя Михайловича—Наталіи Кирилловны



Страничка изъ учебной тетради Петра I.

Нарышкиной и самого сильнаго человѣка ихъ стороны Матвѣева сослали на сѣверъ въ Пустозерскъ.

И такъ по старорусскому обычаю Петра начали учить съ пяти лѣтъ. Старшій братъ и крестный отецъ Петра, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ не разъ говорилъ кумѣ мачехѣ, царицѣ Натальѣ: «пора, Государыня, учить крестника». Царица просила кума найти учителя кроткаго, смиреннаго, божественное писаніе вѣдующаго. Выборъ палъ, говоритъ В. Ключевскій, на человѣка, отъ котораго слишкомъ пахло благочестивой стариной, боярина Ѳедора Прокофьевича Соковнина. Домъ Соковниныхъ былъ убѣжищемъ старовѣровъ, они придерживались раскола. Двѣ родныя сестры Соковнина, Ѳеодосія Морозова и княгиня Авдотья

Кончина царя Ѳеодора Алексѣевича. Съ картины *К. Лебедева*

Урусова еще при царѣ Алексѣѣ запечатлѣли мученичествомъ свое древнее благочестіе; царь подвергъ ихъ суровому заключенію въ земляной Боровской тюрьмѣ за упрямую привязанность къ старой вѣрѣ и къ протопопу Аввакуму. Другой братъ этихъ боярынь, Алексѣй, впослѣдствіи сложилъ голову на плахѣ за участіе въ заговорѣ противъ Петра во имя благочестивой старины. Бояринъ Ѳедоръ Соковнинъ указалъ царю на смиреннаго, всякихъ добродѣтелей исполненнаго, въ грамотѣ и писаніи искуснаго Никиту Моисеевича Зотова, подъячаго изъ приказа Большого прихода. Разсказъ о томъ, какъ Зотовъ введенъ былъ въ должность придворнаго учителя, дышитъ такой простотой, что не оставляетъ сомнѣнія въ характерѣ педагогіи наставника. Соковнинъ привезъ Зотова къ царю и, оставивъ его въ передней, отправился съ докладомъ. Вскорѣ изъ комнатъ царя

вышелъ дворянинъ и спросилъ: кто здѣсь Никита Зотовъ? Будущій учитель царевича такъ оробѣлъ, что въ безпамятствѣ не могъ тронуться съ мѣста, и дворянинъ принужденъ былъ взять его за руку. Зотовъ просилъ повременить немного, чтобы дать ему пріпти въ себя. Отстоявшись, онъ перекрестился и пошелъ къ царю, который пожаловалъ его къ рукѣ и проэкзаменовалъ въ присутствіи Симеона Полоцкаго. Ученый воспитатель царя одобрилъ чтеніе и письмо Зотова; тогда Соковнинъ повезъ аттестованнаго учителя къ царицѣ-вдовѣ, которая принимая Зотова, сказала ему:

— «Извѣстна я о тебѣ, что ты житія благого, божественное писаніе знаешь,— вручаю тебѣ единороднаго моего сына. Прими его и прилежи къ наученію божественной мудрости и страху Божію и благочинному житію и писанію».

— «Нѣсмь достоинъ принять въ хранилище мое толикое сокровище!» отвѣтилъ Зотовъ, трясясь отъ страха, обливаясь слезами и падая къ ногамъ царицы.

— «Пріими отъ рукъ моихъ, не отрицайся принять. О добродѣтели и смиреніи твоемъ я извѣстна», милостиво сказала Наталья Кирилловна, велѣла Зотову встать, позволила поцѣловать ея руку и распорядилась, чтобы уже на другой день начались занятія.

Царевна Софья.
[illegible] Зимняго Дворца.

На слѣдующее утро, въ присутствіи царя, патріархъ, сотворя моленіе, окропилъ царственнаго отрока святою водою и, благословивъ, вручилъ его Зотову. Послѣдній, посадивъ царевича на скамью, поклонился сперва ему въ ноги и затѣмъ приступилъ къ ученію.

При началѣ ученія Зотовъ былъ щедро одаренъ: патріархъ пожаловалъ ему сто рублей (болѣе 1000 руб. на наши деньги), государь пожаловалъ ему дворъ, произвелъ въ дворяне, а царица-мать прислала двѣ пары богатаго верхняго и исподняго платья и «весь уборъ», въ который по уходѣ царя и патріарха Зотовъ тутъ же и нарядился. Крекшинъ отмѣтилъ этотъ день, когда началось обученіе Петра—12 марта 1677 г.; слѣдовательно царевичу Петру не было еще пяти лѣтъ. По словамъ Котошихина, для обученія царскихъ дѣтей выбирали изъ приказныхъ подъячихъ и «учительныхъ людей тихихъ и небражниковъ». Зотовъ былъ тихій человѣкъ, но, говорятъ, онъ не вполнѣ удовлетворялъ второму требованію, любилъ выпить. Впослѣдствіи Петръ назначилъ Зотова княземъ-папой, президентомъ шутовскаго «всепьянѣйшаго собора».

Курсъ ученія въ древней Руси начинался азбукой, продолжался чтеніемъ и изученіемъ Часослова, Псалтиря, Апостольскихъ дѣяній и Евангелія. Зотовъ

Юный Петръ, открывшій дверь изъ комнаты Наталіи Кирилловны въ тронную палату.
Съ картины *Н. А. Котелкова.*

началъ также со «славянскаго ученія», т. е. прошелъ съ Петромъ азбуку, Часословъ, Псалтирь, даже Евангеліе и Апостолъ; все это выучивалось наизустъ въ долбяжку. Вотъ почему потомъ Петръ читалъ на клиросѣ и пѣлъ не хуже дьячка. Здѣсь кстати надо упомянуть, что помощникомъ Зотова былъ Аѳанасій Нестеровъ, который по всей вѣроятности и обучалъ Петра пѣнію. Обученіе письму шло позже чтенія. Петръ началъ учиться писать, кажется, въ началѣ 1680 г. и никогда не умѣлъ писать порядочнымъ почеркомъ. Петръ дѣйствительно плохо былъ обученъ грамотѣ; онъ писалъ, не соблюдая правилъ тогдашняго правописанія, съ трудомъ выводя буквы, не умѣя раздѣлять словъ; писалъ слова по выговору, между двумя согласными то и дѣло ставя твердый знакъ: всегъда, сътрелять, възяфъ и т. д.

Кромѣ письма и чтенія Зотовъ ничему не училъ Петра, но онъ примѣнялъ пріемъ нагляднаго обученія. Петръ на досугѣ любилъ слушать разные разсказы и разсматривать книжки съ «куншатами», т. е. картинами, а также «потѣшные фряжскіе или нѣмецкіе листы», на которыхъ были изображены историческія и этнографическія сцены.

Узнавъ объ этомъ отъ Зотова, царица Наталія Кирилловна приказала выдать ему «историческія книги» рукопись съ рисунками изъ дворцовой библіотеки, и заказала живописнаго дѣла мастерамъ Оружейной палаты нѣсколько новыхъ иллюстрацій. Такъ составилась у Петра коллекція «потѣшныхъ тетрадей», въ которыхъ были изображены золотомъ и красками города, зданія, корабли, солдаты, оружіе, сраженія и «исторіи лицевыя съ прописьми», иллюстрированныя повѣсти и сказки съ текстами. Всѣ эти тетради Зотовъ разложилъ въ комнатахъ царевича и когда онъ начиналъ утомляться книжнымъ чтеніемъ, бралъ у него изъ рукъ книгу и показывалъ ему эти картинки, сопровождая обзоръ ихъ поясненіями. При этомъ онъ, какъ пишетъ Крекшинъ, касался и русской старины, разсказывалъ Петру про дѣла его отца, про царя Ивана Грознаго, заходилъ и къ болѣе отдаленнымъ временамъ Дмитрія Донского, Александра Невскаго и самого Владиміра. Вотъ почему, впослѣдствіи Петръ Великій придавалъ важное значеніе русской исторіи для народнаго образованія и много хлопоталъ о составленіи популярнаго учебника по этому предмету. Въ этомъ сказывалась быть можетъ память о Зотовѣ, который велъ свое дѣло добросовѣстно и пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ Петра, не забывавшаго своего наставника.

Когда исполнилось Петру десять лѣтъ его начальное обученіе прервалось. Царь Ѳеодоръ умеръ 27 апрѣля 1682 года и Петръ избранный царемъ пережилъ рядъ тяжелыхъ дней. Онъ видѣлъ бунтъ стрѣльцовъ, старика Матвѣева стрѣльцы вырвали изъ его рукъ; дядя Иванъ Нарышкинъ былъ выданъ стрѣльцамъ также на его глазахъ; онъ видѣлъ рѣки крови... Его матери и ему самому грозила опасность ежеминутной смерти. Петръ настолько сильно былъ напуганъ «майскими днями» стрѣлецкихъ бунтовъ, что отъ испуга у него явились и остались на всю жизнь конвульсивныя движенія головы и лица. Пронесшіяся грозныя тучи бури рано научили Петра смотрѣть смерти въ глаза и сознавать козни Милославскихъ и дѣйствія сестры Софіи. Мирнымъ сномъ спалъ царскій теремъ въ Кремлѣ 15 мая 1682 г., лишь одна царевна Софія, да Милославскіе

IOÂNE ALÉXOVVITZ
PETER ALÉXOVVITZ
Czârs, Ou Grands Ducs, de
Russie Autocrateurs de Mos-
Michaélouuitz Czâr & Grand Duc de Mos-
Czâr & Grand Duc de Moscouie, décedé en
Nacquit en 1667. & le Cadet Nacquit en
Consentement au prejudice de l'Aisné qui
Incapable du Gouuernement, Néantmoins
Ou ses deux freres regnent en repos Auec Vnion fraternelle, Ses Princes desirant Entretenir Vne
Estime des Grandeurs de Son Puissant Monarque Louis le Grand, luy Ont Enuoyé tout Exprez
deux Ambassadeurs Auec Vne tres belle Suitte de plus de quatre Vint personnes en 1685, qui
ont Estez receus Auec tout l'honneur qu'on rend aux Ambassadeurs des testes Couronnées,
dont ils Ont Estez tres Satisfaits & contens, &c.

ждали чего-то у раскрытахъ оконъ своихъ опочиваленъ, вслушиваясь въ тишину майскаго теплаго утра...

Гдѣ-то далеко, за Москвою рѣкой, прогудѣлъ колоколъ, за нимъ другой, и зловѣщій набатъ пронесся надъ спящею Бѣлокаменной. Выпалила пушка, барабаны задребезжали, нестройный гулъ толпы, все приближавшійся, разбудилъ царскій теремъ.

И скоро крики — Нарышкиныхъ! Измѣнниковъ, убійцъ царевича Ивана! ревѣли у Краснаго крыльца. Нарышкины попрятались. Блѣдная, трепещущая отъ страха царица Наталья Кирилловна рѣшилась выйти къ толпѣ на Красное крыльцо и вывела съ собой за руки обоихъ царевичей. Бунтовщики изумились, увидавъ живого царевича Іоанна, который прижавшихъ къ мачихѣ робко лепеталъ: «я, я», и вдругъ затрясся отъ страха.

Хоть и не убитъ, да впредь нельзя ручаться, коли Нарышкины крови его ищутъ,—закричали въ толпѣ и бунтовщики ринулись на Красное крыльцо... Не помня себя отъ ужаса, царица съ царевичами бросилась въ теремъ, а за ней стрѣльцы взошли въ царскія хоромы и кровь полилась потоками... Грабежъ и убійства три дня держали въ страхѣ всю Москву, 17-го мая стрѣльцы снова потребовали отъ беззащитной царицы Наталіи выдачи Нарышкиныхъ. Бояре — посланцы Софьи — и сама царевна убѣдили, наконецъ, несчастную уступить мятежникамъ, чтобы спасти себя, Петра и Россію.

Нарышкины были убиты, но бунтъ не прекратился и боярской думѣ пришлось уступить: на царство были возведены оба царевича, а правительницей поставлена Софья, цѣною крови купившая себѣ власть.

25 Іюня 1682 г. совершилось въ Успенскомъ соборѣ торжественное вѣнчаніе на царство 16-ти лѣтняго Іоанна и 10-ти лѣтняго Петра. Иностранецъ Кемпферъ, удостоившійся пріема обоихъ царей по дѣламъ посольства, такъ описываетъ свое впечатлѣніе: «старшій сидѣлъ почти неподвижно съ потупленными, совсѣмъ почти закрытыми глазами, на которые низко была опущена шапка; младшій, напротивъ того, взиралъ на всѣхъ съ открытымъ прелестнымъ лицомъ, въ которомъ, при обращеніи къ нему рѣчи, безпрестанно играла кровь юношества; дивная его красота плѣняла всѣхъ предстоящихъ, такъ что, если бы это была простого состоянія дѣвица, а не царская особа, то безъ сомнѣнія всѣ должны бы влюбиться въ него».

Далѣе Кемпферъ разсказываетъ, что когда оба царя встали и должны были одновременно спросить о здравіи прислашаго ихъ иноземнаго короля, Петръ не дожидаясь вопроса мѣшкотнаго и вялаго своего брата быстро спросилъ:

— «Его королевское величество, братъ нашъ, по здорову ль?», т. е. здоровъ-ли.

Чѣмъ старше становился Петръ, тѣмъ хуже складывалась его обстановка. При отцѣ любимый и ласкаемый, Петръ при Ѳеодорѣ, вмѣстѣ съ матерью раздѣлялъ ея опалу. Хотя Ѳеодоръ и любилъ Петра, но борьба придворныхъ партій удаляла царевича и его мать отъ царя. Начиная понимать разговоры окружавшихъ, Петръ узналъ отъ нихъ о семейной враждѣ, о гоненіяхъ на его мать и на близкихъ ей людей. Онъ учился не любить Милославскихъ, видя въ нихъ враговъ и притѣснителей. Событія 1682 г. удалили царицу-вдову изъ Кремля и

заставили ее уединиться въ селѣ Преображенскомъ. Здѣсь царица, по словамъ князя Б. И. Куракина, «жила тѣмъ, что давано было изъ рукъ царевны Софіи», нуждалась во всемъ и тайкомъ принимала денежную помощь отъ патріарха Троицкаго монастыря и ростовскаго митрополита.

Опальный царь Петръ, изгнанный заговоромъ сестры изъ дворца, росъ въ селѣ Преображенскомъ на полномъ просторѣ. Скука выжила живого Петра изъ комнатъ матери на дворъ и рощи села Преображенскаго. Съ 1683 г. никѣмъ не руководимый, онъ началъ продолжительную игру, которая была для него школой самообразованія. По дворцовымъ записямъ видно, какъ эта игра съ лѣтами разрасталась, вбирая въ себя отрасли военнаго дѣла. Сюда къ Петру изъ Оружейной палаты привозилось оружіе. Вмѣстѣ съ образомъ Спасителя Петръ взялъ изъ Кремля и столовые часы съ арабомъ, и карабинецъ винтовой, нѣмецкій и требовалъ постоянно, то свинца, то пороха, бердышей, пистолей и полковыхъ знаменъ. При этомъ Петръ велъ чрезвычайно подвижный образъ жизни, вѣчно находясь въ походѣ, то въ селѣ Воробьевѣ, то въ Коломенскомъ, то у Троицы, то у Саввы Сторожевскаго и за нимъ повсюду возили, на нѣсколькихъ подводахъ, его оружейную казну.

Евдокія Ѳеодоровна, первая жена Петра.

У Петра было для потѣхъ подъ руками обильное число товарищей, такъ какъ по московскому обычаю, когда царевичу Петру исполнилось пять лѣтъ, къ нему изъ придворной знати назначили въ слуги, въ стольники и спальники сверстниковъ, которые становились его «комнатными людьми». Кромѣ того, послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича для «сокольничяго пути» служило свыше 200 человѣкъ сокольниковъ и кречетниковъ, да въ конюшенномъ приказѣ находилось свыше 600 человѣкъ — конюховъ, стремянныхъ, задворныхъ, стряпчихъ, стадныхъ и т. д. Все это были люди породою «честные», пожалованные денежнымъ жалованьемъ и платьемъ погодно и помѣстьями и вотчинами. Но такъ какъ больнымъ царю Ѳеодору и царевичу Ивану было трудно выѣзжать изъ дворца, то этому праздному придворному люду Петръ и задалъ

[illegible]

работу, начавъ ихъ верстать въ свою службу, образовавъ изъ нихъ двѣ роты, которыя потомъ развились въ два батальона, по 300 человѣкъ въ каждомъ. Петръ игралъ въ солдаты, а его потѣшные служили и за свою службу, получали жалованье. Званіе потѣшнаго стало особымъ чиномъ: «пожалованъ я», говорится въ одной челобитной, «въ вашъ великихъ государей чинъ, въ потѣшные конюхи». Наборъ потѣшныхъ производился офиціальнымъ порядкомъ; напримѣръ въ 1686 г. конюшенному приказу велѣно было выслать къ Петру въ село Преображенское семь придворныхъ конюховъ для записи въ потѣшные пушкари. Въ числѣ этихъ потѣшныхъ былъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ, сынъ придворнаго конюха, «породы самой низкой, ниже шляхетства». Потомъ въ потѣшные стала поступать и знатная молодежь; такъ въ 1687 г. съ толпой конюховъ поступили Ив. Ив. Бутурлинъ и князь М. И. Голицынъ, будущій фельдмаршалъ, который за малолѣтствомъ записался въ «барабанную науку», какъ гласитъ, дворцовая запись.

Для этихъ потѣшныхъ Петръ построилъ въ Преображенскомъ потѣшный дворъ, потѣшную съѣзжую избу для управленія командой, потѣшную конюшню, забралъ изъ Конюшеннаго приказа упряжь подъ свою артиллерію. Играя въ солдаты, Петръ хотѣлъ самъ быть настоящимъ солдатомъ и такими же сдѣлать участниковъ своихъ игръ, одѣлъ ихъ въ темно-зеленый мундиръ, далъ полное солдатское вооруженіе, назначилъ штабъ-офицеровъ, оберъ-офицеровъ и унтеръ-офицеровъ изъ своихъ комнатныхъ людей, все «изящныхъ фамилій», и въ рощахъ Преображенскаго села ежедневно подвергалъ команду строгой выучкѣ, при чемъ самъ прошелъ всѣ чины, начиная съ барабанщика. Чтобы научить солдатъ осадѣ и штурму крѣпостей, на рѣкѣ Яузѣ была построена потѣшная фортеція, городокъ Плесбурхъ, который осаждали съ мортирами. Въ 1684 г. иноземный мастеръ Зоммеръ показывалъ Петру гранатную стрѣльбу и новаго своего учителя-друга Петръ осыпалъ наградами, то деньгами, то платьемъ. Милости, оказываемыя Симону Зоммеру, служили приманкой для соотечественниковъ послѣдняго, изъ Нѣмецкой слободы, кото-

И. М. Г[illegible]

рые и являлись въ мѣстопребыванія Петра, въ с. Преображенское, гдѣ, въ началѣ 1690-хъ годовъ, потѣшные батальоны развернулись уже въ два полка, поселенные въ селахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ и отъ нихъ получившіе свои названія, и въ нихъ полковники, майоры и капитаны были почти всѣ иноземцы и только сержанты—изъ русскихъ. Первымъ солдатомъ перваго Преображенскаго полка былъ Сергѣй Леонтьевъ Бухвостовъ, который по собственной волѣ, отозвался на кличъ Петра и вступилъ въ его потѣшные. Впослѣдствіи Петръ, ставъ уже Императоромъ, приказалъ художнику графу Растрелли вылить изъ металла бюстъ своего перваго солдата Бухвостова. Страсть Петра къ иноземнымъ диковинкамъ привела его къ вторичному обученію. По словамъ самого Петра, въ 1687 г. князь Я. Ѳ. Долгорукій, отправляясь посломъ во Францію, въ разговорѣ съ царевичемъ сказалъ, что у него былъ инструментъ, которымъ «можно было брать дистанціи или разстоянія, не доходя до того мѣста», да жаль — украли. Петръ просилъ князя купить ему этотъ инструментъ во Франціи, и въ слѣдующемъ году Долгорукій привезъ ему астролябію. Не зная что съ ней дѣлать, Петръ обратился къ нѣмцу «дохтуру», но тотъ самъ не зналъ какъ съ нею обращаться и скоро привезъ голландца Тиммермана. Подъ его руководствомъ Петръ «гораздо съ охотой» принялся учиться ариѳметикѣ, геометріи, артиллеріи и фортификаціи. Дошедшія до насъ тетради Петра съ задачами, имъ рѣшенными и объясненіями, написанными его же рукой, показываютъ, что Петръ плохо вслушивался въ непонятные ему математическіе термины: сложеніе (additio) онъ писалъ то «адицое», то «водицыя». Да и самъ учитель былъ не бойкій математикъ; въ тетрадяхъ встрѣчаются задачи, имъ самимъ рѣшенныя, и въ задачахъ на умноженіе Тиммерманъ не разъ дѣлаетъ ошибки. Но эти тетради свидѣтельствуютъ съ какою охотою Петръ принялся за математику и военныя науки. Онъ быстро прошелъ ариѳметику, геометрію, артиллерію и фортификацію, овладѣлъ астролябіей, изучилъ строеніе крѣпостей, умѣлъ вычислять полетъ пушечнаго ядра.

Съ этимъ же Тиммерманомъ, осматривая въ селѣ Измайловѣ амбары дѣда Никиты Ивано-

Церковь Знаменія, „что на корабляхъ“ въ г. Переяславлѣ.

вича Романова, Петръ нашелъ завалявшійся англійскій ботъ, который, по разсказу самого Петра, послужилъ родоначальникомъ русскаго флота. пробудилъ въ немъ страсть къ мореплаванію, повелъ къ постройкѣ флотиліи на Переяславскомъ озерѣ, а потомъ подъ Архангельскомъ.

Увидя ботикъ (который до сихъ поръ сохраняется въ Петербургѣ въ домикѣ Петра Великаго и извѣстенъ подъ именемъ «дѣдушки русскаго флота»), Петръ спросилъ Тиммермана, чѣмъ онъ лучше нашихъ гребныхъ судовъ?

— Онъ ходитъ на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра.

— Какъ противъ вѣтра? Можетъ ли это быть?

— Вѣрно.

— Ну такъ поѣдемъ.

— Нельзя, отвѣтилъ Тиммерманъ, осмотрѣвъ ботъ, его надо прежде починить, поставить мачту, натянуть паруса.

— Нѣтъ-ли человѣка, который умѣлъ бы все это сдѣлать?

— Есть.

— Кто такой?

— Голландецъ Карштенъ Брантъ, живущій въ Нѣмецкой слободѣ.

— Приведи его ко мнѣ.

На слѣдующее утро Брантъ былъ уже у Петра и ботикъ скоро былъ спущенъ на воды рѣки Яузы и началъ плавать, но такъ какъ рѣка Яуза узка и мелка, то ботикъ задѣвалъ дномъ песокъ или упирался носомъ въ берега, поэтому его перенесли на Просяной прудъ, который оказался также тѣсенъ, и Петръ спрашивалъ окружающихъ, гдѣ бы было можно найти большій просторъ своей новой потѣхѣ. Ему указали на обширное озеро, верстъ десять въ длину и пять въ ширину, расположенное за Троице-Сергіемъ подъ Переяславлемъ, куда въ 1688 г. Петръ и перенесъ свою забаву, гдѣ строилъ фрегатъ съ помощью Бранта и мастера Корта. Эта постройка производилась на берегу Трубежа, близъ церкви Знаменія, которая до сихъ поръ носитъ названіе «что на корабляхъ», и гдѣ доселѣ еще уцѣлѣли вбитыя въ дно рѣки сваи.

Дѣдушка русскаго флота, ботикъ Петра I.

Петру въ это время шелъ уже 17-ый годъ, но онъ не думалъ обращать вниманія на государственныя дѣла. Царица мать, чтобы остепенить своего сына, женила его (27 января 1689 г.) на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной и съ этого момента онъ сталъ еще болѣе опаснымъ для правительницы Софьи, рѣшившейся бороться до конца. Черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы Петръ уѣхалъ въ Переяславль отъ матери и жены къ своимъ кораблямъ.

Вызванный изъ Переяславля царицею Натальею въ Москву, Петръ въ Іюлѣ 1689 г. запретилъ Софьѣ участвовать въ крестномъ ходѣ, а когда она не по-

слушалась, самъ уѣхалъ изъ процессіи. Разрывъ отношеній Петра и Софьи произошелъ 7 Августа. Софью напугалъ слухъ о томъ, что Петръ съ потѣшными явится въ Москву и лишитъ ее власти. Приверженцы Петра, дали ему знать, что стрѣльцы «идутъ бунтомъ» и замышляютъ «убійство» на него съ матерью. Петръ ускакалъ въ лѣсъ, а оттуда къ Троицѣ, бросивъ мать и беременную жену. Съ 8-го Августа съѣхались въ Лавру всѣ Нарышкины и пришли потѣшные и Сухаревъ стрѣлецкій полкъ, въ память котораго Петръ впослѣдствіи построилъ Сухареву башню въ Москвѣ.

Софья, подъ предлогомъ гибели отечества, уговорила брата Петра — Іоанна, оставшагося въ Москвѣ, дать стрѣльцамъ приказъ, чтобы никто изъ нихъ, подъ страхомъ смертной казни, не отлучался изъ Москвы, но Іоаннъ, узнавъ

всю ложь наговора царевны Софьи принялъ сторону Петра. Шакловитовъ былъ выданъ, а князь В. В. Голицынъ добровольно явился въ Лавру и былъ сосланъ въ Каргополь, а Шакловитовъ казненъ. Софья же, какъ «*третье зазорное лицо*», по словамъ письма Петра къ брату, была заключена въ Новодѣвичій монастырь.

Задумавъ совершить поѣздку за границу, Петръ снарядилъ посольство въ составѣ 250 чел., въ главѣ котораго были поставлены Лефортъ и Головинъ, а самъ Петръ остался въ свитѣ подъ именемъ Петра Михайлова. Это посольство выѣхало изъ Москвы въ Мартѣ 1697 г. въ Лифляндію; изъ Риги двинулось въ Курляндію, гдѣ Петръ оставилъ его и поѣхалъ въ Пруссію. Въ Кенигсбергѣ онъ обучался артиллерійскому дѣлу и выданный учителемъ-полковникомъ аттестатъ свидѣтельствуетъ, что Петръ Михайловъ всюду за осторожнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера почитаемъ быть можетъ. Изучать кораблестроеніе Петръ поѣхалъ въ Голландію, гдѣ онъ сперва пробылъ 8 дней въ приморскомъ городкѣ Заандамѣ, а потомъ въ Амстердамѣ поступилъ работникомъ на Остъ-Индскую верфь. Для него нарочно былъ заложенъ корабль, чтобы онъ съ самаго начала могъ прослѣдить весь ходъ работы. Интересуясь кораблестроеніемъ, Петръ ѣздилъ отсюда по разнымъ городамъ, осматривалъ фабрики и проч.

Петръ въ Амстердамѣ на верфи.

Въ Голландіи Петръ знакомился съ теоріею и практикою кораблестроенія, а сопровождавшая его свита одновременно обучалась искусству дѣланія мачтъ, парусовъ и другимъ ремесламъ, относящимся къ кораблестроенію. Бывшій экипажъ-мейстеръ въ Амстердамѣ Крюйсъ вступилъ въ царскую службу въ качествѣ вице-адмирала, пригласивъ по приказанію Петра, не малое число морскихъ офицеровъ, преимущественно голландцевъ и датчанъ и повезъ ихъ съ собою въ Москву и Воронежъ. Изъ Голландіи Петръ проѣхалъ въ Англію, гдѣ былъ принятъ радушно королемъ Вильгельмомъ III и проработалъ два мѣсяца на верфи въ Дептфортѣ. Петръ посѣтилъ также Оксфордъ и Вуличъ, гдѣ въ лабораторіи наблюдалъ приготовленіе артиллерійскихъ снарядовъ. Въ Портсмутѣ осматривалъ военные корабли, замѣчая число пушекъ и калибры снарядовъ. У острова Вайта для него было дано примѣрное морское сраженіе. Въ Лондонѣ посѣтилъ парламентъ и сказалъ своимъ спутникамъ: «весело слушать, когда подданные открыто говорятъ своему государю правду!» Изъ Англіи, черезъ Голландію, Петръ проѣхалъ въ Вѣну, гдѣ старался убѣдить Германскаго Императора Леопольда не заключать мира съ Турціею. Дальнѣйшее путешествіе царя въ Венецію не состоялось, такъ какъ онъ получилъ извѣстіе о новомъ заговорѣ сестры и стрѣлецкомъ бунтѣ. Истративъ $2^1/_2$ милліона рублей на свою заграничную поѣздку, Петръ повернулъ обратно, по пути посѣтилъ польскаго короля Августа, подружился съ нимъ и 25 Августа 1698 г. возвратился въ

Москву, гдѣ казнилъ до 2000 стрѣльцовъ, сестру Софью постригъ подъ именемъ Сусанны, а жену Евдокію подъ именемъ Елены сослалъ въ Суздальскій монастырь.

Все это дѣлалъ Петръ потому, что онъ отлично помнилъ картины своего дѣтства, когда напримѣръ любимецъ царя Ѳеодора — Максимъ Языковъ потребовалъ, чтобы мать его Наталья Кирилловна вмѣстѣ съ сыномъ выѣхала изъ царскихъ палатъ въ другія хоромы, и своими дерзостями довелъ царицу до слезъ.

Горячій, вспыльчивый царевичъ Петръ не стерпѣлъ обиды, пошелъ жаловаться къ брату царю, при чемъ сказалъ: «Или я не сынъ царя Алексѣя Михайловича, что мнѣ нѣтъ и угла ужъ въ отцовскомъ домѣ?» Никто не нашелся возразить ему: изумленные и пристыженные словами ребенка, молчали бояре, пока царь не успокоилъ меньшого брата. Языкова удалили отъ царя, подъ страхомъ смертной казни, воспретивъ чинить обиды царицѣ и царевичу, но Милославскіе не дремали: они оклеветали даже любимаго Петромъ, его учителя Зотова, и въ 1680 году онъ былъ посланъ въ Крымъ. Завистники боялись царственнаго ребенка, и опасались утратить власть и выгоды, которыя давала имъ родственная близость къ царю. Среди этихъ козней бояръ, а позже сестры, росъ Петръ, у котораго дѣтскій страхъ, само собою разумѣется долженъ былъ смѣниться ненавистью.

Профессоръ Ключевскій говоритъ, что «черты дѣтства и юности Петра даютъ возможность возстановить ранніе моменты его духовнаго роста. До десяти лѣтъ онъ прошелъ совершенно древнерусскую выучку мастерства церковной грамоты. Но эта выучка шла среди толковъ и явленій совсѣмъ не древнерусскаго характера. Съ десяти лѣтъ кровавыя событія, раздражающія впечатлѣнія вытолкнули Петра изъ Кремля, сбили его съ привычной колеи древнерусской жизни, связали для него старый житейскій порядокъ съ самыми горькими воспоминаніями и дурными чувствами, рано оставили его одного съ военными игрушками и зотовскими куншатами. Во что онъ игралъ въ кремлевской своей дѣтской, это теперь онъ разыгрывалъ на дворахъ и въ рощахъ села Преображенскаго уже не съ заморскими куклами, а съ живыми людьми и съ настоящими пушками безъ плана и руководства, окруженный своими спальниками и конюхами. И такъ продолжалось до 17 лѣтъ. Онъ оторвался отъ понятій, преданій кремлевскаго дворца, которыя составляли политическое міросозерцаніе старорусскаго царя,

его государственную науку, а новыхъ на ихъ мѣста не являлось, взять ихъ было негдѣ и выработать было не изъ чего. Обученіе, начатое съ зотовской указкой и рано прерванное по обстоятельствамъ, потомъ возобновилось, но уже подъ другимъ руководствомъ и въ иномъ направленіи. Старшіе братья Петра переходили отъ подъячихъ, обучавшихъ ихъ церковной грамотѣ, къ воспитателю, который кое-какъ все же знакомилъ воспитанниковъ съ политическими и нравственными понятіями, шедшими далѣе обычнаго московскаго кругозора, говорилъ имъ о гражданствѣ, о правленіи, о государѣ и его обязанностяхъ къ подданнымъ. Петру не досталось такого учителя: мѣсто Симеона Полоцкаго или Ртищева для него заступилъ голландскій мастеръ со своими математическими и и военными науками, съ выучкой столь же мастеровой, технической, какъ зотовская, только съ другимъ содержаніемъ. Прежде, при Зотовѣ, была занята преимущественно память: теперь вовлечены были въ занятія еще глазъ, сноровка, сообразительность; разумъ, сердце оставались праздными попрежнему. Понятія и наклонности Петра получали крайне одностороннее направленіе. Вся политическая мысль его была поглощена борьбой съ сестрой и Милославскими; все гражданское настроеніе его сложилось изъ ненавистей къ боярству, стрѣльцамъ, раскольникамъ; солдаты, пушки, корабли заняли въ его умѣ мѣсто людей, политическихъ учрежденій, народныхъ нуждъ, гражданскихъ отношеній. Необходимая для каждаго человѣка область понятій объ обществѣ и общественныхъ обязанностяхъ, гражданская этика, долго, очень долго оставалась заброшеннымъ угломъ въ духовномъ хозяйствѣ Петра. Онъ пересталъ думать объ обществѣ раньше нежели успѣлъ сообразить, чѣмъ могъ быть для него». Дѣйствительно, Петръ не имѣлъ привычки систематически размышлять, но у него зато всегда были наготовѣ двѣ основы образа мыслей — это чувство долга и вѣчная мысль объ общемъ благѣ отечества, въ служеніи которому и состоитъ этотъ долгъ.

Юный императоръ Петръ II внукъ Петра I, сынъ царевича Алексѣя Петровича, родился 12 октября 1715 г., отъ брака послѣдняго съ принцессою Софіею Шарлотою Вольфенбюттельскою, которая, спустя десять дней послѣ рожденія сына, умерла и погребена въ С.-Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ.

Воспитаніе отца юнаго Петра II царевича Алексѣя было безпорядочно; сперва онъ находился при матери, первой жены Петра Великаго — Евдокіи Ѳеодоровны, рожденной Лопухиной, и бабушкѣ Наталіи Кирилловны Нарышкиной, (второй супруги царя Алексѣя Михайловича, матери Петра I), по смерти же послѣдней подпалъ исключительно подъ вліяніе нелюбимой Петромъ Евдокіи Ѳеодоровны.

Съ 1696 г. царевичъ Алексѣй началъ учиться грамотѣ по букварю Коріона Истомина, а воспитателемъ его былъ опредѣленъ Никифоръ Вяземскій. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1698 г. мать царевича была отправлена въ Суздальскій Покровскій монастырь и черезъ десять мѣсяцевъ пострижена, а сынъ ея Алексѣй Петровичъ увезенъ въ село Преображенское и отданъ подъ надзоръ сестры отца, царевны Наталіи Алексѣевны. Петръ сначала думалъ отправить царевича Алексѣя въ Дрезденъ для соотвѣтствующаго обученія, но въ іюнѣ 1701 г. принялъ на службу Саксонскаго подданнаго Мартина Нейгебауэръ «для наставленія въ наукахъ и нравоученій» царевича. Однако Нейгебауэръ пробылъ въ должности воспитателя всего годъ, а въ 1703 г. былъ уже назначенъ нѣкто Гизенъ оберъ-гофмейстеромъ царевича подъ начальствомъ князя Меншикова.

Воспитаніе Алексѣя Петровича не отличалось порядкомъ, почему вліяніе недовольныхъ старовѣровъ и приверженцевъ матери пересиливало другія. Самъ Петръ мало обращалъ вниманія, чѣмъ занятъ его сынъ, требуя отъ него лишь исполненія своихъ приказаній. Въ концѣ 1706 г. или самомъ началѣ 1707 г. Алексѣю Петровичу устроили свиданіе съ его матерью, за что Петръ сильно разгнѣвался на сына. Въ этомъ-же 1707 г. черезъ Гизена началось дѣло о бракѣ царевича съ принцессой Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскою Шарлотой, сестрой

Царевичъ Алексѣй Петровичъ, отецъ Петра II.

нѣмецкой императрицы, однако ученіе царевича Алексѣя еще не прекращалось. Въ январѣ 1707 г. Никифоръ Вяземскій доносилъ царю «объ учебныхъ въ нѣмецкомъ языкѣ, исторіи и географіи, и правительственныхъ занятіяхъ царевича».

Въ 1710 г. царевичъ Алексѣй поѣхалъ черезъ Варшаву и Дрезденъ въ Карлсбадъ, во время пути онъ свидѣлся съ нареченной своей невѣстой. Цѣль самой поѣздки была, по мысли Петра I «учиться языкамъ нѣмецкому и французскому, геометріи и фортификаціи», что отчасти и выполнялось въ Дрезденѣ, послѣ поѣздки въ Карлсбадъ. Весною 1711 г. Алексѣй Петровичъ былъ въ Брауншвейгѣ, а въ октябрѣ того же года состоялось бракосочетаніе царевича съ принцессою, которая осталась въ евангелическо-лютеранскомъ вѣроисповѣданіи. На это торжество прибылъ и Петръ I изъ Торгау, который сильно надѣялся, что женитьба измѣнитъ сына и вложитъ въ него новую энергію; но надежды отца оказались тщетными: принцесса Шарлотта не была создана для такой роли. Какъ у царевича Алексѣя не было охоты подражать отцовской дѣятельности, такъ и у его жены не было ни малѣйшаго желанія стать русскою и дѣйствовать въ интересахъ царской семьи, употребя свое вліяніе на мужа. Оба они были похожи другъ на друга—косностью природы; наступательное движеніе противъ препятствій были чужды обоимъ; природа ихъ требовала бѣжать, запираться отъ всякаго труда, отъ всякой борьбы.

Шарлотта Софія,
жена царевича Алексѣя, мать Петра II.

Сынъ несчастнаго царевича Алексѣя, лишеннаго престола за свою приверженность къ старинѣ и скончавшагося въ 1718 г. нашелъ материнскую заботу въ лицѣ второй супруги своего дѣда, доброй и умной отъ природы императрицѣ Екатеринѣ, названной при переходѣ въ православіе по имени своего крестнаго отца, Алексѣевной, такъ какъ имъ былъ царевичъ Алексѣй, отецъ Петра II.

Попеченіе о маленькомъ Петрѣ Алексѣевичѣ сначала было возложено на гу-

вернантку Роо, но потомъ императрица Екатерина Алексѣевна всецѣло приняла на себя заботу о немъ и его старшей сестрѣ Наталіи. Наружностью своей маленькій Петръ походилъ на свою мать, но живостью и веселымъ характеромъ обнаруживалъ черты своего дѣда, которыя сказывались въ любви къ военнымъ играмъ и порой вспыльчивостью. Петръ Великій любовался, когда его внукъ строилъ батареи и самъ стрѣлялъ изъ маленькихъ пушекъ. Дѣдъ подарилъ внуку даже шпагу, которую любовно хранилъ Петръ II.

Расположеніе къ внуку, со стороны царя и царицы выразилось еще сильнѣе, послѣ смерти ихъ родного сына Петра Петровича. Императрица Екатерина не разъ торжественно праздновала въ Петербургѣ день рожденія маленькаго Петра. Послѣ смерти своего супруга, Екатерина не переставала заботиться о воспитаніи своего десятилѣтняго внука.

Императрица Екатерина I.

Въ 1726 г., въ основанный Екатериною Верховный Тайный Совѣтъ, его членомъ барономъ Остерманомъ было внесено предложеніе—женить 12 лѣтняго племянника на 17 лѣтней его теткѣ Елисаветѣ, а «для оправданія брака въ столь близкомъ родствѣ», замѣчаетъ В. О. Ключевскій, «не побрезговалъ такими библейскими соображеніями о первоначальномъ размноженіи рода человѣческаго, что даже Екатерина I стыдливо прикрыла рукой этотъ проектъ». Иностранные дипломаты при русскомъ дворѣ придумали мировую поумнѣе: Меншиковъ измѣнилъ своей партіи, сталъ за внука Петра Великаго и уговорилъ императрицу назначить великаго князя наслѣдникомъ съ условіемъ женитьбы на дочери Меншикова, дѣвицѣ года на два помоложе тетки Елизаветы.

Въ 1727 г., когда Екатерина незадолго до своей смерти опасно занемогла, для рѣшенія вопроса о ея преемникѣ во дворцѣ собрались члены высшихъ правительственныхъ учрежденій и это верховное совѣщаніе рѣшительно предпочло внука обѣимъ дочерямъ Петра. Передъ самой смертью Екатерины спѣшно составлено было завѣщаніе, подписанное Елизаветой вмѣсто больной матери. Этотъ «тестаментъ» долженъ былъ примирить враждебныя стороны, приверженцевъ

обѣихъ семействъ Петра I. Къ престолонаслѣдію призывались четыре лица: великій князь—внукъ, цесаревны Анна и Елизавета и великая княжна Наталья (сестра Петра II); каждое лицо со своимъ потомствомъ наслѣдуетъ предшественнику въ случаѣ его безпотомственной смерти.

Меншиковъ, предсѣдательствуя въ Верховномъ Совѣтѣ, настоялъ провозгласить Петра II императоромъ, вслѣдствіе чего пунктъ завѣщанія, назначавшій регентство въ лицѣ Верховнаго Совѣта былъ недѣйствителенъ и императоръ долженъ былъ быть объявленъ совершеннолѣтнимъ, а такъ какъ всякое приказаніе государя, по русскимъ законамъ, дѣлалось указами, то тотъ, кто могъ руководить этими приказаніями и становился регентомъ государства. Для полученія постояннаго руководства этими приказаніями Меншиковъ перевезъ Петра II въ свой домъ на Васильевскій островъ, и черезъ двѣ недѣли обручилъ его со своей дочерью Маріей и ввѣрилъ его воспитаніе вице-канцлеру, оберъ-гофмейстеру А. И. Остерману, воспитаннику Іенскаго университета, которому предстояла нелегкая задача—приготовить Россіи Монарха, при чемъ приходилось постоянно дѣлать уступки Меншикову, который своими честолюбивыми замыслами отвлекалъ юнаго императора отъ ученія.

Андрей Ивановичъ Остерманъ.

Впрочемъ Остерманъ честно исполнялъ свою задачу и представилъ Верховному Совѣту «расположеніе ученія Е. И. В. Петра II Императора Всероссійскаго», каковое было утверждено, причемъ было сказано: «Понеже часы къ наукамъ и забавамъ всегда перемѣняться имѣютъ, того ради въ раздѣленіи о нихъ надлежитъ наипаче смотрѣть предъ полудня. И такъ, ежели Его Императорское Величество обыкнетъ порядочно отъ 9 или 10 часа почивать ложиться, то можетъ паки отъ 7 или 8 часа вставать. И понеже ничто благословенно быть не можетъ, что не съ Богомъ начато, произведено и совершенно бываетъ, то первое и наиважное было, чтобъ Е. И. В., коль скоро встанетъ, прежде всего чинить имѣлъ, чтобъ Богу обратился и умиленною молитвою себя ему наиприлежнѣйше поручилъ. Потомъ, отдохнувъ немного, можно науки предвоспріять».

Предметы преподаванія были распредѣлены на цѣлую недѣлю въ такомъ порядкѣ:

Понедѣльникъ. Отъ 9 до 10 часовъ читать исторію и «вкратцѣ главнѣйшіе случаи прежнихъ временъ, перемѣны, приращеніе и умаленіе разныхъ государствъ, причины тому, а особливо добродѣтели правителей древнихъ съ воспослѣдованною потомъ пользою и славою представлять». По этой программѣ Петръ II долженъ былъ «во время полугода» пройти ассирійскую, персидскую, греческую и римскую монархіи до самыхъ новыхъ временъ. Отъ 10 до 11 царственный ученикъ долженъ былъ отдыхать, а отъ 11 до 12 вновь продолжалось прохожденіе древней исторіи, послѣ чего наступало до 2 часовъ время обѣда и покоя. Отъ 2 до 3 часовъ слѣдовали танцы и «концертъ», а отъ 3 до 4

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ II.
Съ гравюры Бонера.

уроки географіи «отчасти по глобусу, отчасти по ландкартамъ». Въ 4 часа кончались научныя занятія и ученику предоставлялось гулять и «покоиться».

Во вторникъ, отъ 9 до 12 часовъ, съ перерывомъ на часъ, шло преподаваніе новой исторіи, а отъ 2 до 3 часовъ Государь «забавлялся игрою въ воланъ»; въ 3 часа наступали занятія «математическими операціями, ариѳметикой и геометріей», а въ 4 часа дозволялась стрѣльба въ мишень.

Въ среду, до полудня Государь долженъ былъ присутствовать, для слушанія дѣлъ на засѣданіяхъ Верховнаго Совѣта; въ два часа онъ обучался игрѣ на бильярдѣ, а съ 3 до 4 шли занятія древней исторіи, послѣ чего Петръ II шелъ «забавляться ловлею на острову».

Въ четвергъ, до 12 часовъ, съ перерывомъ на часъ, шли занятія географіей, отъ 2 до 3 танцы, отъ 3—4 новая исторія, отъ 4 до 5 «концертъ музыческій», а вечеръ посвящался прогулкамъ, поѣздкамъ и отдыху.

Въ пятницу, до 12 часовъ Государь снова присутствовалъ въ Верховномъ Совѣтѣ; отъ 2 до 3 часовъ игралъ на бильярдѣ, отъ 3—4 проходилъ «прочія математическія части и искуства изъ механики, оптики» и проч., а послѣ 4-хъ часовъ катался, гулялъ и отдыхалъ.

Въ субботу, до полудня, рѣшено было «по изволенію то, что въ географіи и математикѣ, во всю недѣлю учинено творить», и этимъ кончались недѣльныя занятія, распредѣленіе которыхъ было составлено на вторую половину 1727 года, при чемъ въ распредѣленіи было сказано: «въ каждой наукѣ надлежитъ собственное краткое описаніе ученить, которое обученіе Государя особливо учреждено быть имѣетъ. Если же Его Величество въ вечеру въ 7 часу, иль полъ—осьмого кушать изволить, то можетъ послѣ ужина, пока часъ къ почиванію придетъ, паки отъ божественной книги что нибудь читать повелѣть, и потомъ, по совершеніи молитвы, во имя Божіе, на покой итти».

Кромѣ того Остерманомъ былъ составленъ подробный планъ ученія на будущее время, состоявшій изъ 9 отдѣленій—о ученіи вообще, о новой исторіи или статистикѣ, о политикѣ, о военномъ искусствѣ, о древней исторіи, объ ариѳметикѣ и геометріи, о космографіи, о физическихъ знаніяхъ, объ архитектурѣ, о наукѣ, отличность воспитанія обнаруживающихъ, о расположеніи дней и часовъ. Къ программѣ Остермана извѣстный архіерей Ѳеофанъ Прокоповичъ добавилъ разсужденіе, «какимъ образомъ и порядкомъ надлежитъ багрянороднаго отрока наставлять въ христіанскихъ законахъ».

Забота Остермана дать царственному ученику образованіе въ духѣ иноземной школы XVIII вѣка, при чемъ отведено было мѣсто и развитію физическихъ силъ царя-отрока, имѣли успѣхъ.

Императоръ Петръ II отличался цвѣтущимъ видомъ и былъ не по лѣтамъ ловокъ, силенъ и безстрашенъ. Точно также изъ уроковъ Остермана царственный ученикъ умѣлъ извлекать нужный для его рѣчей матеріалъ. Однажды бывъ въ началѣ своего царствованія на засѣданіи Верховнаго Совѣта, Петръ II обратился къ его членамъ съ такою рѣчью:

«Послѣ какъ Богъ изволилъ меня, въ малолѣтствѣ всея Россіи Императоромъ учинить, настоящее мое стараніе будетъ, чтобы исполнить должность добраго Императора, то есть, чтобы народъ, мнѣ подданный, богобоязненностію

и правосудіемъ управлять, чтобы бѣдныхъ защищать, убогихъ и неправильно отягощенныхъ отъ себя не отгонять, но веселымъ лицомъ жалобы ихъ выслушивать, и по похвальному Императора Веспасіана примѣру, никого отъ себя печальнаго не отпускать».

Рѣчь эта отзываетъ пунктомъ вышеприведенной программы преподаванія исторіи «*особливо добродѣтели правителей древнихъ съ воспослѣдованною потомъ пользою и славою представлять*»; почему она быть можетъ даже составлена была самимъ Остерманомъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что Петръ II былъ преисполненъ всегда самыхъ добрыхъ намѣреній и желаній. Такъ въ день именинъ своей тетки Елисаветы Петровны въ 1727 г. Петръ II подарилъ ей всѣ имѣнія, принадлежавшія императрицѣ Екатеринѣ I, а Остерманъ писалъ Меншикову, что онъ не знаетъ какъ ему быть чтобы своего воспитанника не оставлять съ Елисаветою «съ глазъ на глазъ».

Съ царевною Елисаветою, ея сестрою Анною, своею невѣстой и великой княжной Наталіею Алексѣевной, бывшей на годъ старше брата и отличавшейся удивительной сердечностью и высокимъ умственнымъ развитіемъ, юный Императоръ въ домѣ Меншикова проводилъ большую часть времени, играя съ ними въ карты, или упражняясь въ военныхъ экзерциціяхъ съ приходившими къ нему для этого кадетами шляхетскаго корпуса.

Но будучи ограниченъ во всемъ своимъ будущимъ тестемъ, Петръ II не любилъ ни Меншикова ни его дочери, своей невѣсты. Ранѣе другихъ этой антипатіей Петра воспользовались князья Долгорукіе, дѣйствуя чрезъ любимца Петра, молодого князя Ивана Долгорукаго, 18-ти лѣтняго юношу, успѣвшаго уже много пожить, человѣка обращавшаго ночь въ день и любившаго больше всего охоту съ борзыми. Чрезъ этого друга Петра внушена была Государю мысль избавиться отъ опеки временщика и надоѣвшей невѣсты. Такъ какъ исключительное положеніе Меншикова при дворѣ обусловилось лишь благоволеніемъ къ нему Петра II, то Меншикова свергнуть было не трудно. По приказу Императора онъ былъ арестованъ и удаленъ въ свое сперва Рязанское имѣніе, а потомъ въ Сибирь, въ Березовъ, послѣ того, какъ четыре мѣсяца самовластно распоряжался государствомъ. До паденія Меншикова, Петръ II присутствовалъ въ засѣданіяхъ Совѣта всего только три раза. Затѣмъ 8 сентября написалъ два указа о *бытности* и присутствіи Его Величества въ Совѣтѣ и о *неслушаніи* указовъ или писемъ Меншикова; на слѣдующій день опаки въ Совѣтѣ быть изво-

лилъ», причемъ Петру было доложено дѣло Меншикова, «а по выходѣ Его Величества указъ о лишеніи чиновъ князя Меншикова написанъ, который Петръ въ своихъ покояхъ подписать изволилъ».

Эта ссылка Меншикова вызвала общую радость въ высшемъ обществѣ. Однако самъ Петръ еще не могъ управлять, а его благоволеніе должно было создать фаворитовъ и вліятельныхъ лицъ. Любовью Петра завладѣли Долгорукіе, его уваженіе снискалъ Остерманъ. На вакантныя мѣста въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ были назначены двое Долгорукихъ: Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ. Несмотря на это А. И. Остерманъ сохранилъ пріобрѣтенное имъ послѣ Меншикова первенствующее вліяніе на дѣла, не уступая его родовитѣйшему русскому человѣку Д. И. Голицыну.

Царевна Елисавета Петровна.
Съ портрета Романовской галлереи Зимняго дворца.

Въ 1728 г. 9-го января Петръ выѣхалъ для коронаціи въ Москву изъ Петербурга при троекратномъ залпѣ пушекъ и сѣверная столица уже болѣе не видѣла его. На пути своемъ къ Москвѣ Петръ II былъ блестяще встрѣченъ архіепископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ Новгородѣ, гдѣ Монарху былъ приготовленъ трогательный пріемъ. За версту до города Государя встрѣтили 400 мальчиковъ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ красными перевязями и нашивками на груди, и привѣтствовали его на русскомъ и латинскомъ языкахъ. За ними слѣдовалъ почетный строй дворянъ, смѣшанный съ цеховыми ремесленниками, тянувшійся по обѣимъ сторонамъ дороги до самаго города. При въѣздѣ въ городъ возвышались тріумфальныя ворота, «инвенціею преосвященства преславно построенныя», на которыхъ красовались аллегорическія картины, эмблемы и символическія изреченія. Императору архіепископъ далъ обѣдъ, послѣ чего былъ сожженъ фейерверкъ изъ 150 пирамидъ. Въ бытность свою въ Новгородѣ Петръ II осмотрѣлъ достопримѣчательности древняго города, принялъ стихи, поднесенныя Государю Прокоповичемъ и «показалъ неизреченную милость убогимъ и обидѣннымъ»; затѣмъ 17-го января Петръ II прибылъ въ вотчину князя Ивана Ромодановскаго, стоявшую въ 40 верстахъ отъ Москвы, гдѣ болѣзнь задержала его около двухъ недѣль, послѣ этого Государь отправился въ село Всесвятское, гдѣ остановился у старой имеретинской царицы. Отсюда совершился 4-го февраля его въѣздъ въ Москву, причемъ Государь ѣхалъ въ каретѣ, запряженной восемью лошадьми и съ нимъ сидѣлъ его воспитатель Остерманъ.

9-го февраля, Петръ II явился въ засѣданіе Верховнаго Совѣта, но «на

мѣсто свое садиться не изволилъ», а стоя объявилъ, что желаетъ: «чтобы Ея Величество, бабка его (Евдокія Ѳеодоровна, первая жена Петра Великаго), по своему высокому достоинству во всякомъ удовольствіи содержана была».

24-го февраля состоялась коронація Петра II и по случаю этого торжества князья Василій Долгорукій и Иванъ Трубецкой возведены были въ званіе фельдмаршаловъ, а Минихъ получилъ графскій титулъ. Любопытно отмѣтить, что Верховный Совѣтъ не разрѣшилъ при коронованіи Петра II сказать наставительную рѣчь, въ которой вѣнчанному Императору давалось наставленіе быть послушнымъ сыномъ Православной церкви, почитать ея пастырей и проч. Резолюція Верховнаго Совѣта была — «чтобы предики не быть».

Парадный портретъ Петра II, хранящійся въ Оружейной палатѣ.

Въ Петербургѣ день коронаціи 24-го февраля былъ отпразднованъ торжественно, а наканунѣ въ Академіи Наукъ состоялось парадное засѣданіе, въ заключеніе котораго профессоръ Байеръ (относившій славянъ-варяговъ къ шведамъ) прочелъ панегирики «въ латинскихъ виршахъ, ради коронованія». Пребываніе двора въ Москвѣ однако не означало той общей реакціи противъ преобразованія, на которую надѣялись многіе приверженцы Петра. Въ управленіи государствомъ не было никакой опредѣленной программы — ни къ возврату въ до-петровскія формы жизни, ни къ продолженію преобразованій Петра Великаго. Юный Императоръ не занимался ни наукою, ни правленіемъ; придворное вліяніе Долгорукихъ очень дурно дѣйствовало на малолѣтняго Петра, направляя всѣ его интересы въ сторону забавъ и удовольствій. Впрочемъ, иногда другъ Государя князь Иванъ Долгорукій оказывалъ и хорошее вліяніе на его поступки. Разсказываютъ, что когда Петру II предстояло подписать какой-то смертный приговоръ и молодой Государь уже обмакнулъ перо въ чернила, чтобы подпи-

сать его, Долгорукій укусилъ своего друга за ухо, желая этимъ показать, какъ должно быть больно тому, кому отрубаютъ голову.

Все въ государствѣ жило день за днемъ. Иностранные послы находили, что «все въ Россіи въ страшномъ безпорядкѣ»; одинъ Остерманъ работалъ усердно, но силъ его не хватало на всѣ дѣла. Верховный Тайный Совѣтъ собирался рѣдко. Администрація какъ и финансы были неудовлетворительны и и находились въ разстройствѣ. Но народъ, довольный облегченіемъ отъ податей, видѣлъ въ лицѣ Петра II законнаго Государя и не видѣлъ въ Долгорукихъ вредныхъ временщиковъ, не видѣлъ и особаго разстройства правленія. Во дворцѣ же вліяніе князей Долгорукихъ настолько выросло, что въ концѣ 1729 г. они рѣшили, подобно Меншикову, упрочить свое положеніе, при помощи брачныхъ узъ, и уговорили Петра II обвѣнчаться съ сестрою Ивана Долгорукаго, княжною Екатериною Алексѣевною, бывшею на нѣсколько лѣтъ старше своего вѣнценоснаго жениха.

Обрученіе съ княжною Долгорукою состоялось 30 ноября 1729 года, но и эта вторичная помолвка Государя не окончилась свадьбой. Петръ всецѣло отдавшись удовольствіямъ — охотѣ и шумнымъ пирамъ, на просьбы Остермана подумать о будущемъ Россіи и о своемъ здоровьи — обнималъ лишь своего воспитателя, обѣщалъ исправиться, но затѣмъ снова принимался за охоту съ борзыми, кулачные бои и травлю медвѣдей. 6-го января 1730 г. Петръ II присутствовалъ на водосвятіи на Москвѣ рѣкѣ, послѣ чего вскорѣ заразился оспою и проболѣвъ около двухъ недѣль, умеръ на рукахъ своего воспитателя въ ночь съ 18 на 19 число въ Петровскомъ дворцѣ, близъ Москвы.

Императоръ Петръ III сынъ цесаревны Анны Петровны, второй дочери Петра Великаго и императрицы Екатерины Алексѣевны, родился 27 января 1708 года. Цесаревна въ дѣтствѣ получила нѣкоторое образованіе, по крайней мѣрѣ знала нѣсколько иностранныхъ языковъ. Въ 1720 г. явился въ Петербургъ искатель ея руки герцогъ голштинскій Фридрихъ-Карлъ. Сватовство тянулось очень долго, и лишь въ концѣ 1724 г. подписанъ былъ брачный контрактъ, а самая свадьба состоялась уже послѣ смерти Петра Великаго, въ маѣ мѣсяцѣ 1725 г. Анна Петровна была любимица отца и есть извѣстіе, что Петръ хотѣлъ сдѣлать ее наслѣдницей престола.

При жизни императрицы Екатерины герцогъ голштинскій и его жена пользовались большимъ вниманіемъ при дворѣ, но послѣ кончины Екатерины, Меншиковъ сталъ притѣснять ихъ и въ іюлѣ 1727 г. они уѣхали въ Голштинію.

Супружеская жизнь Анны Петровны сложилась очень несчастливо, семейныя огорченія рано свели ее въ могилу. Разрѣшившись отъ бремени 10 февраля 1728 г. сыномъ Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ, Анна Петровна простудилась и скончалась 4 марта того-же года отъ чахотки, выразивъ желаніе быть погребенной въ Россіи, что и было исполнено.

Новорожденный ея сынъ былъ такимъ образомъ лишенъ материнской ласки и заботъ и попалъ на попеченіе лицъ, составлявшихъ свиту голштинскаго герцога, который, послѣ смерти своей жены, лишился субсидій, получаемыхъ изъ Россіи, а потому испытывалъ большую матеріальную нужду. Но Карлъ-Фридрихъ отлично зналъ, что его сынъ, какъ внукъ Петра Великаго — единственный, послѣ Елизаветы Петровны, наслѣдникъ русскаго престола, почему говаривалъ окружающимъ:

«Онъ выручитъ меня изъ нужды и поправитъ мои дѣла».

До семилѣтняго возраста внукъ Петра Великаго росъ на попеченіи женщинъ, въ числѣ которыхъ вначалѣ находилась мадамъ Летуръ Лануа, состоявшая при цесаревнахъ Аннѣ и Елизаветѣ, въ царствованіе Петра II она выѣхала съ Анной Пе-

Царевна Анна Петровна, мать Петра III.

тровной въ Голштинію, а послѣ смерти герцогини возвратилась во Францію. Затѣмъ къ Карлу-Петру-Урлиху были приставлены придворные чины изъ военныхъ, которые и постарались привить принцу-юношѣ всѣ мудрости военнаго воспитанія. Онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, ходилъ въ караулы наравнѣ съ другими придворными людьми и велъ съ ними разговоры лишь о военной службѣ, къ которой пристрастился всею силою души. Парады, разводы были его праздниками, поэтому, желая наказать принца, закрывали нижнюю часть окна, чтобы онъ не могъ любоваться зрѣлищемъ парада. Голштинскіе офицеры, подражавшіе во всемъ шведскому королю Карлу XII, обращались съ принцемъ сурово, ставя его колѣнями на горохъ.

Воспитываемый односторонне, принцъ огрубѣлъ въ военной средѣ и всецѣло проникся интересами ея службы. На всю жизнь онъ сохранилъ воспоминаніе о днѣ, когда былъ произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ въ секундъ-лейтенанты, считая это событіе самымъ радостнымъ и знаменательнымъ изъ всего того, что ему пришлось пережить впослѣдствіи.

Герцогъ Голштинскій, подражая во всѣхъ мелочахъ Карлу XII, хотѣлъ чтобы и сынъ его обладалъ тѣми же знаніями, что и шведскій король, т. е. богословіемъ и латинскимъ языкомъ. Богословіе преподавалъ пасторъ Хоземанъ, а латинскій языкъ — ректоръ Кильской латинской школы г. Юль, который вызывалъ страшную ненависть принца и служилъ для него предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ.

По смерти отца (1739 г.) десятилѣтній Карлъ-Петръ-Ульрихъ былъ взятъ подъ опеку дядей, принцемъ Адольфомъ, епископомъ Эйтенскимъ; въ домѣ его воспитаніе сироты было поставлено еще въ худшія условія для умственнаго развитія, такъ какъ отличалось усиленно-грубымъ солдатскимъ характеромъ.

Императрица Екатерина II въ своихъ «запискахъ» говоритъ:

«Отецъ Петра III, голштинскій герцогъ Карлъ-Фридрихъ, племянникъ шведскаго короля Карла XII — былъ государь слабый, блѣдный, дуренъ собою, небольшого роста и слабаго сложенія (смотри журналъ Берхгольца). Онъ умеръ въ 1739 г., и опеку надъ его сыномъ, которому тогда было около 11 лѣтъ, принялъ его двоюродный братъ герцогъ голштинскій и епископъ любскій Адольфъ-Фридрихъ, вступившій потомъ, вслѣдствіе Абовскаго мира и по ходатайству Императрицы Елизаветы, на шведскій престолъ. Главнымъ воспитателемъ Петра былъ гофмаршалъ двора его, Брюмеръ, родомъ шведъ, потомъ оберъ-камергеръ Берхгольцъ, авторъ названнаго журнала, и четыре камергера, изъ которыхъ одинъ Адлерфельдъ, написавшій исторію Карла XII. Вахмейстеръ былъ

шведъ, а двое другихъ, Вольфъ и Модфельдъ, голштинцы. Принца воспитывали какъ наслѣдника шведскаго престола.

«Дворъ его, слишкомъ многочисленный для Голштиніи, раздѣлялся на нѣсколько партій ненавидѣвшихъ другъ друга. Каждая партія старалась овладѣть душою принца, воспитать его по своему, и, разумѣется, внушить ему отвращеніе къ своимъ противникамъ. Молодой принцъ отъ всей души ненавидѣлъ Брюмера и не любилъ никого изъ своихъ придворныхъ, потому что они его тяготили. Съ десятилѣтняго возраста Петръ обнаружилъ склонность къ вину. Его часто заставляли являться на придворные выходы, и слѣдили за нимъ неусыпно. Въ дѣтствѣ и въ первые годы пребыванія въ Россіи, онъ любилъ двоихъ стариковъ — камердинеровъ, лифляндца Крамера и шведа Румберга. Послѣдній былъ для него дороже всѣхъ. Это былъ человѣкъ довольно грубый и неотесанный; онъ служилъ драгуномъ въ полкахъ Карла XII. Брюмеръ, а слѣдовательно и Берхгольцъ, который на все глядѣлъ глазами Брюмера, были приверженцы принца, опекуна и правителя. Всѣ остальные не любили этого принца и еще менѣе его приближенныхъ».

Императрица Елисавета Петровна. Съ гравюры *Соколова*.

«Въ первый разъ я увидѣла Петра одиннадцати лѣтъ, въ Эйтинѣ, у его опекуна принца епископа любскаго, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины отца его, герцога Карла Фридриха. Это было въ 1739 году. Принцъ-епископъ созвалъ въ Эйтинъ всѣхъ родственниковъ, чтобы представить имъ своего питомца. Моя бабушка (мать принца-епископа) и сестра его, моя мать, пріѣхали изъ Гамбурга и привезли меня съ собою. Мнѣ было тогда десять лѣтъ. Кромѣ того, тамъ были еще принцъ Августъ и принцесса Анна, братъ и сестра принца-опекуна и правителя Голштиніи. Тутъ я услыхала какъ собравшіеся родственники толковали между собою, что молодой герцогъ склоненъ къ пьянству, что приближенные не даютъ ему напиваться за столомъ, что онъ упрямъ и вспыльчивъ, не любитъ

Великій князь Петръ Ѳеодоровичъ.

своихъ приближенныхъ и особливо Брюмера; что, впрочемъ, онъ довольно живого нрава, но сложенія слабаго, болѣзненнаго. Дѣйствительно, цвѣтъ лица его былъ блѣденъ; онъ казался тощъ и нѣжнаго темперамента. Онъ еще не вышелъ изъ дѣтскаго возраста, но придворные хотѣли, чтобы онъ держалъ себя, какъ совершеннолѣтній. Это тяготило его, заставляя быть въ постоянномъ принужденіи. Натянутость и неискренность перешли отъ внѣшнихъ пріемовъ обращенія и въ самый характеръ».

Петръ Ѳеодоровичъ былъ человѣкомъ слабо одареннымъ и физическими и умственными силами, а гофмаршалъ Брюмеръ — его воспитатель былъ болѣе солдатъ, чѣмъ образованный человѣкъ, скорѣе конюхъ чѣмъ педагогъ.

Дѣтство Петра прошло такъ, что ничѣмъ добрымъ его нельзя было вспомнить. Брюмеръ установилъ такой порядокъ жизни для своего питомца, который разстраивалъ здоровье воспитанника и безъ того слабое; напримѣръ при продолжительныхъ занятіяхъ мальчикъ не имѣлъ моціона, не ѣлъ до двухъ часовъ дня. А въ часъ обѣда владѣтельный герцогъ часто лишь смотрѣлъ изъ угла, какъ его дворня ѣла обѣдъ, въ которомъ ему было отказано его наставниками. Плохо питая мальчика, ему не позволяли рѣзвиться, почему онъ и сталъ вялымъ и слабымъ. Нравственное воспитаніе было пренебрежено: стояніе на колѣняхъ на горохѣ, одѣваніе шапки съ ослиными ушами, удары хлыста и даже битье чѣмъ попало — были обыкновеннымъ средствомъ педагогическаго убѣжденія. Рядъ нравственныхъ униженій передъ придворными, грубыхъ окриковъ Брюмера и его наглыхъ выходокъ не могъ, конечно выработать въ принцѣ ни здравыхъ нравственныхъ понятій, ни чувства человѣческаго достоинства. Умственное воспитаніе тоже было плохо. Петръ изучалъ много языковъ, много предметовъ, но учили его черезъ силу, не соображаясь съ его слабыми способностями, и онъ мало усвоилъ и получилъ полное отвращеніе къ ученію. Латынь, которая тогда была обязательна для каждаго образованнаго человѣка, ему опротивѣла до того, что онъ, будучи уже наслѣдникомъ русскаго престола, не выносилъ въ своей библіотекѣ книгъ на латинскомъ языкѣ и запретилъ ихъ покупать.

«По странной игрѣ случая», говоритъ В. Ключевскій, «въ лицѣ этого принца совершилось загробное примиреніе двухъ величайшихъ соперниковъ начала XVIII вѣка: Петръ III былъ сынъ дочери Петра I и внукъ сестры Карла XII. Вслѣдствіе этого владѣльцу маленькаго герцогства Голштинскаго грозила серьезная опасность стать наслѣдникомъ двухъ крупныхъ престоловъ, шведскаго и русскаго. Сначала его готовили къ первому и заставляли учить лютеранскій катехизисъ, шведскій языкъ и латинскую грамматику. Но Елисавета, вступивъ на престолъ и желая обезпечить его за линіей своего отца, командировала майора Корфа съ порученіемъ во что бы ни стало взять ея племянника изъ Киля и доставить въ Петербургъ. Здѣсь Голштинскаго герцога Карла-Петра-Ульриха преобразили въ великаго князя Петра Ѳеодоровича и заставили изучать русскій языкъ и православный катехизисъ. Но природа не была къ нему такъ благосклонна, какъ судьба: вѣроятный наслѣдникъ двухъ чужихъ и большихъ престоловъ, онъ, по своимъ способностямъ, не годился и для своего собственнаго маленькаго трона. Онъ родился и росъ хилымъ ребенкомъ, скудно надѣленнымъ спо-

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
ПЕТРЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ.
Съ рѣдкой гравюры 1754 г. *Нильсона.*

собностями. Въ чемъ не догадалась отказать неблагосклонная природа, то сумѣла отнять у него нелѣпая голштинская педагогія. Унижаемый и стѣсняемый во всемъ, онъ усвоилъ себѣ дурные вкусы и привычки, сталъ раздражителенъ, вздоренъ, упрямъ и фальшивъ, пріобрѣлъ печальную наклонность лгать, съ простодушнымъ увлеченіемъ вѣруя въ свои собственные вымыслы, а въ Россіи пріучился еще напиваться. Въ Голштиніи его такъ плохо учили, что въ Россію онъ пріѣхалъ 14 лѣтнимъ круглымъ неучемъ и даже императрицу Елисавету поразилъ своимъ невѣжествомъ. Быстрая смѣна обстоятельствъ и программъ воспитанія въ конецъ сбила съ толку и безъ того некрѣпкую его голову. Принужденный учиться то тому, то другому безъ связи и порядка, Петръ кончилъ тѣмъ, что не научился ничему, а несходство голштинской и русской обстановки, безсмысліе кильскихъ и петербургскихъ впечатлѣній совсѣмъ отучило его понимать окружающее. Развитіе его остановилось раньше его роста; въ лѣта мужества онъ оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ въ дѣтствѣ, выросъ не созрѣвъ. Его образъ мыслей и дѣйствій производилъ впечатлѣніе чего-то удивительно недодуманнаго и недодѣланнаго. На серьезныя вещи онъ смотрѣлъ дѣтскимъ взглядомъ, а къ дѣтскимъ затѣямъ относился съ серьезностью зрѣлаго мужа. Онъ походилъ на ребенка, вообразившаго себя взрослымъ; на самомъ дѣлѣ это былъ взрослый человѣкъ, навсегда оставшійся ребенкомъ. Уже будучи женатъ, въ Россіи, онъ не могъ разстаться со своими любимыми куклами, за которыми его не разъ заставали придворные посѣтители».

Великій князь Петръ Ѳеодоровичъ.
Съ гравюры *Вилькера*.

«Сосѣдъ Пруссіи по наслѣдственному владѣнію, онъ увлекался военной славой и стратегическимъ геніемъ Фридриха II. Но такъ какъ въ его миніатюрномъ умѣ всякій крупный идеалъ могъ помѣститься только разбившись на игрушечныя мелочи, то это воинственное увлеченіе повело Петра только къ забавному пародированію прусскаго героя, къ простой игрѣ въ солдатики. Онъ не зналъ и не хотѣлъ знать русской арміи, и такъ какъ для него были слишкомъ велики настоящіе живые солдаты, то онъ велѣлъ надѣлать себѣ солдатиковъ восковыхъ, свинцовыхъ и деревянныхъ и разставлялъ ихъ въ своемъ

кабинетѣ на столахъ съ такимъ приспособленіемъ, что если дернуть за протянутые по столамъ шнурки, то раздавались звуки, которые казались Петру похожими на бѣглый ружейный огонь. Бывало въ табельный день онъ соберетъ свою дворню, надѣнетъ нарядный генеральскій мундиръ и произведетъ парадный смотръ своимъ игрушечнымъ войскамъ, дергая за шнурки и съ наслажденіемъ вслушиваясь въ батальные звуки».

Историкъ С. М. Соловьевъ также замѣтилъ, что «Петръ обнаруживалъ всѣ признаки остановившагося духовнаго развитія».

Императрица Елисавета очень была рада видѣть около себя сына сестры. Ее огорчилъ только болѣзненный видъ, хилаго племянника, а также то, что принцъ ничему серьезно не научился. Поэтому Государыня одобрила планъ воспитанія, составленный академикомъ Штеллинымъ и поручила ему заняться образованіемъ племянника, при чемъ, представляя Штеллина Петру, сказала:

Великій Князь Петръ Ѳеодоровичъ. Съ гравюры *Ридиг*[illegible].

—«Я вижу, что Его Высочество часто скучаетъ и долженъ еще поучиться многому хорошему, а потому приставляю къ нему человѣка, который займетъ его полезно и пріятно».

«Вскорѣ послѣ пріѣзда Петра въ Россію явилось шведское посольство съ просьбою, пишетъ въ «Запискахъ» императрица Екатерина II, чтобы Елисавета Петровна дозволила племяннику своему быть наслѣдникомъ шведскаго престола. Но Государыня, уже объявившая свои намѣренія на этотъ счетъ въ предварительныхъ статьяхъ Абосскаго мира, отвѣтила Шведскому сейму, что племянникъ ея наслѣдуетъ русскій престолъ и что она не отступитъ отъ предварительныхъ статей Абосскаго мира, по которому наслѣдникомъ шведскаго престола долженъ быть принцъ-правитель Голштиніи».

«Старшій братъ принца-правителя былъ обрученъ съ императрицею Елисаветою, не задолго до смерти Петра Великаго. Бракъ не состоялся, потому что женихъ умеръ отъ оспы, черезъ нѣсколько недѣль послѣ обрученія. Но императрица Елисавета сохранила объ этомъ принцѣ самое нѣжное воспоминаніе. Такимъ образомъ Петръ, исповѣдавъ вѣру по обряду греческой церкви, былъ объявленъ наслѣдникомъ Елисаветы и великимъ княземъ русскимъ. Въ учителя

ему дали Симеона Тодорскаго, бывшаго потомъ епископомъ псковскимъ. Принцъ былъ крещенъ и воспитанъ по обряду и въ правилахъ самаго строгаго и наименѣе вѣротерпимаго лютеранства. Съ дѣтства онъ не хотѣлъ ничему учиться, и я слышала отъ его приближенныхъ, что въ Килѣ по воскресеньямъ и въ праздничные дни стоило великихъ трудовъ, чтобы заставить его итти въ церковь и подчиниться благочестивымъ обрядамъ, и что въ разговорахъ съ Тодорскимъ онъ по большой части обнаруживалъ отвращеніе отъ религіи. Великій князь не хотѣлъ ни съ чѣмъ согласиться, только спорилъ о каждомъ предметѣ и приближенные его были часто призываемы, чтобы охладить его горячность и склонить къ болѣе мягкимъ выраженіямъ. Наконецъ послѣ многихъ для себя непріятностей, онъ подчинился волѣ императрицы, своей тетки; но можетъ быть по предразсудку, по привычкѣ и по охотѣ противорѣчить, онъ нѣсколько разъ выражалъ, что ему пріятнѣе было-бы уѣхать въ Швецію, нежели оставаться въ Россіи».

Академикъ Яковъ Штеллинъ. Съ гравюры *Георга Шмидта*.

«Брюмеръ, Берхгольцъ и другіе голштинцы оставались при немъ до его женитьбы. Къ нимъ для виду присоединили нѣсколько учителей, балетмейстера Ланге, учившаго Ѳеодоровичемъ и Брюмеромъ, такъ какъ великій князь въ пылу запальчивости обнажилъ шпагу.

танцованію. Преподаватель русскаго языка, Исаакъ Веселовскій, съ самаго начала являлся рѣдко, а потомъ вовсе пересталъ ходить; профессоръ Штеллинъ, который долженъ былъ учить его математическимъ наукамъ и исторіи, собственно только игралъ съ нимъ и служилъ вмѣсто шута». Но этому шуту разъ пришлось встать между Петромъ

«Все свободное время отъ занятій великій князь проводилъ въ обществѣ лакеевъ, карлика Андрея и егеря Бастіана, который обучалъ его на скрипкѣ, занимаясь исключительно военною выправкою своихъ лакеевъ. Онъ возводилъ ихъ въ чины и потомъ разжаловалъ, какъ ему хотѣлось въ силу каприза». Штеллинъ, не имѣя возможности устранить эти упражненія внѣ занятій, чтобы представить ихъ смѣшную сторону, составилъ имъ списокъ и, спустя полгода, прочитавъ Петру, спросилъ его:

«Что подумаетъ свѣтъ о его высочествѣ, если прочтетъ этотъ списокъ его времяпровожденія?».

Однако это не устранило дѣтскихъ игръ и постояннаго ребячества.

Императрица Елисавета, желая поощрить занятія своего племянника фор-

тификаціею, сдѣлала ему чрезвычайно интересный подарокъ. Для Петра былъ заказанъ Государынею фортификаціонный кабинетъ, въ которомъ въ 24 ящикахъ находились всѣ роды укрѣпленій, начиная съ древнихъ римскихъ до современныхъ, съ подземными ходами, минами и т. д. Для ознакомленія же съ укрѣпленіями Россіи, Петру Ѳеодоровичу выдавалась секретная книга, подъ названіемъ «Сила Имперіи», въ которой были планы всѣхъ русскихъ крѣпостей, отъ Риги до турецкихъ, персидскихъ и китайскихъ крѣпостей. Штеллинъ, знакомя великаго князя съ этой книгой тутъ же давалъ ему свѣдѣнія по исторіи и географіи Россіи.

Съ порт[illegible]

Въ 1744 году 9-го февраля пріѣхала въ Петербургъ невѣста Петра со своею матерью. Вопросу о женитьбѣ при русскомъ дворѣ придавали чрезвычайно большое политическое значеніе и боялись ошибиться.

Императрица Елисавета Петровна остановилась на томъ лицѣ, на которое указала, въ противность канцлеру Бестужеву, французско-прусская партія, на которое указывалъ и Фридрихъ прусскій,—на принцессѣ Софіи-Августѣ-Фредерикѣ Ангальтъ-Цербтской. Ея отецъ былъ лишь генераломъ прусской службы, комендантомъ Штетина; мать, въ заботахъ о довольно бѣдномъ хозяйствѣ, успѣла потерять чувство такта и хорошій характеръ, пріобрѣтя наклонность къ стяжаніямъ и пересудамъ.

Невѣста съ матерью пріѣхала въ Россію, и при принятіи православія была названа Екатериною Алексѣевною. Вотъ что она говоритъ о своей встрѣчѣ съ своимъ женихомъ:

«Казалось, великій князь былъ радъ пріѣзду моей матери и моему. Мнѣ тогда шелъ пятнадцатый годъ. Въ первые дни онъ былъ очень предупредителенъ ко мнѣ. Уже тогда, въ это короткое время, я увидала и поняла, что онъ мало цѣнилъ народъ, надъ которымъ ему суждено было царствовать, что онъ держался лютеранства, что не любилъ своихъ приближенныхъ, и былъ очень ребячливъ. Я молчала и слушала, и тѣмъ пріобрѣла его довѣренность. Помню, какъ между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что ему всего болѣе нравится во мнѣ то, что я его двоюродная сестра, и что по родству онъ можетъ говорить со мною откровенно; вслѣдъ за тѣмъ онъ мнѣ открылся въ своей любви къ одной изъ фрейлинъ императрицы, удаленной отъ двора по случаю несчастія ея матери, госпожи Лопухиной, которая была сослана въ Сибирь; онъ мнѣ объяснилъ, что желалъ бы жениться на ней, но что готовъ жениться на мнѣ, такъ какъ этого желаетъ его тетка. Я краснѣла, слушая эти изліянія родственнаго чувства, и благодарила его за предварительную довѣренность; но въ глубинѣ души я не могла надивиться его безстыдству и совершенному непониманію многихъ вещей».

Затѣмъ великій князь и Екатерина Алексѣевна поѣхали въ Москву, гдѣ была императрица Елисавета, тамъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ Петръ заболѣлъ корью, а возвращаясь оттуда, оспою въ Хотиловскомъ яму.—Въ началѣ февраля императрица съ великимъ княземъ возвратились изъ Хотилово. Встрѣчу свою съ женихомъ Екатерина II, въ своихъ «Запискахъ» описываетъ такъ: «мы пошли встрѣчать ее и нашли въ бальной залѣ. Это было между четвертымъ и пятымъ часомъ вечера, въ залѣ было почти темно; но не смотря на то, я едва не испугалась, увидавъ великаго князя,—онъ чрезвычайно выросъ и перемѣнился, всѣ черты его сдѣлались грубы, опухоль на лицѣ еще не прошла, и не было никакого сомнѣнія, что у него останутся сильныя рябины. Онъ былъ остриженъ и носилъ огромный парикъ, который еще больше безобразилъ его».

25-го августа 1745 г. былъ совершенъ обрядъ бракосочетанія Петра съ принцессою Екатериною. Женитьба не образумила его; на жену онъ смотрѣлъ свысока. Такъ какъ учить его перестали, то онъ считалъ себя взрослымъ человѣкомъ и не хотѣлъ поучиться у своей жены ни ея такту, ни ея сдержанности и дѣловитости. Дѣлъ онъ не хотѣлъ знать, напротивъ цѣлыми днями занимался своими своеобразными забавами: то по цѣлымъ часамъ хлопалъ по комнатамъ кучерскимъ бичемъ, то безуспѣшно игралъ на скрипкѣ, то производилъ смотръ игрушечнымъ солдатамъ, а разъ судилъ по военнымъ законамъ и повѣсилъ крысу, съѣвшую его крахмальнаго солдатика. Все это продѣлывалось съ самымъ серьезнымъ интересомъ. Жену онъ будилъ по ночамъ для того, чтобы та ѣла съ нимъ устрицы или становилась на часы у его кабинета. Ей онъ описывалъ подробно красоту увлекшей его женщины и требовалъ вниманія къ такой оскорбительной для нея бесѣдѣ, въ присутствіи графа Дивіера. Безтактно относясь къ Екатеринѣ и оскорбляя ее, онъ не имѣлъ такта и въ отношеніи постороннихъ лицъ. Петръ интересовался дѣлами, но не Россіи, а Голштиніи. Врядъ-ли онъ хорошо ихъ узналъ, но онъ усвоилъ голштинскіе взгляды, желая отвоевать у Даніи голштинскія земли и очень возился съ голштинскими солдатами и офицерами, которыхъ ему дозволено было съ 1755 г. привести въ Россію.

Павелъ Петровичъ, сынъ великаго князя Петра Ѳеодоровича и его супруги Екатерины Алексѣевны, родился въ С.-Петербургѣ 20 сентября 1754 года. Появленіе на свѣтъ будущаго императора произошло въ Лѣтнемъ дворцѣ, на мѣстѣ котораго Павломъ Петровичемъ сооруженъ Михайловскій замокъ, извѣстный также подъ именемъ Инженернаго. Императрица Екатерина II въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что она съ супругомъ возвратилась изъ Петергофа въ августѣ мѣсяцѣ въ городъ и поселилась въ Лѣтнемъ дворцѣ. «Я была чрезвычайно огорчена, узнавши, что для родинъ мнѣ отвели комнаты рядомъ съ покоями императрицы и составлявшими продолженіе ихъ. Это были двѣ комнаты, какъ всѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ, печальныя, съ однимъ выходомъ, плохо убранныя пунцовою камкою, почти безъ мебели и безъ всякихъ удобствъ. Я увидѣла, что буду въ нихъ въ полномъ одиночествѣ, безъ всякаго общества, несчастная, какъ камень. Въ среду я должна была перейти въ эти комнаты, находившіяся очень далеко отъ комнатъ великаго князя. Во вторникъ вечеромъ я легла въ постель, и ночью проснулась отъ болей. Я очень страдала; наконецъ, на другой день, около полудни, я родила сына. Только что спеленали его, явился, по приказанію императрицы Елисаветы, ея духовникъ и нарекъ ребенку имя Павла, послѣ чего Государыня тотчасъ велѣла бабушкѣ взять его и нести за собою. — На шестой день происходили крестины моего сына. Онъ уже едва было не умеръ отъ молочницы; я должна была украдкою навѣдываться объ его здоровьи, ибо просто послать спросить — значило бы усумниться въ попеченіяхъ императрицы и могло быть очень дурно принято. Она его помѣстила у себя въ комнатѣ и прибѣгала къ нему на каждый его крикъ; излишними заботами его буквально душили. Онъ лежалъ въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, въ фланельныхъ пеленкахъ, въ кроваткѣ, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ; его покрывали одѣяломъ изъ атласнаго пикэ на ватѣ, а, сверхъ этого, еще одѣяломъ изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ черныхъ лисицъ. Послѣ я сама много разъ видѣла его такимъ образомъ укутаннаго; потъ текъ у него съ лица и по всему тѣлу, вслѣдствіе

Императрица Екатерина II.

чего, когда онъ выросъ, то простужался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра. Кромѣ того, къ нему приставили множество безтолковыхъ старухъ и мамушекъ, которыя, своимъ излишнимъ и неумѣстнымъ усердіемъ, причиняли ему несравненно болѣе физическаго и нравственнаго зла, нежели добра».

Несмотря на большой штатъ прислуги, присмотръ за великимъ княземъ былъ не особенно хорошъ. Разъ поутру его не нашли въ колыбели и оказалось, что онъ ночью упалъ на полъ, гдѣ преспокойно спалъ. Посѣщеній Елисаветы новорожденный боялся, такъ какъ няньки запугивали его именемъ императрицы. Состоявшій при немъ докторъ Кондоиди ежедневно доносилъ о его здоровьѣ. Такъ 25 мая 1755 г. писалъ: «Великій князь опочивалъ сладко и спокойно и пробудился веселъ. Кушать изволилъ иной день больше, иной меньше, молочной

Лѣтній дворецъ въ каменномъ родилъ Павелъ Петровичъ. Съ гравюры Мазлена.

кашицы и, слѣдственно, благословеніемъ Всемогущаго, въ вожделѣнномъ находится здравіи». Кромѣ нянекъ къ новорожденному были приставлены графъ Скавронскій и Бехтѣевъ, при которыхъ онъ и началъ учиться грамотѣ, закону Божьему и ариѳметикѣ. Въ 1760 г. для него спеціально былъ напечатанъ учебникъ—«Краткое понятіе о физикѣ», въ которомъ былъ помѣщенъ рядъ статей о свѣтѣ, небѣ и о тѣлахъ небесныхъ, о земномъ шарѣ, о натуральной исторіи и о самомъ Создателѣ натуры. Кромѣ того для великаго князя былъ напечатанъ особый календарь съ картами Россіи, а для того, чтобы заставить вести себя хорошо и заниматься прилежнѣе, печатали особыя вѣдомости о немъ, гдѣ подъ заголовкомъ «изъ Петербурга» сообщали свѣдѣнія о его поведеніи и ученіи и давали ему ихъ для

Съ гравюры *Фрича*.

прочтенія, увѣряя, что эти вѣдомости посылаются въ Европу.

Въ іюнѣ 1760 г. главнымъ воспитателемъ былъ назначенъ при Павлѣ Петровичѣ, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, который въ первое время не сумѣлъ расположить къ себѣ сердце своего воспитанника, но позднѣе Павелъ ближе сошелся съ Панинымъ, горячо его любилъ и горько оплакивалъ его кончину.

Чувствуя приближеніе скорой кончины, императрица Елисавета Петровна просила Петра III заботиться о сынѣ и оказывать ему любовь и ласку. Однажды, придя на половину сына, Петръ Ѳеодоровичъ поцѣловалъ его и сказалъ: «Изъ него выйдетъ добрый малый. На первое

время онъ можетъ оставаться подъ прежнимъ присмотромъ, но скоро я устрою его иначе и озабочусь лучшимъ его военнымъ воспитаніемъ, вмѣсто теперешняго женственнаго».

А другой разъ, присутствуя по просьбѣ графа Панина на экзаменѣ сына, Государь замѣтилъ:

—«Господа, говоря между нами, я думаю, что этотъ плутишка знаетъ эти предметы лучше насъ!» И послѣ посѣщенія экзамена восьмилѣтняго наслѣдника, рѣшилъ наградить его званіемъ капрала гвардіи, но Панинъ упросилъ этого не дѣлать, такъ какъ это дастъ великому князю думать, что онъ старше своихъ лѣтъ.

Семенъ Андреевичъ Порошинъ.

Съ вступленіемъ на престолъ Екатерины II положеніе ея сына не измѣнилось, хотя она и оказывала ему вниманіе, и въ іюлѣ 1762 г. произвела Павла Петровича въ полковники лейбъ-кирасирскаго полка, который былъ названъ его именемъ, а 29 декабря того-же года былъ данъ слѣдующій указъ Сенату:

Великій Князь Павелъ Петровичъ, 8 лѣтъ.

«Ревностное и неутомимое попеченіе наше о пользѣ государственной и о принадлежащемъ къ ней, между инымъ, цвѣтущемъ состояніи флота нашего, желая купно съ достойнымъ въ томъ подражаніи блаженныя и безсмертныя памяти дѣду нашему Государю Императору Петру Великому вѣрить еще при нѣжныхъ младенческихъ лѣтахъ, во вселюбезнѣйшаго сына и наслѣдника нашего, Цесаревича и Великаго князя Павла Петровича, Всемилостивѣйше опредѣляемъ мы его Императорское Высочество въ наши Генералъ-Адмиралы».

Кромѣ того Павлу Петровичу, какъ герцогу Голштинскому, было предоставлено право подписывать грамоты на пожалованіе ордена св. Анны, по назначенію Государыни.

Императрица Екатерина, желая дать хорошее образованіе сво-

Графъ Н. И. Панинъ.

легіи, предоставилъ первое мѣсто своему помощнику — подполковнику Семену Андреевичу Порошину, человѣку чрезвычайно образованному, прекрасно знавшему иностранные языки, математику и принимавшему дѣятельное участіе въ литературѣ.

Порошину, когда онъ былъ приглашенъ въ кавалеры къ Павлу Петровичу, было 21 годъ, онъ горячо привязался къ ученику, не отходилъ отъ него ни на шагъ, стараясь вселить питомцу своему любовь къ отечеству и всему русскому. Въ своемъ извѣстномъ дневникѣ, Порошинъ изо дня въ день отмѣчалъ всѣ поступки маленькаго Павла.

Читая этотъ дневникъ, мы видимъ передъ собой Павла, способнымъ мальчикомъ, интересующимся серьезными для его возраста вещами. Павелъ десяти—двѣнадцати лѣтъ охотно занимался съ ему сыну, думала пригласить въ Россію извѣстнаго энциклопедиста Даламбера, но эта попытка окончилась неудачей и руководство воспитаніемъ осталось въ рукахъ Н. И. Панина, при которомъ были назначены слѣдующіе преподаватели:

Т. И. Остервальдъ читалъ исторію, географію и языки русскій и нѣмецкій; С. А. Порошинъ—ариѳметику и геометрію; архимандритъ Платонъ — Законъ Божій, Ф. И. Эпикусъ — физику и астрономію. Кромѣ этихъ лицъ при немъ состояли учителя рисованія, танцевъ, фехтованія, музыки и актеръ Боличъ, обучавшій Павла Петровича декламаціи.

Графъ Панинъ, постоянно отвлекаемый заботами по Иностранной кол-

Великій Князь Павелъ Петровичъ, 10 лѣтъ.

Митрополитъ Платонъ.

Порошинымъ математикой и любилъ читать. Во время обѣда, когда обыкновенно приходилъ его воспитатель Никита Ивановичъ Панинъ, за столомъ шелъ интересный и часто серьезный для лѣтъ Павла разговоръ, умѣло поддерживаемый Панинымъ; къ сожалѣнію, другія служебныя обязанности отвлекали Панина отъ должности воспитателя, да и обращался онъ съ Павломъ сухо и нѣсколько свысока, что значительно парализовало вліяніе воспитателя на воспитанника.

Пока Порошинъ состоялъ при Павлѣ Петровичѣ, что продолжалось цѣлыхъ $3^1/_2$ года, учебныя занятія великаго князя шли не безъ успѣха. Иначе пошло дѣло, когда въ началѣ 1766 г. послѣдовало удаленіе Порошина, главнымъ образомъ потому, что императрица узнала о веденномъ имъ дневникѣ, гдѣ записывались, между прочимъ, интимныя событія придворной жизни. Послѣ удаленія Порошина наибольшее вліяніе на дѣло воспитанія наслѣдника имѣлъ Остервальдъ, главныя заботы котораго заключались

Прибытіе эскадры въ Ревель, привезшей невѣсту Павла Петровича. Съ [illegible] табакерки, хранящейся въ Эрмитажѣ.

въ увеселеніи Павла Петровича; по предложенію этого наставника «на половинѣ великаго князя всякую недѣлю два раза были куртаги, дабы публика его узнавала, и онъ бы къ обхожденію привыкалъ».

1767 годъ, былъ неблагопріятнымъ для здоровья Павла Петровича, онъ сильно хворалъ, хотя болѣзни и не оставили разрушительныхъ слѣдовъ на его организмѣ.

Когда Павлу минуло 14 лѣтъ, то по воспитательному плану Панина настало время «учинить особливое разсужденіе, какимъ способнѣйшимъ образомъ приступить къ прямой государственной наукѣ, т. е. къ познанію коммерціи казенныхъ дѣлъ, политики внутренней и внѣшней, войны морской и сухопутной, учрежденій мануфактуръ и

Наталія Алексѣевна,
супруга Павла.

фабрикъ и прочихъ частей, составляющихъ правленіе государства, его силу и славу монарха». Но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ Григорій Николаевичъ Тепловъ, хотя и очень образованный человѣкъ, отнесся къ возложенной на него задачѣ безъ сознанія важности порученнаго ему дѣла. Зато, благодаря урокамъ Левека, Николаи и Лефериьера великій князь Павелъ прекрасно познакомился съ сокровищами европейской литературы и получилъ основательныя познанія въ французской словесности.

Пріѣздъ въ 1770 г. принца прусскаго Генриха, съ которымъ сблизился Павелъ Петровичъ, увлеченный его разсказами о военныхъ доблестяхъ короля прусскаго Фридриха II, подобно своему отцу—Петру III,

Великій Князь Павелъ Петровичъ.
Съ гравюры *Скородумова.*

сталъ стремиться ввести прусскіе порядки и подражать во всемъ Фридриху II, что нашло себѣ осуществленіе въ Гатчинѣ, послѣ его женитьбы. Это произошло быть можетъ отчасти отъ того, что юнаго Павла Петровича удаляли отъ всего связаннаго съ военнымъ бытомъ. Только къ нему, какъ Генералъ - Адмиралу флота, каждую субботу, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, являлся на ординарцы съ рапортомъ офицеръ Морского корпуса, находившагося въ Кронштадтѣ. Павелъ Петровичъ проводилъ свое время постоянно среди взрослыхъ и только къ обѣду или на короткое время между уроками приходили къ нему для игръ — такіе-же юные кн. А. Б. Куракинъ и гр. А. К. Разумовскій.

Императрица Екатерина II съ 1767 г. уже стала искать невѣсту для своего единственнаго сына, Павла Петровича, которому минуло 13 лѣтъ. Агентомъ ея за границею по этому дѣлу былъ баронъ Ассебургъ, съ которымъ Государыня вела дѣятельную переписку. Вниманіе Екатерины было сосредоточено на трехъ принцессахъ и въ томъ числѣ на Софіи Доротеѣ Виртембергъ - Монбельярской; какъ опытная физіономистка, Екатерина II, увидѣвъ ея дѣтскій

Внутренняя крышка табакерки, съ видомъ фейрверка, по случаю бракосочетанія Павла Петровича.

портретъ послѣдней принцессы, написала тогда-же барону Ассебургу: «судя по ея чертамъ, мнѣ кажется, что доброта будетъ главнымъ ея достоинствомъ». Предположеніе императрицы однако на этотъ разъ не исполнилось.

Съ наступленіемъ совершеннолѣтія, въ 1773 г., обученію Павла Петровича насталъ конецъ и тогда же была объявлена его свадьба съ одною изъ дочерей ландграфини Гессенской, которая съ тремя своими дочерьми пріѣхала моремъ въ Россію. Навстрѣчу ландграфини была выслана въ Любекъ русская эскадра подъ командою Круза, состоявшая изъ фрегата «Св. Маркъ» и двухъ пакетботовъ «Соколъ» и «Быстрый»; послѣднимъ командовалъ капитанъ-лейтенантъ гр. Андрей Кирилловичъ Разумовскій.

6-го іюня эскадра бросила якорь на Ревельскомъ рейдѣ. На пристани ожидалъ ландграфиню баронъ Черкасовъ. Отдохнувъ дней пять послѣ необычайнаго морского бурнаго путешествія, ландграфиня покинула Ревель и при-

Медаль на бракосочетаніе Павла Петровича съ Маріей Ѳеодоровной.

была 11 іюня въ Гатчину. Графъ Гр. Гр. Орловъ, владѣлецъ Гатчины, явился къ ней навстрѣчу въ Кипень и просилъ къ обѣду, предупредивъ, что она встрѣтитъ за столомъ «одну даму». То была Екатерина, которая, желая избавить ландграфиню отъ оффиціальнаго пріема, выѣхала съ небольшою свитою запросто познакомиться съ нею и ея дочерьми. Отобѣдавъ въ Гатчинѣ, императрица отправилась въ Царское Село. На дорогѣ встрѣтилъ ихъ Павелъ Петровичъ, отъ имени котораго 18 іюля Екатерина просила уже руку принцессы Вильгельмины.

Въѣздъ въ Петербургъ послѣдовалъ 4-го іюля. Государыня ѣхала съ гостями въ шестимѣстной открытой каретѣ. Послѣ обѣда проведя гостей черезъ Эрмитажъ, Екатерина съ принцессами поѣхала въ парадныхъ экипажахъ въ Смольный, гдѣ воспитанницы произносили рѣчи и играли французскую комедію.

Изъ Смольнаго принцессы были привезены въ Лѣтній садъ, гдѣ уже толпился народъ. Ужинали въ Лѣтнемъ дворцѣ, который былъ отдѣланъ для житья будущихъ новобрачныхъ; въ ту же ночь императрица Екатерина уѣхала въ Царское Село.

27-го іюня, въ день вступленія на престолъ Екатерины II, собрался весь Дворъ и прибыла ландграфиня со своими дочерьми, одна изъ которыхъ впослѣдствіи была матерью супруги императора Александра I — Елисаветы Алексѣевны.

29-го іюня, въ день тезоименитства Павла Петровича былъ маскарадъ въ Петербургѣ, въ которомъ участвовало до 2.000 масокъ.

31-го Государыня прибыла въ столицу смотрѣть приготовленныя для новобрачныхъ комнаты въ Зимнемъ и Лѣтнемъ дворцахъ.

15-го августа происходило муропомазаніе принцессы Вильгельмины, которой было дано имя Наталія, а на слѣдующій день послѣдовало ея обрученіе съ Павломъ Петровичемъ.

29-го сентября совершилось бракосочетаніе. Всѣ придворные чины и дамы съѣхались въ Зимній дворецъ, а прочія лица первыхъ 4-хъ классовъ въ Казанскій соборъ. Въ то же время полки гвардіи, подъ командою л.-г. Семеновскаго полка подполковника Вадковскаго, поставлены были по обѣимъ сторонамъ улицъ, въ двѣ шеренги, начиная отъ среднихъ воротъ Зимняго дворца, до Казанской церкви, въ числѣ 8.028 человѣкъ.

Въ день бракосочетанія Павла Петровича было получено извѣстіе о появленіи на Яикѣ Пугачева; супруга-же его скончалась отъ первыхъ родовъ въ С.-Петербургѣ 15-го апрѣля 1776 г., родивъ мертваго ребенка.

Умершая первая жена Павла Петровича,—Наталія Алексѣевна была духовной дочерью архимандрита Платона, впослѣдствіи митрополита московскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ для него «особой благопріятнѣйшей благодѣтельницей», но императрица Екатерина II не взлюбила своей невѣстки и заподозрила ее въ измѣнѣ мужу. Когда Наталія Алексѣевна умерла, Екатерина, чтобы умѣрить печаль своего сына показала ему компрометирующую переписку покойной жены его и этимъ значительно излѣчила его отъ скорби и посодѣйствовала скорому заключенію второго брака Павла Петровича съ Софіею Доротею Виртембергскою, которой только что исполнилось 16 лѣтъ. Этотъ брачный союзъ вполнѣ отвѣчалъ желаніямъ Екатерины, такъ какъ благодаря ему, устанавливались еще болѣе прочныя, родственныя связи между русскимъ дворомъ и королемъ Фридрихомъ Великимъ. Переговоры по этому предмету были ведены младшимъ братомъ короля прусскаго, принцемъ Генрихомъ, жившимъ въ Петербургѣ, съ которымъ Павелъ Петровичъ сблизился, какъ уже сказано еще въ 1770 г. Когда послѣдовало взаимное согласіе на этотъ бракъ, рѣшено было лично познакомить жениха съ невѣстою въ Берлинѣ, куда Павелъ Петровичъ и выѣхалъ изъ Царскаго Села 3-го іюля 1776 г. въ сопровожденіи блестящей свиты, въ числѣ которой находились: украшенный свѣжими, побѣдными лаврами, знаменитый побѣдитель при Ларгѣ и Кагулѣ, фельдмаршалъ графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій, говорившій по-нѣмецки, лучше чѣмъ по-русски; генералъ-аншефъ Н. Салтыковъ, бывшій впослѣдствіи воспитателемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, камергеръ Алексѣй Нарышкинъ, молодой князь А. Б. Куракинъ, воспитывавшійся вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ. Весь путь великаго князя отъ Царскаго Села до границы Пруссіи, и затѣмъ до Берлина былъ отмѣченъ цѣлымъ рядомъ торжественныхъ встрѣчъ въ честь именитаго путешественника. Наслѣднику русскаго престола былъ оказанъ въ столицѣ

Пруссіи блистательный пріемъ. Великій князь прибылъ въ Берлинъ 10-го іюля и два дня спустя, 12-го іюля, сдѣлалъ формальное предложеніе, которое было принято Софіею-Доротею и ея родителемъ герцогомъ Фридрихомъ, отличавшимся обширнымъ умомъ и солиднымъ образованіемъ. Въ тотъ-же вечеръ, при необычайно торжествѣнной обстановкѣ, состоялась помолвка. Это радостное событіе вызвало цѣлый рядъ празднествъ, происходившихъ при прусскомъ дворѣ въ теченіи двухъ недѣль. Великій князь Павелъ Петровичъ возвратился въ Царское Село 14 августа, а 1-го сентября 1776 г. состоялся торжественный въѣздъ въ столицу наслѣдника съ его высоконарѣченною невѣстою, къ которой учителемъ русскаго языка былъ опредѣленъ кабинетъ-секретарь Пастуховъ. Обрядъ священнаго миропомазанія послѣдовалъ 15-го сентября, при чемъ герцогиня получила имя Маріи Ѳеодоровны, а торжество бракосочетанія состоялось десять дней спустя, 25 сентября.

Павла Петрович[illegible] Зимняго дворца.

При русскомъ дворѣ выдѣлялись тогда двѣ сильныя партіи. Во главѣ одной изъ нихъ стоялъ князь Потемкинъ съ своими приверженцами, охранявшими положеніе императрицы Екатерины отъ другихъ вліяній, кромѣ своего собственнаго. Къ противной партіи принадлежали: фельдмаршалъ графъ Н. А. Румянцевъ-Задунайскій и сынъ его, впослѣдствіи канцлеръ, графъ Никита Панинъ, графъ Семенъ Воронцовъ, графъ И. Остерманъ, князь Куракинъ, князь Репнинъ и адмиралъ Плещеевъ.

По отзывамъ современниковъ обаятельная простота и привѣтливость господствовали въ домѣ великаго князя Павла Петровича и его юной супруги. Графъ Сегюръ, бывшій тогда французскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ, говоря о пріемѣ, сдѣланномъ ему великокняжескою четою, писалъ: «Никогда частныя лица не принимали гостей съ большею непринужденностью, граціею и простотою. Обѣды, балы, спектакли, все носило отпечатокъ самаго высокаго приличія, лучшаго тона и изящнаго вкуса».

Представители послѣдней партіи считались самыми умными и честными людьми того времени, болѣе сближались съ наслѣдникомъ престола и были простыми собесѣдниками въ избранномъ кружкѣ Павла Петровича.

Павелъ Петровичъ съ Маріею Ѳеодоровною являлись ко двору Екатерины лишь въ торжественные дни.

Великій князь восторженно любилъ свою вторую супругу, что видно изъ слѣдующихъ строкъ его письма, написаннаго имъ предъ своимъ отправленіемъ въ походъ противъ шведовъ: «я долженъ отворить тебѣ сердце свое: тебѣ самой извѣстно, сколько я любилъ и привязанъ былъ къ тебѣ. Твоя чистѣйшая душа передъ Богомъ и человѣки стоила не только сего почтенія отъ

меня и отъ всѣхъ. Ты мнѣ была первою отрадою и подавала лучшіе совѣты: симъ признаніемъ долженъ передъ всѣмъ свѣтомъ о твоемъ благоразуміи; привязанность къ дѣтямъ залогомъ привязанности и любви ко мнѣ была; однимъ словомъ не могу довольно тебѣ благодарности за все сіе сказать, равномѣрно и за терпѣніе твое, съ которымъ сносила состояніе свое ради меня и по человѣчеству случающіеся въ жизни нашей скуки и прискорбія о которомъ прошу тебя прощенія и за все сіе обязанъ тебѣ слѣдующими совѣтами. Будь тверда въ законѣ, который ты воспріяла и старайся о соблюденіи непорочности въ государствѣ, не безпокой совѣсти ничьей. Государство почитаетъ тебя своею, ты сіе заслуживаешь и почитай его отчествомъ, люби его и споспѣшествуй благу его, здѣсь предстоитъ награжденіе добродѣтелей твоихъ наибольшее, слава которую ты пріобрѣтешь, дѣлая то для отечества, что тебѣ остается и на которое намѣреніе ты съ такою рѣшимостью и охотою поступила. Благоразуміе твое наставитъ тебя на путь правый и Богъ благословитъ твои добрыя намѣренія. Старайся о благѣ прямомъ всѣхъ и каждаго... Будь милостива и снисходительна и слѣдуй всѣмъ своей душѣ благотворительной... Богъ да благословитъ всю жизнь твою. Прости, другъ мой, помни меня, но не плачь о мнѣ, повинуйся волѣ Того, который къ лучшему направляетъ, пріими мою благодарность, твой всегда вѣрный мужъ и другъ Павелъ».

Завѣты эти свято исполнила Марія Ѳеодоровна, явясь основательницей цѣлаго ряда благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій въ Россіи, которымъ въ память ея присвоено имя «Вѣдомства Императрицы Маріи».

Александръ Благословенный былъ первымъ сыномъ великаго князя Павла Петровича и его второй супруги великой княгини Маріи Ѳеодоровны; онъ родился 12-го Декабря 1777 г. въ десять и три четверти утра. По желанію императрицы Екатерины II, которая видѣла въ своемъ внукѣ достойнаго преемника престола, при крещеніи ему дано было имя св. Александра Невскаго. Въ письмѣ къ нѣмецкому ученому Гримму, по поводу рожденія внука, Екатерина хотя и писала: «это вовсе не Александръ Великій, а очень маленькій Александръ», тѣмъ не менѣе императрица-бабушка впослѣдствіи строила на берегу Невы роскошную дачу для своего Александра, которая была названа Пеллою, т. е. именемъ города, въ которомъ родился Александръ Македонскій.

Екатерина не сходилась во взглядахъ съ родителями своихъ внуковъ, почему оба мальчика — Александръ и Константинъ, родившійся черезъ полтора года послѣ брата, жили постоянно при бабушкѣ, которая и выбрала имъ сама воспитательницу и гувернантку — первою была жена генералъ-майора Бенкендорфъ, а второю — англичанка Прасковья Ивановна Гесслеръ, сумѣвшая пріучить своего питомца къ порядку и опрятности.

Великій князь Павелъ Петровичъ съ своею супругою пріѣзжали раза два въ недѣлю изъ Гатчины, чтобы видѣться съ своими дѣтьми. Это обстоятельство внесло въ сердца дѣтей нѣкоторое отчужденіе отъ своихъ родителей, но зато вселило беззавѣтную любовь и привязанность къ бабушкѣ, которая стремилась развить въ своихъ внукахъ здравыя понятія и вкусъ къ изящному. Такъ императрица Екатерина написала «бабушкину азбуку» съ анекдотами дидактическаго характера, а также сочиняла сказки, изъ коихъ сохранилась «Царевичъ Хлоръ». По этому поводу Екатерина писала Гримму: «Вотъ уже два мѣсяца, какъ я, продолжая законодательствовать, начала составлять, для забавы и на пользу, г. Александра, маленькую азбуку изреченій, которая постоитъ за себя. Всѣ, видѣвшіе ее, отзываются о ней очень хорошо и прибавляютъ, что это полезно не для однихъ дѣтей, но и для взрослыхъ. Сначала ему говорится безъ

обиняковъ, что онъ малютка, родился на свѣтъ голый, какъ ладонь, что всѣ такъ родятся, но потомъ познанія и образованіе производятъ между людьми безконечное различіе, и затѣмъ, нанизывая одно правило за другимъ, какъ биссеръ, мы переходимъ отъ предмета къ предмету. У меня только двѣ цѣли впереди: одна — раскрыть умъ для внѣшнихъ впечатлѣній, другая — возвысить душу, образуя сердце. Моя азбука начинена картинками, но все это наглядно ведетъ къ цѣли».

Насколько былъ любознателенъ Александръ, когда ему шелъ всего четвертый годъ, видно изъ письма Екатерины Гримму: «намедни г. Александръ началъ съ ковра моей комнаты и довелъ мысль свою по прямой линіи до фигуры земли, такъ что я принуждена была послать за глобусомъ Эрмитажной библіотеки. И когда онъ его получилъ, то принялся отчаянно путешествовать по земному шару и черезъ полчаса, если не ошибаюсь, онъ зналъ почти столько же, сколько покойный г. Вагнеръ переживывалъ со мною въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Теперь мы за ариѳметикой, и не принимаемъ на вѣру, что дважды два четыре, если мы сами ихъ не сосчитали. Я еще не видала мальчугана, который такъ любилъ-бы спрашивать, такъ былъ-бы любопытенъ, жаденъ на знанія, какъ этотъ. Онъ очень хорошо понимаетъ по-нѣмецки, знаетъ порядочно по-французски и по-англійски. Онъ любитъ разсказывать, вести разговоръ, а если ему начнутъ разсказывать, онъ весь — слухъ и вниманіе. У него прекрасная память, и его не проведешь. При всемъ томъ, онъ вполнѣ ребенокъ, и въ немъ нѣтъ ничего преждевременнаго, кромѣ развѣ только вниманія».

Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи.
Съ портрета Романовской галлереи Зимняго дворца.

Онъ любилъ красить, оклеивать обоями и дѣлать всякія математическія фигуры, учиться самоучкой читать и писать. Екатерина была въ восторгѣ отъ «своего Александра» и сообщала Гримму: «читать онъ такъ любитъ, что поутру, только что откроетъ глаза, также и послѣ обѣда уже бѣжитъ къ своей книгѣ. Это лѣто часто говорилъ своимъ приставницамъ, вскакивая съ постели: — «я теперь хочу тотчасъ почитать, а то послѣ мнѣ больше захочется гулять, чѣмъ читать, и если я теперь не почитаю, то день у меня пропадетъ». — Замѣтьте, что никогда его не заставляли читать или учиться; но самъ онъ смотритъ на это, какъ на удовольствіе и долгъ. Онъ прочелъ свои четыре книжки, и прочелъ ихъ по нѣскольку разъ; такое повтореніе онъ любитъ, и оно его забавляетъ. Кромѣ того, Александръ — сама доброта; онъ столько же послушенъ, какъ и внима-

Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна.

Великій Князь Павелъ Петр

Съ гравюры *Мансфельда*.

теленъ, и можно сказать, что онъ самъ себя воспитываетъ. Нынче осенью ему пришла охота ѣхать смотрѣть фарфоровую фабрику и арсеналъ. Рабочіе и офицеры были озадачены его вопросами, его вниманіемъ и вдобавокъ — вѣжливостью: ничто не ускользаетъ отъ этого мальчугана, которому нѣтъ еще пяти лѣтъ; его ребяческія выходки даже очень интересны, и въ его мысляхъ есть послѣдовательность, рѣдкая въ дѣтяхъ. Я приписываю это его превосходной организаціи, потому что онъ прекрасенъ, какъ ангелъ, и удивительно строенъ».

Физическому развитію Александра содѣйствовало то, что императрица Екатерина заставляла своихъ внуковъ копать въ саду землю, сѣять горохъ, сажать капусту, пахать сохой, боронить. Они ловили рыбу сѣтью, гребли на лодкѣ и т. д. Все это дало прекрасные результаты для внука Екатерины—Александра, который шести лѣтъ надѣвалъ на себя панцырную рубашку и въ ней легко бѣгалъ, несмотря на то, что рубашку эту бабушка съ трудомъ поднимала одною рукою.

Когда великому князю Александру исполнилось шесть лѣтъ, императрица Екатерина устранила отъ него воспитательницъ и назначила воспитателемъ графа (впослѣдствіи князя) Н. И. Салтыкова (1736†1816), причемъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, отъ 19 Марта 1784 г., изложила свои мысли «касательно здравія и охраненія онаго, а также касательно продолженія и подкрѣпленія умонаклоненія къ добру, добродѣтели, учтивости и знанія» и составила для Салтыкова извѣстное «наставленіе», вмѣщавшее въ себѣ до мельчайшихъ подробностей, правила для физическаго, нравственнаго и умственнаго воспитанія великихъ князей. Точно также императрица Екатерина написала «правила учащемуся».

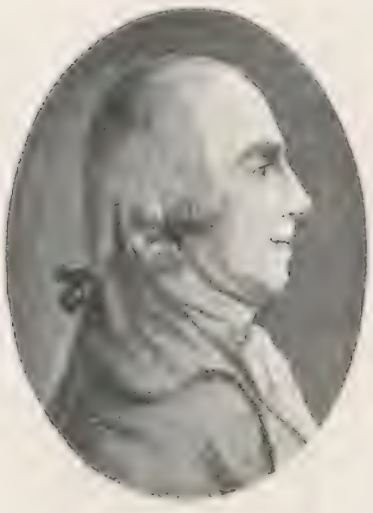
Въ основаніе инструкціи данной Н. И. Салтыкову относительно воспитанія своихъ внуковъ, Екатериною были положены взгляды англійскаго философа Локка и педагогическія идеи Ж. Ж. Руссо. Императрица въ своей инструкціи говорила также, что «русское письмо и языкъ надлежитъ стараться, чтобы знали, какъ возможно лучше». Прочимъ языкамъ предположено учить не иначе, какъ въ разговорахъ, «но чтобы при томъ не позабывали своего языка русскаго, и для того читать и говорить съ дѣтьми по-русски и стараться, чтобъ говорили по-русски хорошо». Далѣе Екатерина указывала на изученіе россійскихъ законовъ, «ибо, не знавъ оныхъ, и порядка, коимъ правится Россія, знать не могутъ». Приказано было также «употреблять по нѣсколько часовъ въ день для познанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ», такъ какъ «сіе знаніе столь важно для Ихъ Высочествъ и для самой Имперіи, что познаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно; прочія знанія, лишь примѣнясь къ оной, представить надлежитъ, и для того приказать по временамъ составить таблицы частей, водя Ихъ Высочества отъ части до части. Карта всея Россіи и особо каждой губерніи съ описаніемъ, каковы присланы отъ генералъ-губернаторовъ къ тому служить могутъ, чтобъ знать: слой земли, произрастанія, животныхъ, торги, промыслы и рукодѣлія, также рисунки и виды знаменитыхъ мѣстъ, теченіе тѣхъ судоходныхъ рѣкъ съ назначеніемъ береговъ, гдѣ высоки, гдѣ поемны, большія и проселочныя дороги, города и крѣпости знаменитыя, описаніе народовъ, въ каждой губерніи живущихъ, одежда и нравы ихъ, обычаи, веселія, вѣра, законы и языки».

Словомъ Императрица Екатерина отводила большое мѣсто изученію исторіи родной земли и для этой цѣли сама приступила къ составленію по лѣтописямъ учебника русской исторіи, стараясь отыскать въ событіяхъ русской исторической жизни тотъ нравственный смыслъ, въ которомъ иностранные историки ей отказывали.

Избранный Екатериною воспитателемъ ея внуковъ Н. И. Салтыковъ не былъ опытенъ, а потому отвелъ себѣ скромную роль слѣдить, чтобы великіе

Н. И. Салтыковъ [illegible]

князья не простуживались, не болѣли, знакомилъ ихъ съ придворными обычаями и свѣтскими манерами. Помощникомъ Салтыкова былъ назначенъ Александръ Яковлевичъ Протасовъ (1742 † 1799), который оставилъ дневникъ, гдѣ находимъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ, рисующихъ доброе сердце царственнаго питомца. Протасовъ былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ, имѣвшимъ большое вліяніе на великаго князя Александра, которому Законъ Божій преподавалъ протоіерей Самборскій, а русскій языкъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, авторъ книги «Опыты исторіи, писменъ и нравоученія». Извѣстный ученый Палласъ преподавалъ ботанику, академикъ Крафтъ — физику, а Массонъ — математику.



Лагарпъ.

Для преподаванія новыхъ языковъ, и въ особенности французскаго, по рекомендаціи Гримма, Екатериною былъ приглашенъ швейцарецъ Фридрихъ, Цезарь Лагарпъ, который удачно исполнилъ возложенное на него порученіе семьи генерала Ланского.

Ознакомясь съ инструкціею Екатерины, Лагарпъ отвѣтилъ запиской о воспитаніи, которую представилъ черезъ Н. И. Салтыкова на благоусмотрѣніе Государыни. Въ этой запискѣ Лагарпъ, ссылаясь на инструкцію Екатерины, разъяснялъ порядокъ преподаванія наукъ и вводилъ въ учебный курсъ новый предметъ — преподаваніе философіи, которая, по его мнѣнію, должна быть знакома каждому человѣку, если только онъ стремится къ истинному просвѣщенію. Императрица-бабушка осталась чрезвычайно довольна запиской Лагарпа и на ней написала слѣдующія слова: «дѣйствительно, кто составилъ подобную записку, тотъ способенъ преподавать не одинъ только французскій языкъ». И Лагарпъ былъ сдѣланъ главнымъ руководителемъ учебными занятіями внуковъ Екатерины.

Великій князь Александръ первое время съ трудомъ вникалъ во французскую рѣчь Лагарпа, а послѣдній ничего не понималъ по-русски. Но скоро они научились понимать другъ друга, и занятія хорошо пошли; хотя Александръ по природѣ лѣнивый и разсѣянный, часто выводилъ Лагарпа изъ терпѣнія, такъ что тотъ бросалъ классныя занятія и уходилъ домой. Великій князь Александръ раскаивался и спѣшилъ послать Лагарпу извинительную записку. Такъ, напримѣръ, Александръ, когда ему было уже 13 лѣтъ, писалъ Лагарпу слѣдующее признаніе: «Вмѣсто того, чтобы себя поощрять и удваивать старанія воспользоваться остающимися мнѣ годами ученія, я день ото дня становлюсь все болѣе нерадивъ, болѣе неприлеженъ, болѣе неспособенъ и, съ каждымъ днемъ, все болѣе приближаюсь ко мнѣ подобнымъ, которые безумно считаютъ себя совершенствами, потому только, что они принцы. Полный самолюбія и лишенный соревнованія, я чрезвычайно нечувствителенъ ко всему, что не задѣваетъ прямо самолюбія. Эгоистъ, лишь бы мнѣ ни въ чемъ не было недостатка, мнѣ мало дѣла до другихъ. Тщеславенъ, мнѣ бы хотѣлось выказываться и блестѣть на

Гриммъ.

счетъ ближняго, потому что я не чувствую въ себѣ нужныхъ силъ для пріобрѣтенія истиннаго достоинства. Тринадцати лѣтъ я такой-же дитя, какъ въ восемь, и чѣмъ болѣе я подвигаюсь въ возрастѣ, тѣмъ болѣе приближаюсь къ нулю. Что изъ меня будетъ? Ничего, судя по наружности. Благоразумные люди, которые будутъ мнѣ кланяться, будутъ изъ состраданія пожимать плечами, а можетъ быть, будутъ приписывать своему отличному достоинству тѣ внѣшніе знаки уваженія, которые будутъ оказывать моей особѣ. Такъ-то кадятъ идолу, смѣясь надъ подобной комедіей».

Своими шалостями и разсѣянностью Александръ доводилъ Лагарпа до того, что онъ вынужденъ былъ удалять его изъ комнаты. Не менѣе хлопотъ доставлялъ Лагарпу и другой его ученикъ, вспыльчивый Константинъ.

Великій Князь Александръ Павловичъ, 10 лѣтъ.

Академикъ Палласъ.

Екатерина лично слѣдила за уроками Лагарпа и прочитывала его учебныя записки, а также дневники учениковъ, представленные ей Салтыковымъ. Эти записки императрица показывала своимъ приближеннымъ, и всѣ хвалили Лагарпа, отношенія къ которому великаго князя Александра съ каждымъ годомъ получали, все болѣе и болѣе сердечный характеръ. Разъ царственный ученикъ кинулся на шею Лагарпу и былъ обсыпанъ пудрою съ его парика.

— Посмотрите на что вы стали похожи, — сказалъ улыбаясь Лагарпъ.

— Ничего, никто меня не осудитъ за то, что я заимствую отъ васъ. Ничто дурное отъ васъ ко мнѣ не пристанетъ! — воскликнулъ Александръ.

Съ весны 1792 г. у Екатерины явилась мысль женить поскорѣе Александра, которому шелъ лишь 15-ый годъ. Собирая свѣдѣнія о молодыхъ германскихъ герцогиняхъ, Государыня остановила вниманіе на баденскихъ принцессахъ

[illegible]

Луизѣ и Фредерикѣ, дочеряхъ маркграфа бадендурлахскаго Карла Людвига и его супруги Амаліи, пріѣзжавшей въ Россію со своими сестрами — принцессами гессенъ-дармштадтскими, изъ которыхъ Наталія Алексѣевна (Августа-Вильгельмина 1755 † 1776 г.) была первою супругою цесаревича Павла Петровича. Эта родственная связь, кажется, и была главною причиною сватовства баденскихъ принцессъ. Въ ожиданіи ихъ пріѣзда, Екатерина писала Гримму:

«Благодарю васъ за прекрасное поздравленіе по случаю исполнившагося 30 лѣтія моего царствованія. Года черезъ два или три надѣюсь имѣть правнучатъ отъ Александра. Какъ бы вы удивились и пришли въ восхищеніе, при видѣ этого высокаго, красиваго, славнаго юноши. О, какъ, много въ немъ хорошаго! Онъ олицетворенное чистосердечіе и вмѣстѣ съ тѣмъ какая глубина, какая послѣдовательность мысли! У него твердыя правила и безпримѣрное желаніе во всемъ поступать хорошо. Послушайте, къ чему торопиться съ коронаціей. Мнѣ это не по вкусу: Соломонъ сказалъ: «всему свое время». Сперва мы женимъ Александра, а тамъ со временемъ и коронуемъ его со всѣми церемоніями. Все будетъ блестяще, величественно, великолѣпно. О, какъ онъ будетъ самъ счастливъ, и какъ съ нимъ будутъ счастливы. При всемъ томъ онъ чрезвычайно скроменъ и естественъ: въ немъ нѣтъ ничего дѣланнаго. Ахъ, какой онъ славный! Всѣ отъ него будутъ безъ ума, да и не мудрено. Онъ нашъ любимецъ, и очень хорошо знаетъ это, и идетъ своей дорогой. Голова у него нѣсколько напередъ; красивая голова! Когда на него посмотришь, забываешь, что онъ ее держитъ не довольно прямо и немного наклоняетъ впередъ. Его уже часто осуждали за это, но когда онъ танцуетъ или сидитъ на лошади, то держитъ голову прямо надъ

Императрица Екатерина II въ Царскосельскомъ паркѣ со своими внуками и ихъ родителями.

плечами и напоминаетъ Аполлона Бельведерскаго тѣмъ, кто имѣетъ честь знать сего послѣдняго. У него совершенно такой же величественный видъ. Для 14 лѣтъ онъ таки толстенекъ; но полно, объ этомъ не слѣдуетъ говорить слишкомъ много».

Описывая красоту своего внука, Екатерина ничуть ему не льстила, такъ какъ по отзывамъ современниковъ великій князь Александръ Павловичъ, высокій ростомъ, прекрасно сложенный, дѣйствительно былъ совершеннымъ красавцемъ. Голубые глаза его свѣтились умомъ, а частыя вспышки нѣжно-стыдли-

Видъ дворца на Каменномъ островѣ, построенномъ для Павла Петровича, въ которомъ Императоръ Александръ I любилъ жить. Съ гравюры *Галактіонова*.

ваго румянца оживляли мраморную бѣлизну его женственнаго лица, которому чарующую прелесть придавала особенная улыбка, не сходившая съ угловъ его рта. Единственный недостатокъ великаго князя Александра была глухота на одно ухо, что особенно было замѣтно въ обществѣ, замѣчаетъ графъ Ростопчинъ, такъ какъ говоря съ нимъ приходилось повышать голосъ. По замѣчанію того же Ростопчина, Александръ Павловичъ любилъ щеголять и имѣлъ страсть къ нарядамъ и модамъ, что было лишь терпимо Екатериною, говорившей: «смѣшные щеголи сами собою уничтожатся». Справедливость этой страсти подтверждаетъ Протасовъ въ своемъ дневникѣ, говоря, «что при представленіи комедіи «Лебедянская ярмарка» сочиненіе Копьева, въ которой осмѣяны были странныя

моды молодыхъ жемановъ, полосатые на шеѣ платки, короткія трости и низкіе башмаки, которыя ежеминутно съ ногъ сваливались,—Государынѣ и всѣмъ присутствовавшимъ комедія очень понравилась, кромѣ молодыхъ великихъ князей, которые нѣкоторымъ образомъ себя тутъ увидѣли».

Константинъ Павловичъ напротивъ небрежно относился къ своему наряду, носилъ мятые галстухи изъ черной тафты и высказывалъ вкусъ къ военной службѣ, къ чему поощрялъ его отецъ, оказывавшій ему предпочтеніе, будучи недоволенъ тѣмъ отличіемъ, съ которымъ Екатерина обходилась со своимъ внукомъ Александромъ. Въ дни пріѣзда отца въ Царское Село, великіе князья перемѣняли платье и облекались въ длинные камзолы, узкіе галстухи и толстыя букли.

Александровскій дворецъ въ Царскомъ Селѣ, построенный Екатериной II для своего любимаго внука.

Въ воскресенье 31 октября 1792 г., въ девятомъ часу вечера принцессы баденскія пріѣхали въ Петербургъ въ домъ Шепелева, который стоялъ возлѣ Зимняго дворца на мѣстѣ стараго Эрмитажа, построеннаго архитекторомъ Гваренги.

Державинъ не замедлилъ написать на пріѣздъ баденской принцессы оду «Къ Калліопѣ», которая была издана отдѣльно, а потомъ явилась въ «Московскомъ Журналѣ» за ноябрь мѣсяцъ.

Ода начиналась такъ:

«Сойди, безсмертная, съ небесъ,
Царица пѣсней, Калліопа,
И громкую трубу твою,
Иль лучше лиру нѣжнозвучну,
Иль, если хочешь, голосъ твой,
Ты согласи тогда со мной».

Подъ числомъ 15 ноября, Протасовъ записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

«Александръ мнѣ откровенно говорилъ, сколько принцесса для него пріятна; что онъ уже бывалъ въ нашихъ женщинъ влюбленъ, но чувства его къ нимъ были наполнены огнемъ и нѣкоторымъ неизвѣстнымъ желаніемъ; великая нетерпѣливость видѣться и крайнее безпокойство безъ всякаго точнаго намѣренія, какъ только едино утѣшаться зрѣніемъ и разговорами; а напротивъ онъ ощущаетъ къ принцессѣ нѣчто особое, преисполненное почтенія, нѣжной дружбы и несказаннаго удовольствія обращаться съ нею; нѣчто удовольственнѣе, спокойнѣе, но гораздо пріятнѣе прежнихъ его движеній; наконецъ, что она, въ глазахъ его, любви достойнѣе всѣхъ здѣшнихъ дѣвицъ».

Влюбленный Александръ дѣлился своими впечатлѣніями и со своими родителями; такъ его мать писала 11 ноября 1792 г. Екатеринѣ:

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ
АЛЕКСАНДРЪ и КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧИ.
Съ портрета *Лампи.*

Великій Князь Александръ Павловичъ.

«Нашъ молодой человѣкъ, судя по его письмамъ, кажется, вполнѣ счастливъ и доволенъ; онъ съ восхищеніемъ говоритъ о понедѣльникѣ и на сегодня обѣщаетъ сообщить дальнѣйшія подробности, такъ какъ вчера писалъ на скорую руку; онъ говоритъ въ послѣднемъ письмѣ, что вполнѣ познакомился съ принцессами, особенно же съ Луизою, которая, по его словамъ, совершенно прелестна. Вы замѣчаете, обожаемая матушка, что ему необходимо говорить о хорошенькой принцессѣ нашей, на сіе отвѣчу: «отъ избытка сердца глаголятъ уста».

Таковы были чувства великаго князя Александра, которому 12 декабря исполнилось 15 лѣтъ, а его невѣстѣ 13 января слѣдующаго 1793 г. наступало лишь 14 лѣтъ, но она, по словамъ Протасова, «имѣла ростъ большой и выразительную пріятность; всѣ ея движенія и привычки имѣли нѣчто особо привлекательное. Она не только ходитъ, но и бѣгаетъ, какъ при играхъ я примѣтилъ, весьма пріятно; въ ней видѣнъ разумъ, скромность и пристойность во всемъ ея поведеніи. Доброта души написана на глазахъ. Всѣ ея движенія доказываютъ великую осторожность благонравія; она столь умна, что нашлась со всѣми, ибо всѣхъ женщинъ, которыя ей представлялись, умѣла обласкать, или, лучше сказать, всѣхъ, обоего пола людей, ее видѣвшихъ, къ себѣ привлекла. Я не ошибусь впередъ предузнать, что чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда черты ея лица придутъ въ совершенство, она будетъ красавица».

Обрядъ миропомазанія принцессы Луизы-Маріи-Августы, нареченной Елисаветой Алексѣевной былъ совершенъ 9 мая 1793 г., въ большой церкви Зимняго дворца, митрополитомъ новгородскимъ и петербургскимъ Гавріиломъ, при чемъ воспріемницей принцессы была новгородскаго Сирцева монастыря игуменья Александра Матвѣевна Шубина.

На другой день 10-го мая состоялось обрученіе в. к. Александра Павловича, причемъ кольца мѣняла императрица Екатерина, и въ этотъ моментъ съ крѣпости былъ произведенъ салютъ въ 51 выстрѣлъ.

На сговоръ в. к. Александра было написано нѣсколько стихотвореній и лира Державина также не осталась безплодной. Онъ въ началѣ мая написалъ

Великая Княгиня Елисавета Алексѣевна.

стихотвореніе «Амуръ и Психея», основной идеей которому послужила русская хоровая пѣсня «Заплетися, плетень», гдѣ говорится, что женихъ и невѣста такъ запутались въ немъ лентою, что надо было разрѣзать ее. Строки эти были положены на музыку придворнымъ музыкантомъ Пашкевичемъ и пѣты въ присутствіи императрицы Екатерины въ Царскосельской колоннадѣ.

11 мая высокообрученные принимали поздравленія отъ высшихъ лицъ, а на другой день императрица Екатерина уѣхала въ Царское Село, куда 14 мая за нею послѣдовалъ и великій князь Александръ со своею невѣстою. Въ этотъ день бабушка Александра писала Гримму:

«Представьте, какое подозрѣніе пало на Александра. Кто бы могъ это подумать? Одинъ изъ приставленныхъ къ нему кавалеровъ вздумалъ прошлымъ лѣтомъ перевести на русскій языкъ съ англійскаго комедію Шеридана — «Школа злословія». Она была представлена въ Эрмитажѣ (27 февраля 1793 г., какъ сказано въ печатномъ экземплярѣ), и всѣ нашли, что русскій переводъ гораздо лучше французскаго, сдѣланнаго во Франціи, и что въ немъ бездна остроумія. Переводъ такъ хорошо приноровленъ къ нашимъ нравамъ и обычаямъ и сдѣланъ такимъ своеобразнымъ языкомъ, что всѣ пришли въ восторгъ: Александръ тоже не отставалъ отъ другихъ въ громкихъ изъявленіяхъ одобренія. Я просто думала, что онъ изъ дружбы къ переводчику, придастъ такую цѣну аплодисментамъ. Пьесу стали давать въ городѣ, но тамъ публику было не такъ легко провести, какъ меня. Всѣ заговорили, что, должно быть, большая часть принадлежитъ Александру, мнимаго перевода съ англійскаго, что онъ этотъ языкъ знаетъ лучше своего кавалера и напрасно скромничаетъ: всѣ знаютъ, что удачныя остроты принадлежатъ ему. Слухи дошли до меня, и я ему про нихъ сказала. Онъ сталъ отрекаться, но покраснѣлъ и объяснилъ, что онъ слышалъ отрывки въ чтеніи, можетъ быть, иногда высказывалъ свое мнѣніе, а кавалеръ его воспользовался этимъ и кое-что измѣнилъ въ переводѣ. Но какъ болѣзни-то прилипчивы! Вотъ что значитъ дурной примѣръ».

Въ послѣднихъ словахъ письма Екатерины заключается намекъ Государыни на свою страсть писать пьесы; этою-то болѣзнью, по ея мнѣнію, заразился и внукъ Александръ. Упомянутый «кавалеръ» былъ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ (1765 † 1851 г.), служившій въ л.-г. Измайловскомъ полку, который, какъ образованный офицеръ, былъ опредѣленъ «кавалеромъ» къ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ. При Императорѣ Павлѣ I онъ полу-

чилъ должность президента Иностранной коллегіи, а потомъ былъ министромъ въ Мадридѣ. Въ царствованіе Александра I Муравьеву было позволено прибавить къ своей фамиліи имя Апостола; въ 1808 г. онъ оставилъ службу сенаторомъ и поселился въ своемъ миргородскомъ имѣніи, въ Полтавской губерніи.

«Во время пребыванія въ Царскомъ Селѣ, — говоритъ Протасовъ, — къ сожалѣнію моему, Александръ Павловичъ отсталъ нечувствительно отъ всякаго рода упражненій; пребываніе его у невѣсты и забавы отвлекли Его Высочество отъ всякаго прочнаго умствованія; положеніе безполезное для будущаго времени, но извинительное по его лѣтамъ и обстоятельствамъ. Сѣмена добродѣтели, въ

Вид[illegible] вала, окружавшаго Адмиралтейство.
Съ гравюры *Махаева*

немъ посѣянныя при благодати Божіей, являютъ однакожъ иногда плоды свои, какъ напримѣръ въ слѣдующемъ: при починкѣ штукатурки Царскосельскаго дворца, одинъ работникъ упалъ съ вышины и переломилъ члены. Неизвѣстно почему, когда уже его вынесли изъ сада, дошло сіе до моего воспитанника; отослать его въ больницу, послать къ нему своего лейбъ-медика, приказать хирургу пользовать его, дать на все сіе деньги, самому послать же нѣкоторую сумму, постелю, свои простыни,—было для него одна минута. Но что еще болѣе—справляться всякій день про него, заниматься этимъ, а всего драгоцѣннѣе, не только мнѣ, но и другимъ ничего не сказалъ, почитая сіе долгомъ человѣчества, къ чему всякій непремѣнно обязанъ». Далѣе Протасовъ писалъ:

«Теперь пришло то время, въ которое нужно было по самому Высочайшему наставленію открыть ему свѣтъ, каковъ есть и каковъ быть долженъ;

порядокъ общества, связь и намѣренія, ощутительную разницу между добродѣтели и порока. Приступилъ я къ сему не скоропостижно; ибо, чтобы вывести гнустность пороковъ, необходимо было трогать людей; но, къ совершенному моему оскорбленію, окружающіе его и тѣ, съ которыми онъ ежедневно обращался, подавали такіе дурные примѣры, что мнѣ только оставалось показать Его Высочеству противныя тому свойства, чтобы доказать, сколь ненавистны пороки и драгоцѣнна добродѣтель».

Относительно лицъ, окружавшихъ Александра Павловича, отзывъ Протасова подтверждаетъ графъ Ростопчинъ, который говоритъ, что вообще дворъ в. к. Александра, за исключеніемъ графа Головина, (который при бракосочетаніи былъ назначенъ гофмаршаломъ его двора) и Гутолмина, былъ очень дурно составленъ, и въ немъ кромѣ глупцовъ, либо вертопраховъ, либо такихъ молодыхъ людей, о которыхъ и сказать нечего, никого не было. Ростопчинъ свое письмо къ графу С. Р. Воронцову оканчивалъ слѣдующими строками: «при обоихъ великихъ князьяхъ находится здѣсь прекрасный, достойный человѣкъ — Лагарпъ, родомъ швейцарецъ, ихъ наставникъ. Не знаю, какъ и по какому поводу принцъ Нассау и Эстергази изыскали средство оклеветать его передъ Императрицей, по поводу писемъ, писанныхъ имъ на родину во время волненій въ Ватландскомъ кантонѣ. Съ бѣднягой очень худо обошлись: о немъ забыли при наградахъ, данныхъ наставникамъ в. к. Александра. Онъ хотѣлъ подать въ отставку, и это было бы большой потерей, ибо заботамъ этого человѣка великіе князья обязаны своимъ воспитаніемъ. Но Императрица дважды призывала его къ себѣ, и Лагарпъ, объяснивъ все, разоблачилъ плутни господина Эстергази и восторжествовалъ». Приводимъ письмо Лагарпа императрицѣ Екатеринѣ, которое имъ было передано ей чрезъ Салтыкова, вотъ оно:

Великая Княгиня Елисавета Алексѣевна
супруга Александра Павловича.
Съ портрета Романовской галлереи Зимняго дворца

«Я прибылъ бѣднякомъ ко двору; благодаря благодѣяніямъ Ея Величества, я жилъ въ достаткѣ. Если я долженъ покинуть дворъ бѣднякомъ, то дѣлаю это безъ сожалѣнія и угрызенія совѣсти, съ душою столь же честною, но съ сердцемъ болѣе разбитымъ, чѣмъ во время пріѣзда... Слава Богу, что я былъ наставникомъ русскихъ великихъ князей, и воспоминаніе о лестной довѣренности Ея Величества надолго будетъ для меня достаточнымъ вознагражденіемъ, которое поможетъ мнѣ мужественно перенести самыя тяжкія лишенія... Да будутъ только мои труды плодотворны для славы ея царствованія, да падетъ на мою долю невыразимое удовольствіе узнать, что Ихъ Императорскіе Высочества удовлетворяютъ намѣреніямъ относительно меня. Каково бы ни было

рѣшеніе Ея Величества, оно не можетъ быть недостойно ея великой души, и я всегда буду счастливъ, что заплатилъ мой долгъ человѣчеству».

Письмо Лагарпа тронуло императрицу Екатерину, которая пригласила его къ себѣ и пробесѣдовавъ съ нимъ около двухъ часовъ, отсрочила его увольненіе.

Высоконареченный женихъ со своею невѣстою весело проводили лѣто въ Царскосельскомъ дворцѣ. «Много говорили въ свое время объ извѣстныхъ играхъ (jeu de barres), устраивавшихся въ Царскомъ Селѣ Императрицею Екатериною»,—пишетъ фрейлина Елисаветы Алексѣевны—княгиня Мадатова, на которыхъ юная великая княжна восхищала всѣхъ присутствующихъ, бѣгая съ легкостью и граціей мотылька. Поэтъ Державинъ, живя въ 1793 г. въ Царскомъ Селѣ, воспѣлъ эти игры въ стихотвореніи «Горѣлки», которое было написано по слѣдующему случаю. Сослуживецъ Державина при дѣлахъ императрицы П. И. Турчаниновъ, пригласилъ его принять участіе въ игрѣ; поэту пришлось ловить великихъ князей Александра и Константина; онъ погнался за первымъ, но на скользкомъ покатомъ лугу упалъ и вывихнулъ себѣ лѣвое плечо. Великіе князья подняли его почти безъ чувствъ, сами отвели въ его комнату и старались подать ему всевозможную помощь. Державинъ пролежалъ шесть недѣль и выразилъ въ стихахъ свою признательность великимъ князьямъ.

Въ началѣ августа, именно 5 числа, женихъ, а въ особенности его невѣста, были омрачены отъѣздомъ ея сестры Фредерики, которая впослѣдствіи вышла замужъ за Густава IV, короля шведскаго, бывшаго жениха в. к. Александры Павловны, отъ которой онъ отступился, слѣдуя внушеніямъ своего дяди.

Съ 17-го августа в. к. Александръ Павловичъ изъ Царскаго Села переѣхалъ въ Таврическій дворецъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ 30 числа, въ день своего тезоименитства, далъ великолѣпный обѣдъ кавалерамъ ордена Св. Александра Невскаго. Въ этотъ день невѣста подарила ему бумажникъ съ своимъ миніатюрнымъ портретомъ. «Въ теченіе сего времени», говоритъ Протасовъ, «великая княжна начала показывать примѣтнымъ образомъ свою привязанность къ Александру Павловичу и ласкать его отмѣнно. Я однажды вслухъ ей назвалъ его Сашенька и, тотчасъ опомнясь, что проговорился, сталъ было извиняться, какъ она сказала, что ей это слово пріятно и она сама такъ его называть будетъ».

Впослѣдствіи супруга Александра I писала по-русски почти вполнѣ правильно и свободно, въ противоположность императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, супруги Павла I, которая никогда не могла одолѣть русскаго языка, говорила на немъ съ трудомъ и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, а писать по-русски такъ таки и не научилась.

Бракосочетаніе в. к. Александра Павловича происходило въ среду 28 сентября. Обрядъ вѣнчанія совершалъ соборный Спасо-Преображенской церкви протопресвитеръ Лукьянъ Протопоповъ. Вѣнцы держали: в. к. Константинъ надъ братомъ, а графъ Безбородко надъ невѣстою.

Во дворцѣ г. Павловска до сихъ поръ сохраняется, въ особой витринѣ, кафтанъ, который былъ надѣтъ на в. к. Александрѣ Павловичѣ, во время вѣнчанія—серебрянаго глазета съ брилліантовыми пуговицами, и алмазные знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго. На невѣстѣ было также бѣлое глазетное платье, украшенное жемчугомъ и брилліантами. Вообще Императрица Екатерина

принимала истинно материнское участіе въ принцессѣ Луизѣ, и заботилась о снабженіи ея обильнымъ гардеробомъ, а въ предупрежденіе шутокъ придворныхъ дамъ о скудости запасовъ бѣлья и костюмовъ принцессы Луизы, Государыня замѣтила: «мой гардеробъ, когда я прибыла въ Россію былъ еще бѣднѣе». Послѣ окончанія всѣхъ торжествъ по случаю бракосочетанія в. к. Александра художнику Антропову была заказана превосходная картина, изображающая вѣнчаніе в. к. Александра Павловича съ в. к. Елисаветой Алексѣевной, находящаяся теперь въ митрополичьихъ покояхъ Александро-Невской Лавры. А по поводу брака Императрица Екатерина писала принцу де-Линь: «это Психея, соединившаяся съ Амуромъ».

Съ портрета Романовской

Во время этихъ празднествъ пріѣхалъ посолъ Турціи, который не дѣлалъ чести финансамъ султана Селима, такъ какъ свита его, снаряженная по послѣдней модѣ, была лишена самыхъ необходимыхъ для порядочнаго человѣка принадлежностей одежды. Праздники длились цѣлыхъ двѣ недѣли, по замѣчанію современника, не были слишкомъ блестящи, «вслѣдствіе разстроившихся отношеній между Императрицею и в. к. Павломъ Петровичемъ». Державинъ въ подражаніе 44-му псалму написалъ «Пѣснь брачную четѣ порфирородной», которая была положена на музыку придворнымъ капельмейстеромъ Сарти и пѣта во время обѣденнаго стола во дворцѣ. Не менѣе любопытна народная пѣснь, помѣщенная въ 40 томѣ «Магазина Болотова»:

«Молодой, слышь царь женился,
Ой! Жена его добра!
Бьютъ, онъ въ нее влюбился!
Слышь! Бѣлѣе серебра!»

Послѣ брака занятія в. к. Александра Павловича съ Лагарпомъ продолжались, но наставникъ часто получалъ отъ своего царственнаго ученика такого рода записочки:

«Причина помѣшавшая мнѣ возобновить съ вами мои занятія, вамъ извѣстна. Вы очень хорошо понимаете, что, будучи недавно женатъ, я, не могу оставлять жену больную одну; это значило бы отталкивать ея расположеніе. Но, что вы говорите о праздности, то, увѣряю васъ, что я никогда не празденъ. Такъ какъ здоровье ея гораздо лучше, и она выйдетъ въ пятницу — въ Крещеніе, то съ будущей недѣли я — вашъ; думаю, — не стоитъ начинать съ субботы, потому, что въ пятницу будетъ балъ въ Тронномъ залѣ, и я не ручаюсь, что на другой день не буду долго спать».

Лагарпъ радовался семейному счастью великаго князя и мечталъ быть полезнымъ его супругѣ, но тучи снова собрались надъ его головой и Государыня рѣшила распроститься съ Лагарпомъ, которому Салтыковъ, въ исходѣ 1794 г. объявилъ, что онъ долженъ прекратить свои занятія съ великими князьями и оставить Петербургъ.

Великій князь Александръ Павловичъ, его супруга Елисавета Алексѣевна и великій князь Константинъ Павловичъ были глубоко огорчены предстоящимъ отъѣздомъ Лагарпа; особенно грустилъ Александръ Павловичъ заставлялъ повторять себѣ любимые Лагарпомъ взгляды на историческія событія и дѣянія царей, крѣпко запоминалъ его нравоученія и писалъ ему самыя чувствительныя письма. Даря Лагарпу на память осыпанные брилліантами портреты свой и жены своей, великій князь писалъ наканунѣ отъѣзда Лагарпа, слѣдующія строки:

«Прощайте, любезный другъ; что мнѣ стоитъ сказать вамъ это слово! Помните, что вы оставляете здѣсь человѣка, который вамъ преданъ, который ни въ состояніи выразить вамъ свою признательность, который обязанъ вамъ всѣмъ, кромѣ своего рожденія. Примите отъ жены, отъ брата и отъ меня эти знаки нашей признательности. Будьте счастливы, любезный другъ, это — желаніе любящаго васъ, уважающаго и почитающаго свыше всего. Я едва вижу, что пишу. Прощайте въ послѣдній разъ, лучшій мой другъ не забывайте меня».

Вашъ Александръ.

Въ день отъѣзда Лагарпа, в. к. Александръ потихоньку отъ всѣхъ пріѣхалъ въ Таврическій дворецъ, гдѣ жилъ Лагарпъ, чтобы въ послѣдній разъ обнять своего наставника. Лагарпъ не безъ труда, весь въ слезахъ, вырвался изъ объятій царственнаго ученика и поспѣшилъ покинуть Петербургъ.

Императрица Екатерина также сожалѣла въ душѣ объ отъѣздѣ Лагарпа и, щедро наградивъ его, ласково на прощанье замѣтила ему, чтобы онъ берегъ себя на родинѣ.

Съ отъѣздомъ Лагарпа личныя сношенія великаго князя Александра Павловича съ нимъ не прекратились, Лагарпъ знакомилъ своего державнаго друга со всѣми выдающимися событіями европейской жизни и новостями литературы.

По вступленіи на престолъ Александра Павловича Лагарпъ прислалъ сердечное поздравленіе, на которое получилъ приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ и принять участіе въ преобразованіяхъ, которыя Государь собирался ввести въ управленіе государствомъ. Однако подготовительныя работы по вопросамъ преобразованія породили разногласіе во взглядахъ Лагарпа и членовъ кружка Государя, который самъ увидалъ, что совѣты его учителя слишкомъ нерѣшительны, а порой и ошибочны. Лагарпъ также самъ понялъ что онъ лишній при дворѣ и уѣхалъ изъ Петербурга, поселясь въ своемъ имѣніи Плесси-Пике, близъ Парижа.

Молебствіе въ Парижѣ 10 Апрѣля 1814 г.
Съ гравюры *Ческаю.*

Когда императоръ Александръ I вступилъ въ 1814 г. съ войсками въ Парижъ, онъ въ первый день Свѣтлаго Воскресенія Христова, 29-го марта (10 апрѣля) пожаловалъ Лагарпу, имѣвшему въ Россіи лишь чинъ полковника, орденъ св. Андрея Первозваннаго, причемъ въ рескриптѣ, было сказано: «Желая воздать должную справедливость тѣмъ отличнымъ попеченіямъ и трудамъ, кои оказываемы были вами съ самыхъ молодыхъ лѣтъ моихъ при воспитаніи моемъ, и будучи движимъ должною къ вамъ благодарностью, препровождаю при семъ знаки ордена нашего св. апостола Андрея Первозваннаго». Но Лагарпа не было еще въ Парижѣ и онъ не былъ свидѣтелемъ торжества своего царственнаго ученика-друга.

Въ этотъ именно день парижане были свидѣтелями невиданнаго никогда ими зрѣлища, которое послужило императору Александру предметомъ для бесѣды съ княземъ А. Н. Голицынымъ, которому Государь сказалъ: «На мѣсто, гдѣ палъ Людовикъ XVI, я привелъ и поставилъ своихъ воиновъ; по моему приказанію сдѣланъ былъ амвонъ; созваны всѣ русскіе священники, которыхъ было найти; и вотъ, при безчисленныхъ зрителяхъ парижскаго населенія, живая гекатомба наша вдругъ огласилась громкимъ и стройнымъ пѣніемъ. Все смолкло! Торжественна была эта минута для моего сердца... Вотъ думалъ я, по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія, изъ далекаго Сѣвера привелъ я русское православное воинство для того, чтобы въ землѣ иноплеменниковъ, столь недавно

наступавшихъ на Россію, въ ихъ столицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пала царственная жертва, приносятъ очистительную и торжественную молитву Господу. Сыны Сѣвера совершали какъ-бы тризну по королѣ Франціи. Русскій царь молился купно со своимъ народомъ и тѣмъ какъ-бы очищалъ обагренное мѣсто царственной жертвы. Не могу не сказать тебѣ, Голицынъ, хотя это и не совмѣстно съ настоящимъ разсказомъ, что мнѣ даже было забавно тогда видѣть, какъ французскіе маршалы и многочисленная фаланга французскихъ генераловъ тѣснилась возлѣ русскаго креста и толкала другъ друга чтобы поскорѣе къ нему приложиться. Объятіе было всеобщее. Такъ оторопѣли французы отъ духовнаго торжества русскихъ».

Съ 1814 по 1816 годъ Александръ I почти не разставался съ Лагарпомъ, который находился при немъ въ качествѣ ближайшаго совѣтника. Во время же знаменитыхъ конгрессовъ въ Вѣнѣ — въ роли представителя интересовъ трехъ швейцарскихъ кантоновъ.

Подъ вліяніемъ Лагарпа, Александръ Павловичъ потребовалъ отъ конгрессовъ, чтобы швейцарскія дѣла были разрѣшены, какъ на томъ настаивалъ Лагарпъ. Такимъ образомъ, Александръ I отблагодарилъ отечество Лагарпа: даровавъ Швейцаріи вѣчный нейтралитетъ среди европейскихъ государствъ, а кромѣ того ей было дано самоуправленіе, въ коемъ принимали равное участіе представители всѣхъ кантоновъ.

Николай Павловичъ былъ третьимъ сыномъ великаго князя Павла Петровича и его супруги Маріи Ѳеодоровны; родился онъ 25 іюня 1796 г. въ Царскомъ Селѣ и Императрица Екатерина была такъ обрадована его рожденіемъ, что сама на рукахъ вынесла внука на балконъ и показала народу.

Увѣдомляя Гримма о рожденіи внука Николая, Императрица Екатерина такъ описывала его наружность: «Голосъ у него басъ, и кричитъ онъ удивительно; длиною онъ — аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного поменьше моихъ. Въ жизнь мою — въ первый разъ вижу такого рыцаря. Если онъ будетъ продолжать, какъ началъ, то братья окажутся карликами передъ этимъ колоссомъ». А двѣ недѣли спустя сообщала: «Рыцарь Николай уже три дня кушаетъ кашку, потому что безпрестанно проситъ ѣсть. Я полагаю, что никогда осьмидневный ребенокъ не пользовался такимъ угощеніемъ, это неслыханное дѣло. У нянекъ просто руки опускаются отъ удивленія: если такъ будетъ продолжаться, то я полагаю, что придется, по прошествіи шести недѣль, отнять его отъ груди. Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза, голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже моего». Далѣе Екатерина, точно предугадывая будущее своего внука Николая замѣчала: «я стала бабушкой третьяго внука, который по необыкновенной силѣ своей, предназначенъ, кажется мнѣ, также царствовать, хотя у него и есть два старшихъ брата».

Поэтъ Жуковскій написалъ первое свое стихотвореніе на рожденіе Николая Павловича, помѣщенное въ 1796 г. въ журналѣ Мартынова «Муза», говоря:

«Грозамъ ли древо всколебать,
Корнями въ Нордѣ укрѣплено?
Для вѣчныхъ отраслей рожденно —
Дерзнутъ ли громы устрашать?»

Еще при жизни Императрица Екатерина успѣла назначить штатъ гувернантокъ и нянекъ в. к. Николаю. Главный надзоръ за воспитаніемъ былъ порученъ Шарлоттѣ Карловнѣ Ливенъ († 1828 г.), а гувернантками были назначены —

Императоръ Павелъ I. Съ гравюры *Шмидтъ*.

г-жи Адлербергъ, Синицына и Панаева; въ няньки же была взята англичанка, Евгенія Васильевна Лайонъ и Щетовская, а кормилицею — красносельская крестьянка, Евфросинія Ершова.

Императоръ Павелъ I страстно любилъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Когда только являлся досугъ, онъ игралъ съ ними и забавлялъ ихъ какъ нѣжный отецъ. Онъ всегда позволялъ нянѣ сидѣть въ своемъ присутствіи, держа Николая Павловича на рукахъ и даже самъ подымалъ съ полу упавшія изъ рукъ ребенка или няни вещи или игрушки. Великихъ князей Николая и Михаила Павловичей Государь обыкновенно называлъ: «мои барашки, мои овечки», и ласкалъ ихъ, чего никогда не дѣлала мать, съ которою Николай и Михаилъ, въ первые годы своего дѣтства, находились въ отношеніяхъ церемонности, холодной учтивости и даже боязни. Теплыя, сердечныя отношенія наступили для нихъ лишь впослѣдствіи, въ лѣта отрочества и юношества.

По рожденіи Николая Павловича въ первое время Марія Ѳеодоровна навѣщала его въ дѣтской ежедневно по вечерамъ, оставаясь здѣсь всего минутъ десять или пятнадцать. Затѣмъ, когда ему минулъ годъ, она прекратила свои посѣщенія и всякій день приносили или привозили его на половину Императрицы. Для этого была сдѣлана колясочка, обшитая зеленою тафтою, съ такою же бахромой и позолоченными металлическими частями; позже была въ употребленіи комнатная каретка, обитая зеленымъ бархатомъ, золотымъ газомъ и сафьяномъ. Съ этихъ поръ, великаго князя приводили или привозили къ родителямъ два раза въ день, между 8 — 12 часами утра и 6 — 9 часами вечера. Кромѣ визитовъ къ Государынѣ — матери, в. к. Николай Павловичъ ежедневно совершалъ прогулки на свѣжемъ воздухѣ не исключая зимы.

Сохранились указанія, что, въ первое время по рожденіи, в. к. Николай, носилъ канифасовыя платья, а также розовыя атласныя, пунцовыя, поплиновыя, съ шелковыми кистями. Кушаки были изъ лентъ разныхъ цвѣтовъ. Шубки для гулянья шились ему розовыя атласныя на собольемъ мѣху, черныя на горностаевомъ мѣху и на тафтяной подкладкѣ; шапочки у него были венгерскія, черныя съ собольими околышами. Что касается игрушекъ, то первою было деревянное ружье, купленное ему за рубль пятьдесятъ копѣекъ.

Въ томъ же 1799 г. одинъ придворный лакей поднесъ ему разныя чучела птицъ; затѣмъ ему по очереди покупались литавры, деревянныя шпаги и игрушки съ механическими приспособленіями, сдѣланныя руками брата миссъ Лайонъ. Любимою же забавою в. к. Николая была собачка, поднесенная ему капитаномъ, состоявшемъ при придворной конюшнѣ, которая, при ошейникѣ съ замочкомъ, всегда находилась при немъ. Съ этого подарка, в. к. Николай Павловичъ полюбилъ собакъ, которыхъ держалъ около себя будучи уже императоромъ.

Въ 1799 г. ему была привита натуральная, а не телячья оспа, какъ дѣлается теперь. По выздоровленіи отъ оспы, Николай Павловичъ надѣлъ въ

Императоръ Павелъ I съ [illegible]
Съ картины [illegible].

первый разъ военный мундиръ — малиновый гарусный лейбъ-гвардіи коннаго полка, коего онъ съ рожденія былъ назначенъ шефомъ. Въ 1800 г. онъ надѣлъ зеленый съ золотыми петлицами, мундиръ л.-г. Измайловскаго полка, шефомъ котораго былъ тогда-же назначенъ. Вмѣстѣ съ мундирами, по приказанію Павла Петровича, онъ сталъ носить орденскіе знаки св. Андрея Первозваннаго и св. Іоанна Іерусалимскаго.

Согласно придворному этикету того времени, обязанности представительства начались для Николая Павловича на второмъ году отъ рожденія. Уже тогда онъ участвовалъ съ сестрою Анною Павловною въ танцахъ (польскомъ) и принималъ участіе, присутствуя при поздравленіяхъ родителей съ рожденіемъ в. к. Михаила Павловича.

Великіе Князья Александръ, Константинъ и Николай Павловичи.
Съ картины *В. Л. Боровиковскаго.*

Свою няню миссъ Лайонъ, Николай Павловичъ называлъ «няня-львица», передѣлывая ея фамилію. Это была женщина характера смѣлаго, рѣшительнаго и энергичнаго, вспыльчивая до чрезвычайности, вмѣстѣ съ тѣмъ, была необыкновенно добра и нѣжна въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ и окружающимъ вообще. Она, несмотря на свое англійское происхожденіе и различіе съ великимъ княземъ по вѣрѣ, первая положила въ его сердце сѣмена религіозности, научила его по русски читать молитвы «Отче нашъ» и «Богородица», первая показала ему, какъ надо складывать, во время молитвы, пальцы для крестнаго знаменія. Будучи характера независимаго, миссъ Лайонъ неоднократно шла въ своихъ дѣйствіяхъ наперекоръ не только гр. Ливенъ и гувернанткамъ, но и самой матери-императрицѣ, Маріи Ѳеодоровнѣ, когда полагала, что правда и истина на ея сторонѣ. Послѣдствія ея самовольныхъ дѣйствій, однако, ни разу не

Великій Князь Николай Павловичъ.

выходили дурными, и Государыня видя добрые результаты для здоровья сына, не переставала оказывать энергичной нянѣ-англичанкѣ свою любовь и довѣріе. Подъ ея неусыпнымъ наблюденіемъ Николай Павловичъ, будучи отъ рожденія крѣпкаго сложенія, росъ всѣмъ на диво истинно русскимъ чудо-богатыремъ и нѣжныя свои чувства съ особенною наглядностью проявлялъ въ отношеніи няни Лайонъ, а также брата Михаила, любовь къ которому была въ немъ такъ сильно развита, что у него навертывались слезы на глаза, когда, казалось, Марія Ѳеодоровна должна была разсердиться или наказать расшалившагося маленькаго Михаила, любившаго разрушать построенные Николаемъ мосты и крѣпости.

[illegible]

Живость Михаила въ играхъ составляла совершенную противоположность съ терпѣніемъ, спокойствіемъ и усидчивостью в. к. Николая Павловича, который не менѣе любилъ рисовать, чѣмъ играть въ военныя игры. Маленькій Михаилъ, во всемъ подражавшій своему старшему брату, не разъ пробовалъ приниматься за рисованіе, но у него ничего не выходило и, при недостаткѣ терпѣнія, обыкновенно кончалось тѣмъ, что онъ рвалъ рисунокъ, бросалъ его и шелъ играть. Зато, каждый изъ братьевъ старался заступаться одинъ за другого и, въ большей части случаевъ, Михаилъ при ссорахъ и спорахъ ихъ съ сестрою Анной Павловной, бралъ сторону брата. Великій князь Николай въ свою очередь былъ къ младшему брату страстно привязанъ и оба они сходились во вкусахъ ко всему военному, и нерѣдко, утромъ, одинъ изъ нихъ шелъ будить другого, надѣвъ гренадерскую каску съ алебардою на плечѣ, для рапорта.

Иногда же, подражая часовымъ, они стояли на часахъ, и, не смотря на строгій присмотръ, по ночамъ вскакивали съ постели, чтобы хотя немножко постоять съ ружьемъ. Несмотря на свои воинскія забавы, которыя, казалось-бы, заставляли предполагать въ нихъ и воинственное расположеніе духа, великіе князья Николай и Михаилъ въ дѣтствѣ боялись стрѣльбы и грома, а застѣнчивость ихъ простиралась до того, что когда имъ случалось быть въ лагерѣ и видѣть военныхъ, встрѣчаясь съ ними — они еще издали снимали шляпы, кланялись и очень боялись, чтобы ихъ не взяли въ плѣнъ. Михаилъ, чувствуя превосходство старшаго брата, всегда хвалилъ его, а не себя, но бывъ съ дѣтства насмѣшливъ, желая угодить своему фавориту, который подзадоривалъ и подстрекалъ его къ тому, пускалъ въ ходъ свое остроуміе; самъ-же Николай Павловичъ не сносилъ никакой шутки, казавшейся ему обидою. Поэтому его игры съ товарищами часто переходили въ драку и рѣдко заканчивались миролюбиво. Онъ былъ до крайности вспыльчивъ, когда что-нибудь или кто-нибудь его сердилъ и выводилъ изъ себя. Чтобы съ нимъ не случалось, падалъ-ли онъ, или ушибался, или считалъ свои желанія неисполненными и себя обиженнымъ, онъ тотчасъ начиналъ браниться, рубилъ своимъ топорикомъ барабанъ, ломалъ игрушки, билъ палкой или чѣмъ попало товарищей своихъ игръ, несмотря на всю привязанность къ нимъ.

Великій Князь Николай Павловичъ. Съ портрета *Тишбейна.*

Однажды, испуганный пушечной пальбой, спрятался за альковъ, и когда маленькій Адлербергъ, отыскавъ его тамъ, сталъ надъ нимъ смѣяться, какъ надъ трусомъ, в. к. Николай съ такою силою ударилъ своего друга ружейнымъ прикладомъ, что у того на всю жизнь остался отъ этого удара шрамъ. Съ сестрою ихъ игры носили болѣе мирный характеръ. Анна Павловна всего болѣе любила представлять Императрицу. Для этого братья устраивали ей карету изъ стульевъ, великая княжна садилась въ нее, а они скакали по сторонамъ верхомъ на воображаемыхъ коняхъ, какъ бы конвоируя Государыню.

Послѣ коронаціи Александра I, у дѣтей, побывавшихъ въ Москвѣ, осталось въ пямяти воспоминаніе о пышныхъ празднествахъ, и потому они часто представляли коронацію. Императрицу изображала Анна Павловна, а императора,по обыкновенію,—Николай Павловичъ. Они навѣшивали на себя всевозможныя куски матерій, а для изображенія брилліантовъ, срывали съ люстры хрустальныя подвѣски.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1800 г. директоръ 1-го кадетскаго корпуса, Матвѣй Ивановичъ Ламздорфъ, получилъ приказаніе явиться на слѣдующее утро къ 6 часамъ во дворецъ.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Съ портрета *Тишбейна*.

- «Назначаю тебя воспитателемъ моихъ младшихъ сыновей»—сказалъ генералу Императоръ Павелъ I. На скромный отвѣтъ Ламздорфа, что, вполнѣ чувствуя великую милость къ нему Государя, онъ не смѣетъ однако принять такого лестнаго порученія, изъ опасенія не умѣть исполнить его съ ожидаемымъ успѣхомъ, Павелъ Петровичъ возразилъ:

— «Если ты не хочешь взяться за это дѣло для меня, то обязанъ взяться для Россіи; одного только требую, чтобы ты не сдѣлалъ изъ мальчиковъ такихъ-же шелопаевъ, каковые нѣмецкіе принцы».

Назначеніе Ламздорфа было сдѣлано, кажется, по тѣмъ соображеніямъ, что онъ былъ кавалеромъ при в. к. Константинѣ Павловичѣ, а жена его урожденная Бетлингъ, была родною сестрою жены Лагарпа, воспитателя в. к. Александра Павловича.

Самъ Ламздорфъ не только не обладалъ ни одною изъ способностей необходимыхъ для воспитанія, но былъ совершенно чуждъ этого рода дѣятельности. Маленькіе великіе князья были постоянно какъ-бы въ тискахъ. Ламздорфъ билъ ихъ линейками, ружейными шомполами и проч. Розги были въ большомъ ходу, и сѣченіе великихъ князей не только ни отъ кого не скрывалось, но даже заносилось въ ежедневные журналы. Такъ въ журналѣ отъ 19 апрѣля 1804 г. записано, что Михаилъ Павловичъ, сдѣлавъ проступокъ, пришелъ къ бывшей нянѣ г-жѣ Кеннеди и самъ просилъ, чтобы она его высѣкла,

Александръ Ивановичъ Зудервейдъ. Съ рисунка *Бьлоусова.*

полагая, что послѣ этой сравнительно легкой операціи, онъ будетъ обезпеченъ отъ сильнѣйшаго сѣченія генераломъ Ламздорфомъ.

«Дядька, къ намъ приставленный, — говорилъ впослѣдствіи Императоръ Николай I графу Киселеву, не умѣлъ ни руководить нашими уроками, ни внушать намъ любовь къ литературѣ и къ наукамъ; онъ вѣчно ворчалъ, подъ часъ раздражался сильнѣйшимъ гнѣвомъ изъ-за пустяковъ, бранился и нерѣдко надѣлялъ насъ тычками и щипками, которыхъ особенно много доставалось на мою долю. Братъ при своемъ болѣе податливомъ характерѣ и болѣе веселомъ нравѣ, лучше уживался съ этимъ неспокойнымъ человѣкомъ. Богъ ему судья за бѣдное образованіе, нами полученное».

Какою любовью пользовался Ламздорфъ при Дворѣ, лучшимъ тому доказательствомъ служитъ слѣдующее къ нему письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ 25 іюня 1811 года:

«Примите, мой добрый, дорогой и почтенный Ламздорфъ, прилагаемый перстень, я прошу васъ взять его по случаю нынѣшняго дня, въ который сыну моему Николаю исполнилось 15 лѣтъ. Надпись на перстнѣ выражаетъ чувство, которое я къ вамъ питаю и которое прекратится только съ моимъ существованіемъ. Продолжайте ваши заботы о Николаѣ, ваши поистинѣ отеческія заботы, и онъ оправдаетъ всѣ наши ожиданія».

За ревностное исполненіе своей обязанности Ламздорфъ награжденъ былъ чиномъ генерала—отъ—кавалеріи и орденами св. Владиміра I ст. и св. Андрея Первозваннаго. Въ день бракосочетанія Николая Павловича возведенъ былъ въ графское достоинство, а въ 1822 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, но по преклонности лѣтъ и глухотѣ испросилъ себѣ увольненіе. Въ 1826 г. 22 августа, въ день коронованія Императора Николая, Ламздорфъ получилъ портретъ Государя, осыпанный брилліантами для ношенія на Андреевской лентѣ. Умеръ онъ въ С.-Петербургѣ 23 марта 1828 г., на 83 году отъ рожденія.

Василій Кузьмичъ Шебуевъ. Рис. *Фогель-фонъ-Фогельштейнъ.*

Приставленные къ великимъ князьямъ «кавалеры», т. е. гувернеры были не лучше своего начальника; ихъ сперва было трое: генералъ-майоръ Ахвердовъ и полковники — Арсеньевъ и Ушаковъ. Ахвердовъ, не терпѣвшій никакого шума и никакихъ воинственныхъ упражненій, нерѣдко приказывалъ великимъ князьямъ, во время ихъ игръ, прикрывать барабаны платками, чтобы заглушить нестерпимый для него трескъ. Вообще борьба съ воинственными наклонностями великихъ князей, ихъ пристрастіемъ ко всему военному, составляла одну изъ главныхъ заботъ наставниковъ. Императрица Марія Ѳеодоровна настаивала, чтобы сыновья ея возможно больше уклонялись отъ военнаго воспитанія; чтобы устранить дѣтей своихъ отъ всякихъ зрѣлищъ военныхъ, Марія Ѳеодоровна удалилась съ ними въ Гатчину, и тамъ продолжалось ихъ воспитаніе въ совершенномъ уединеніи. Мало этого императрица желала даже отправить своихъ сыновей въ Лейпцигскій университетъ, чему рѣшительно воспротивился Императоръ Александръ I.

Собственноручная [illegible] Князя Николая Павловича, изъ собранія Импер. Публичной Библіотеки.

Французскій историкъ царствованія Николая I — Лекруа также отмѣчаетъ, что «молодость великихъ князей прошла почти внѣ Двора, куда ихъ призывали только иногда въ дни торжественныхъ пріемовъ. Ламздорфъ не терялъ ихъ изъ виду ни на минуту и старался держать какъ можно дальше отъ среды политической. Ихъ свѣдѣнія въ современной исторіи останавливались на вопареніи Александра I; они не имѣли даже понятія о главнѣйшихъ событіяхъ его царствованія, если вѣрить свидѣтельству одного изъ товарищей ихъ дѣтства и молодости».

День великаго князя Николая начинался между 7-ю и 8-ю часами утра, когда онъ вставалъ и одѣвался, что дѣлалъ почему-то всегда лѣниво и медленно. Утромъ онъ пилъ чай, за обѣдомъ кушалъ обыкновенно немного, а за ужиномъ довольствовался кускомъ простого чернаго хлѣба съ солью. При такомъ умѣренномъ питаніи, онъ всегда, однако,

Графъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ.

проявлялъ крайнюю торопливость, запихивалъ въ ротъ огромные куски и спѣшилъ глотать ихъ, изъ-за чего у него бывало не мало столкновеній съ кавалерами. Спать его отправляли въ 10 часовъ вечера, а передъ сномъ онъ долженъ былъ писать свой дневникъ, что дѣлалъ съ неохотою, почти машинально, точно желая, чтобы дежурный кавалеръ за него подумалъ и сдѣлалъ эту работу.

Съ 1805 г. число кавалеровъ было увеличено еще тремя: дѣйст. ст. сов. Дивовымъ, кол. сов. Вольфомъ и майоромъ Алединскимъ; въ 1808 г. былъ добавленъ еще ст. сов. Саврасовъ, который по Пажескому корпусу былъ товарищемъ Григорія Андреевича Глинки. По его указанію Глинка и былъ приглашенъ на мѣсто уволеннаго (въ 1811 г.) Дивова. Бывъ еще молодымъ гвардейскимъ офицеромъ Г. А. Глинка чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ наукамъ, занимался ими усиленно и, наконецъ оставилъ въ 1799 г. военную службу и занялъ мѣсто въ Иностранной Коллегіи; затѣмъ былъ цензоромъ сначала въ Кронштадтѣ, а потомъ въ С.-Петербургѣ.

Въ 1802 г., при учрежденіи Дерптскаго (Юрьевскаго) университета, Глинка былъ приглашенъ читать русскій языкъ и словесность. Глинка первый изъ русскихъ дворянъ съ независимымъ состояніемъ вступилъ на каѳедру, и Н. М. Карамзинъ въ издаваемомъ имъ тогда журналѣ, указывалъ, въ статьѣ «Феноменъ», на это событіе.

Съ воцареніемъ императора Александра, воспитаніе великихъ князей перешло всецѣло въ руки императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Самъ Александръ Павловичъ очень мало и рѣдко видалъ своихъ младшихъ братьевъ въ лѣта ихъ дѣтства и не входилъ въ подробности ихъ воспитанія до 1809 г. Марія Ѳеодоровна желала, чтобы оба великіе князя носили партикулярную одежду (сюртуки и круглыя шляпы они сняли въ 1813 г.) и вообще отклонялись отъ всего военнаго. Въ этомъ отношеніи воспитателямъ предстояла трудная задача, такъ какъ съ одной стороны приходилось согласовать мнѣніе императрицы-матери съ противоположнымъ желаніемъ брата-императора, а съ другой — великій князь Константинъ Павловичъ своими шутками и насмѣшками затруднялъ ихъ дѣйствія.

Уроки французскаго языка съ 1802 г. великому князю Николаю давала сама императрица Марія Ѳеодоровна, и занятія эти продолжались ежедневно, съ большою аккуратностью, но не особенно успѣшно, такъ какъ ученикъ-сынъ

почувствовалъ къ французскимъ урокамъ, какъ и къ занятіямъ музыкою, необыкновенное отвращеніе. Благодаря этому, будучи уже семи лѣтъ, онъ съ большимъ трудомъ могъ сказать и выговорить французскую фразу.

Уроки закона Божьяго начались въ 1803 г. подъ руководствомъ духовника Императорской фамиліи, отца Павла Криницкаго, а на слѣдующій годъ великій князь Николай Павловичъ въ первый разъ исповѣдывался.

Систематическіе уроки русскаго языка начали великіе князья съ кавалеромъ Ушаковымъ, котораго они очень любили и звали «Павлинка». Затѣмъ всякій день давалъ уроки тотъ кавалеръ, чья была очередь дежурить.

Съ 1802 г. начались уроки танцевъ, которые давалъ въ то время балетмейстеръ Лепихъ, а съ 1807 г. его смѣнилъ Гуаръ.

Оба князя чувствовали къ танцамъ отвращеніе, но съ исхода 1803 г. это перемѣнилось и они стали чаще танцовать у императрицы, гдѣ имъ было очень весело. Не такъ было съ музыкою. Оба брата, возненавидѣвъ ее съ самаго начала, никогда уже не измѣняли къ ней этого чувства.

Нѣмецкимъ языкомъ съ успѣхомъ занимался съ князьями извѣстный ученый Аделунгъ, который давалъ имъ уроки и латинскаго языка, а греческій языкъ имъ преподавалъ Самуилъ, впослѣдствіи преосвященнѣйшій Костромской епархіи, которому въ 1803 г. в. к. Михаилъ Павловичъ выхлопоталъ пенсію.

Насколько не любилъ древнихъ языковъ Николай Павловичъ, видно изъ журнала, въ которомъ сказано, что онъ сталъ для видимости ласкаться къ Аделунгу и вдругъ укусилъ его въ плечо, затѣмъ сталъ наступать ему на ноги и повторялъ эти проказы нѣсколько разъ.

Уроки русской исторіи и русской географіи давалъ Ахвердовъ; всеобщей исторіи и всеобщей географіи — Дю-Пюже и, притомъ, — на французскомъ языкѣ. Въ половинѣ 1804 г. Николай Павловичъ сталъ брать уроки ариѳметики также у Ахвердова, съ 1806 г. — геометріи, съ 1808 г. — алгебры и начала инженернаго искусства у Крафта, который съ 1807 г. давалъ ему уроки физики, которые пользовались любовью ученика.

Король прусскій Вильгельмъ III.

Рисованію обучалъ профессоръ Акимовъ, а уроки верховой ѣзды производились подъ руководствомъ берейтора Эгера, съ 1803 года.

Съ 1809 г. программа обученія в. к. Николая была расширина; прежній гимназическій курсъ замѣненъ курсомъ схожимъ съ университетскимъ.

Военныя событія того времени побудили обратить вниманіе на преподаваніе наукъ военныхъ — инженернаго искусства, артиллеріи, тактики, фортификаціи и др. Для надзора за общимъ преподаваніемъ наукъ былъ приглашенъ извѣстный инженеръ, генералъ Оппермanъ, а самое преподаваніе поручено полковникамъ Джанноти и Маркевичу, которые, оставаясь довольны успѣхами великихъ князей, пользовались ихъ расположеніемъ и вниманіемъ. Но самую большую любовь и привязанность в. к. Николай чувствовалъ къ профессору живописи В. К. Шебуеву, подъ руководствомъ котораго царственный ученикъ успѣлъ усовершенствовать свои, проявленныя имъ въ дѣтствѣ, способности.

Вотъ записка, изъ которой видно насколько были просты и дружественны отношенія в. к. Николая Павловича къ своему учителю:

«*Здравствуй мой милый Вася, сожалѣю, что Нева препятствуетъ мнѣ тебя видѣть. Я очень желалъ съ тобой поговорить поздравить другъ друга, какъ должно товарищамъ. Что дѣлаютъ наши рисунки: если что готово, пожалуй чрезъ нарочнаго, также найди мнѣ, пожалуй какого-нибудь хорошаго рисовщика, который бы могъ снять видъ изъ моихъ оконъ, да порядочно, водяными красками; ты меня тѣмъ очень одолжишь. Прощай. Чмокъ. Николай*».

Въ числѣ преподавателей великихъ князей были ученые: Шторхъ, читавшій политическую экономію, Кукольникъ — естественное право, и Балугьянскій — энциклопедію или исторію права; но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ дара овладѣть вниманіемъ своего питомца и лекціи ихъ, по словамъ императора Николая, были «усыпительны». «Въ отношеніи религіи, говорилъ Николай Павловичъ,— моимъ дѣтямъ лучше было, чѣмъ намъ, которыхъ учили только креститься въ извѣстное время обѣдни, да говорить наизусть разныя молитвы, не заботясь о томъ, что дѣлалось въ нашей душѣ».

Не особенно нравилось в. к. Николаю Павловичу и изученіе англійскаго языка, учителемъ котораго былъ Седжеръ. Хотя онъ впослѣдствіи правильно произносилъ англійскія слова, но изъяснялся на этомъ языкѣ съ большимъ затрудненіемъ.

Оба великіе князя рвались на войну въ 1813 г. но ихъ отпустили на театръ военныхъ дѣйствій тогда, когда Парижъ уже былъ занятъ союзниками.

К[illegible]. Луиза съ своими сыновьями — будущемъ королемъ Вильгельмомъ IV и Императоромъ Вильгельмомъ I, объединителемъ Пруссіи.

Великій Князь Николай Павловичъ.

1-го февраля 1814 г. великіе князья, отслуживъ молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, выѣхали изъ С.-Петербурга въ сопровожденіи: Ламздорфа, Савельева, Алединскаго, Арсеньева, Джанноти и доктора Рюля.

16-го февраля Ихъ Высочества прибыли въ Ригу, а 21-го были въ Берлинѣ, откуда заѣхали въ Веймаръ къ своей сестрѣ в. к. Маріи Павловнѣ. Николай Павловичъ явился къ сестрѣ одинъ подъ видомъ курьера, и она его не узнала, а затѣмъ вскорѣ прибылъ и Михаилъ Павловичъ.

28-го февраля они пріѣхали во Франкфуртъ, гдѣ ихъ ожидалъ, прибывшій изъ Франціи генералъ-адъютантъ П. П. Коновницынъ, назначенный Государемъ въ руководители на военномъ поприщѣ своихъ братьевъ. Живой обликъ Коновницына нарисованъ графомъ Л. Н. Толстымъ въ его романѣ «Война и миръ».

Графъ Ламздорфъ возвратился въ Россію, а ихъ Высочества въ сопровожденіи Коновницына переправились чрезъ Рейнъ въ Базель и прибыли въ Везуль, куда явился капитанъ Клейнмихель съ словеснымъ приказаніемъ Государя, что по случаю движенія непріятельской арміи на сообщенія нашей, дальнѣйшій путь имъ въ главную квартиру воспрещенъ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ возвратились великіе князья изъ Везуля, чрезъ Альткирхъ въ Базель и оставались здѣсь до покоренія Парижа, куда потомъ и поѣхали. Императоръ Александръ, отправляясь изъ Парижа въ Лондонъ хотѣлъ взять съ собою своихъ братьевъ, но въ виду слуха, сообщеннаго тайн. сов. Татищевымъ, бывшимъ проѣздомъ въ Лондонѣ, что в. к. Николай Павловичъ охотно женится на дочери принца-регента — Шарлотѣ, Государь сообщилъ нашему послу въ Лондонѣ, графу Ливену, чтобы онъ передалъ принцу-регенту, что король Прусскій и императрица-мать уже согласились относительно женитьбы в. к. Николая Павловича на прусской принцессѣ Шарлотѣ, и чтобы предупредить всякіе разговоры, императоръ Александръ рѣшилъ не брать съ собою въ Англію своихъ братьевъ.

Съ возвращеніемъ великихъ князей изъ арміи въ Россію они стали часто присутствовать на разводахъ, парадахъ и военныхъ ученіяхъ, что естественно отнимало много времени у лекцій, начавшихся съ 1-го сентября 1814 г. и у репетицій къ нимъ.

Но «бесѣды» съ генераломъ Оппермаиомъ о военныхъ наукахъ шли прекрасно, такъ что въ заключеніе курса, Оппермаиъ нашелъ нужнымъ изобразить фиктивную войну, въ которой Михаилу Павловичу поручена была часть оборонительная, а Николаю Павловичу наступательная.

Всѣ эти занятія продолжались не долго, такъ какъ возгорѣвшаяся вновь война съ Наполеономъ вызвала еще разъ войска наши заграницу, и великіе князья получили дозволеніе находиться при арміи. Генералъ Коновницынъ вторично сопровождалъ Ихъ Высочества и прибылъ съ ними въ главную квартиру императора Александра, находившуюся въ Гейдельбергѣ. На смотру россійской арміи, 24-го августа 1815 г. при мѣстечкѣ Вертю, великіе князья командовали частями, въ которыхъ состояли шефами.

Вѣликая Княгиня Александра Ѳеодоровна супруга Николая Павловича.

Изъ Парижа свита Государя слѣдовала на почтовыхъ лошадяхъ. Въ Дижинѣ, говоритъ государственный секретарь Марченко, съ императоромъ Александромъ были его братья, откуда отправились въ Берлинъ, гдѣ прожили двѣ недѣли по случаю свадебнаго сговора в. к. Николая Павловича.

Коновницынъ былъ назначенъ военнымъ министромъ. Разставаясь съ Ихъ Высочествами, онъ написалъ имъ письмо, въ которомъ было 12 наставительныхъ параграфовъ. Приводимъ одинъ изъ нихъ:

«Убѣгайте льстецовъ, кои навѣрно проникнутъ въ чертоги ваши. Они слабостями вашими воспользуются для своихъ выгодъ ко вреду вашему и другихъ. Держитесь людей такихъ, которые бы отъ васъ ничего не желали, которые бы не ослѣплялись величіемъ вашимъ, и съ надлежащимъ почтеніемъ говорили бы вамъ истину, и противорѣчили бы для воздержанія васъ отъ погрѣшностей. Есть средства узнавать людей въ самыхъ разговорахъ, въ которыхъ примѣтна и вѣтренность или неосновательность, и лесть, и не искренность, и гордость и хитрость и проч., иногда надобно скрыть собственное чувствованіе ихъ».

«Выслушивайте совѣты полезные, но потомъ разсуждайте объ истинѣ и пользѣ. Не удаляйтесь отъ познанія людей ни подъ какимъ предлогомъ, раз-

личайте ихъ и да избавитъ васъ Богъ отъ такихъ, которые притворяясь, что не видятъ вашихъ погрѣшностей, вкрадываются въ сердце, а такіе люди бываютъ, къ сожалѣнію, пріятны».

По возвращеніи изъ похода оба великіе князя, начиная съ декабря 1816 г. продолжали свои занятія, но изъ замѣтокъ профессора видно, что эти лекціи были весьма неаккуратны во времени, будучи часто пропускаемы, по случаю военныхъ смотровъ и придворныхъ торжествъ.

Мая 9-го в. к. Николай Павловичъ отправился путешествовать по Россіи и Европѣ съ Г. А. Глинкой и графомъ П. В. Голенищевымъ-Кутузовымъ. Его

Видъ храма Дружбы и Шале въ Павловскомъ паркѣ. Съ гравюры *Галактіонова*.

Высочество сопровождалъ художникъ Заудервейдъ—человѣкъ замѣчательно прямой и даже рѣзкій самостоятельностью своего характера. Великій князь сошелся съ нимъ и уже не разставался съ Заудервейдомъ, который во всю свою жизнь ни на минуту не измѣнилъ своего независимаго тона и обращенія съ Его Высочествомъ, когда онъ сталъ даже Государемъ.

Въ Эдинбургѣ Николай Павловичъ съ Заудервейдомъ посѣтилъ шотландскаго художника Аллана (1782—1850), друга Вальтеръ-Скотта, который 10 лѣтъ провелъ въ Польшѣ и Россіи, и купилъ у него двѣ картины.

Въ Лондонѣ в. к. Николай Павловичъ поразилъ всѣхъ тѣмъ, что когда всѣ улеглись спать въ замкѣ принцессы Шарлотты, онъ отправился на конюшню и приказалъ набить кожанный мѣшокъ сѣномъ; служившій ему постелью.

Видъ Кремля отъ Каменнаго моста. Съ картины *О. Я. Аммона*, находящейся въ Императорскомъ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1817 г. в. к. Николай Павловичъ возвратился въ Россію, послѣ чего вскорѣ вступилъ въ бракъ съ дочерью короля Прусскаго Фридриха Вильгельма III—Фредерикою-Луизою-Шарлоттою, при миропомазаніи (23-го іюля) названною Александрою Ѳеодоровной.

Въ день ея рожденія, 1 іюля, совершено было брачное вѣнчаніе въ церкви Зимняго дворца, во время котораго вѣнцы держали: надъ в. к. Николаемъ — Михаилъ Павловичъ, а надъ Ея Высочествомъ — принцъ прусскій Вильгельмъ, братъ невѣсты, будущій германскій императоръ и объединитель Германіи.

Видъ Аничкова дворца, со старинной литографіи.

По окончаніи обряда бракосочетанія, новобрачные приносили поздравленіе Ихъ Величествамъ, а затѣмъ совершено было благодарственное молебствіе и, при пѣніи «Тебѣ Бога хвалимъ», произведена пушечная пальба съ крѣпости.

«Я почувствовала себя очень счастливой, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Александра Ѳеодоровна, — когда руки наши соединились; съ полнымъ довѣріемъ отдавала я свою жизнь въ руки моего Николая, и онъ никогда не обманулъ этой надежды! Остальную часть дня поглотилъ обычный церемоніалъ, этикетъ и обѣдъ. Во время бала, происходившаго въ Георгіевскомъ залѣ, я получила письмо изъ Берлина отъ отца и родныхъ».

Передъ окончаніемъ бала, Императоръ Александръ съ Императрицею отбыли въ Аничковскій дворецъ, который былъ подаренъ Государемъ Николаю Павловичу, куда Высоконовобрачные поѣхали вмѣстѣ съ императрицею Маріею

Ѳеодоровной, въ парадной золотой каретѣ, запряженной 8-мью лошадьми, предъ которой впереди шелъ эскадронъ лейбъ-гусаръ.

«Я въ первый разъ увидѣла этотъ прекрасный дворецъ, говоритъ Александра Ѳеодоровна, описывая свою свадьбу. На верху у лѣстницы встрѣтили насъ съ хлѣбомъ солью Императоръ Александръ съ своею супругою. Свадебныя празднества, различные балы, baise-mains,—все это прошло для меня какъ сонъ, отъ котораго я пробудилась лишь въ Павловскѣ, безконечно счастливая тѣмъ что очутилась въ деревнѣ».

Василій Андреевичъ Жуковскій.

Въ Павловскомъ дворцѣ, разсказываетъ Дараганъ, императрица Марія Ѳеодоровна жила въ нижнемъ этажѣ, но каждый день должна была подниматься въ верхній, гдѣ была столовая. Молодая великокняжеская чета жила въ лѣвомъ флигилѣ, соединенномъ съ главнымъ корпусомъ дворца открытою галлереей. Въ осенніе, тёмные вечера верхній этажъ дворца, какъ необитаемый, былъ освѣщенъ разставленными черезъ комнату сальными свѣчами въ жестяныхъ, длинныхъ, наполненныхъ водою подсвѣчникахъ. Такой подсвѣчникъ стоялъ и на полу маленькаго балкона дворца при выходѣ въ галлерею. Здѣсь обыкновенно камеръ-пажъ Дараганъ ожидалъ великую княгиню Александру Ѳеодоровну и когда показывался Николай Павловичъ съ супругою, бралъ подсвѣчникъ и, несъ его осторожно, чтобы не расплескать воду, идя впереди и освѣщая дорогу. Это забавляло Александру Ѳеодоровну, которая смѣясь, каждый разъ говорила: «Merci, merci page, благодарствуй»! На балконѣ Дараганъ ставилъ свѣчу на полъ и, принявъ отъ камердинера Ея Высочества работу или другія вещи, которыя она желала имѣть при себѣ, слѣдовалъ за нею.

«По воскресеньямъ въ Павловскомъ дворцѣ танцовали, говоритъ Александра Ѳеодоровна; въ прочіе дни играли въ petits jeux или ужинали въ томъ или въ другомъ павильонѣ, что мнѣ очень нравилось».

На придумываніе такъ называемыхъ «charades en action» былъ большой

мастеръ Николай Павловичъ. «Я помню», говоритъ камеръ-пажъ Дараганъ, «шараду Tapage, въ которой я представлялъ второй слогъ, а при исполненіи цѣлаго, великій князь поднялъ такой шумъ, что императрица и великая княжна, закрывъ уши, закричали: «assez de Tapage, assez!»

Вскорѣ Дворъ переѣхалъ въ Петергофъ.

«Тамъ», говоритъ Александра Ѳеодоровна, «мы совершали прогулки, поѣздки моремъ въ Кронштадтъ, а по вечерамъ мы катались неоднократно верхомъ».

По возвращеніи въ Павловскъ, въ дурную погоду занимались чтеніемъ; причемъ чтецами были Жуковскій, Уваровъ и Плещеевъ. Дамы вышивали, а великій князь Николай Павловичъ чертилъ каррикатуры. Скоро начались приготовленія Двора къ поѣздкѣ въ Москву, гдѣ великая княгиня Александра Ѳеодоровна принялась серьезно за уроки русскаго языка. «Въ учителя мнѣ былъ», пишетъ она, «данъ Василій Андреевичъ Жуковскій, въ то время извѣстный поэтъ, но человѣкъ онъ былъ слишкомъ поэтичный, чтобы оказаться хорошимъ учителемъ. Вмѣсто того, чтобы корпѣть надъ изученіемъ грамматики, какое нибудь отдѣльное слово рождало въ немъ идею, идея заставляла искать поэму, и поэма служила для бесѣды; такимъ образомъ проходили уроки. По этому русскій языкъ я постигала плохо, и, несмотря на мое страстное желаніе изучить его, онъ оказывался на столько труднымъ, что я въ продолженіе многихъ лѣтъ не имѣла духу произносить на немъ цѣльныхъ фразъ».

Въ концѣ декабря уѣхалъ братъ Александры Ѳеодоровны и она записала: «я проводила его съ грустью и почувствовала новый приливъ тоски по поводу разлуки съ отцемъ, братьями и сестрами, — то была ужасная минута! Но, переживъ ее, я еще болѣе сблизилась съ моимъ Николаемъ, почувствовала, что въ немъ одномъ имѣю поддержку и опору въ моей новой родинѣ, и нѣжность его вполнѣ вознаградила меня за все мною утраченное».

Царь-Освободитель Императоръ Александръ II родился въ Москвѣ, на Святой недѣлѣ, 17 апрѣля 1818 года. Поэтъ князь П. Вяземскій, вспоминая это событіе говорилъ:

«Нашъ славный Кремль Тебѣ былъ славной колыбелью,
А воспріемницей вся Русская земля:
Въ парадномъ торжествѣ надъ свѣтлою купелью
Святыня древняго и новаго Кремля,
И царскихъ тѣней ликъ съ Петромъ, съ Екатериной,
И доблестью Отцовъ нетлѣнные вѣка
Съ побѣдоносной Ихъ и свѣтлою дружиной.
И Онъ, еще живой, котораго рука
Высоко вознесла честь Русскаго Народа,
Дала Европѣ миръ въ возмездье за войну,
Благословенный Царь двѣнадцатаго года.
Въ одну молитву всѣ сліясь, въ мысль одну,
Пророчески Тебѣ на Царство указали,
Благословивъ Тебя Наслѣдникомъ Своимъ».

Въ послѣднихъ строкахъ, поэтъ имѣлъ въ виду слова, сказанныя Императоромъ Александромъ I королю прусскому Фридриху Вильгельму III, когда его дочь, великая княгиня Александра Ѳеодоровна, сіяя счастьемъ матери, поднесла своего маленькаго сына: «Вспомнимъ Государь, что этотъ ребенокъ родился въ древнемъ дворцѣ Царей, недалеко отъ колыбели Дома Романовыхъ и близъ святыхъ вратъ Иверскихъ, гдѣ чудесный образъ Пресвятой Дѣвы бодрствуетъ и печется о судьбахъ этого города и Россіи».

Императрица Александра Ѳеодоровна, въ своихъ воспоминаніяхъ, по поводу рожденія первенца сына говоритъ: «На святой недѣлѣ, когда колокола своимъ перезвономъ славословили праздникъ Воскресенія Христа, въ среду, 17-го апрѣля, въ чудный весенній день, въ 11 часовъ, я услышала крикъ моего перваго ре-

бенка! Никсъ (великій князь Николай Павловичъ) цѣловалъ меня и плакалъ, и мы поблагодарили Бога вмѣстѣ, не зная даже еще, послалъ-ли Онъ намъ сына или дочь, но тутъ подошла къ намъ maman (Императрица Марія Ѳеодоровна) и сказала: «это сынъ». Мы почувствовали себя еще болѣе счастливыми при этомъ извѣстіи, но помнится мнѣ, что я ощутила нѣчто важное и грустное при мысли, что этому маленькому существу предстоитъ нѣкогда сдѣлаться Императоромъ». Баронесса М. П. Фредериксъ говоритъ, что ея отецъ былъ посланъ въ Берлинъ и удостоился подходить къ кровати и цѣловать рѹку Августѣйшей матери, въ первыя же минуты рожденія малютки, чтобы быть свидѣтелемъ состоянія здоровья ея и новорожденнаго сына, дабы сообщить объ этомъ ея царственному отцу, который, при первомъ извѣстіи о рожденіи внука, пожаловалъ ему орденъ Чернаго Орла.

Комната въ Николаевскомъ дворцѣ, въ которой родился Императоръ Александръ II.

Императоръ Александръ I извѣстіе о рожденіи племянника получилъ 22 апрѣля въ г. Староконстантиновѣ, Волынской губерніи, гдѣ и былъ данъ слѣдующій рескриптъ: «Въ 17-ый день апрѣля наша любезная невѣстка, Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ племянника, а Ихъ Императорскимъ Высочествамъ сына, нареченнаго Александромъ. Таковое Императорскаго Дома Нашего приращеніе пріемлемъ мы вящшимъ залогомъ благодати Всевышняго, на Насъ и Нашу Имперію обильно изливаемой, и потому возвѣщая о семъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, пребываемъ удостовѣрены, что всѣ они соединятъ съ Нами усердныя къ Богу молитвы о благополучномъ возрастѣ Новорожденнаго въ преуспѣяніи во всемъ, что къ утвержденію вѣры и къ расширенію славы и пользы отечества служить можетъ. Повелѣваемъ впрочемъ во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, писать и именовать сего любезнаго Намъ племянника Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ. Данъ въ Главной квартирѣ Нашей въ городѣ Староконстантиновѣ апрѣля 22-го дня, въ лѣто отъ Рождества Христова 1818 г., царствованія же Нашего осьмнадцотое».

Камеръ пажъ Дараганъ говоритъ: «когда возвратился адъютантъ Великаго Князя Николая Павловича, капитанъ Перовскій, посланный къ Государю съ извѣстіемъ о счастливомъ событіи, Великій Князь поспѣшилъ во дворецъ. Это

было во время гофмаршальскаго стола. Онъ удостоилъ зайти и къ намъ въ комнату, гдѣ мы обѣдали. Удивленные и обрадованные мы вскочили съ мѣстъ.

— «Поздравляю васъ съ новымъ шефомъ лейбъ-гусаръ — сказалъ онъ намъ съ лицомъ, сіяющимъ счастіемъ, — Государь удостоилъ этимъ назначеніемъ моего сына».

«Мы бросились цѣловать его плечи. Онъ цѣловалъ насъ всѣхъ и велѣлъ подать шампанское, чтобы мы пили за здоровье шефа гусаръ». Таинство св. крещенія было совершено надъ новорожденнымъ въ церкви Чудова монастыря 5 мая.

Въ 11 часовъ утра, обѣ Императрицы — Марія Ѳеодоровна и Елисавета Алексѣевна, сойдя по Красному крыльцу и встрѣченныя громкими радостными криками народа, сѣли въ парадную карету, запряженную 8-ю лошадьми, и переѣхали къ дому, занимаемому Великимъ Княземъ. Разстояніе отъ дворца самое незначительное. По ихъ прибытіи началось шествіе въ церковь святителя Алексѣя, находящуюся въ Чудовомъ монастырѣ, смежномъ съ Малымъ Николаевскимъ дворцомъ, въ которомъ родился Великій Князь Александръ Николаевичъ.

Кормилица Императора Александра II.

Дворецъ этотъ былъ построенъ въ царствованіе Екатерины II извѣстнымъ архитекторомъ Казаковымъ. Въ 1879 г. Малый Николаевскій дворецъ капитально ремонтированъ, но въ немъ все осталось такъ, какъ было въ 1818 г. Меблировка дворца въ стилѣ ампиръ; въ немъ есть замѣчательныя картины, какъ напримѣръ: «Коронація Станислава Августа», писанная Бельти-Каналето. Къ дворцу примыкаетъ съ востока садъ — за нимъ дворъ, а далѣе другой, служебный, гдѣ у одной изъ стѣнъ имѣется запертая рѣшетчатая желѣзная

дверь, за которой видны ряды надгробныхъ плитъ, найденныхъ на глубинѣ 9 аршинъ при подведеніи подъ дворецъ фундамента, изъ нихъ и устроено это кладбище.

Торжественное шествіе открывали гофъ-фурьеры, церемоніймейстеръ, камеръ-юнкеры, камергеры, а за ними шли обѣ Императрицы рядомъ, а сзади Великій Князь Николай Павловичъ. За ними статсъ-дама графиня Ливенъ несла царственнаго младенца; покрывало поддерживали съ одной стороны генералъ-отъ-кавалеріи графъ Гормасовъ а съ другой — дѣйствительный тайный совѣтникъ Н. Б. Юсуповъ. Воспріемниками новорожденнаго были Императоръ Александръ I, король прусскій и Императрица Марія Ѳеодоровна, которая одна величественная и радостная стояла предъ купелью, бережно держа на рукахъ залогъ будущаго счастія Россіи.

По окончаніи обряда крещенія, совершеннаго духовникомъ Государя протопресвитеромъ Криницкимъ, при пѣніи «Тебя Бога хвалимъ», былъ произведенъ салютъ въ 201 выстрѣлъ изъ пушекъ, поставленныхъ въ Кремлѣ, у Алексѣевскаго монастыря, при колокольномъ звонѣ всѣхъ московскихъ церквей.

Въ тотъ-же день въ покояхъ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны былъ обѣденный столъ для высшаго духовенства, статсъ-дамъ и особъ первыхъ трехъ классовъ, а вечеромъ по всей Москвѣ зажглась блестящая

Видъ Николаевскаго дворца въ Кремлѣ.

Парадъ на Красной площади въ Москвѣ 1913 г. по случаю [illegible] Императора Александра I и короля прусскаго Вильгельма III, крестнаго отца Императора Александра II

иллюминація. Нѣсколько дней спустя послѣ этого событія поэтъ В. А. Жуковскій, состоявшій учителемъ русскаго языка при Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, написалъ стихотвореніе на рожденіе Великаго Князя Александра Николаевича, которое поднесъ своей царственной ученицѣ, гдѣ пророчески вдохновенно говорилъ:

«Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ — свое* позабывать.
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать!»

К. К. Мердеръ.

13 мая Великій Князь Николай Павловичъ написалъ митрополиту Августину слѣдующее письмо:

«Преосвященнѣйшій Владыко. Со страхомъ, свойственнымъ человѣку слабому, и съ надеждою, не покидающею человѣка вѣрующаго, видѣлъ я приближеніе рѣшительнѣйшей минуты въ моей жизни. Не зная, что опредѣлило мнѣ Провидѣніе, радость или горесть, я подкрѣпилъ душу мою обѣщаніемъ, и ожидалъ съ покорностію воли Божіей. Ему угодно было благословить меня счастіемъ отца; Онъ сохранилъ и мать и младенца! Изъявленіе благодарности не нужно Тому, Кто читаетъ въ глубинѣ души; но оно необходимо душѣ благодарной. Обѣщаніе мое, которое спѣшу исполнить, состояло въ томъ, чтобы во имя Александра Невскаго воздвигнуть придѣлъ въ церкви Новаго Іерусалима (въ Троицко-Сер-

Императоръ Николай I вручаетъ своего сына Гвардейскимъ саперамъ 14 декабря 1825 г.
Съ барельефа памятника Николаю Павловичу.

Императоръ Николай I съ Августѣйшею супругою и наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ.

гіевской лаврѣ):—это смиренное приношеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу всемогущему свое драгоцѣннѣйшее благо—участь жены и сына. Васъ, преосвященнѣйшій Владыко, прошу быть мнѣ помощникомъ и руководителемъ въ исполненіи сего обѣта, священнаго моему сердцу. Пускай передъ Алтаремъ, воздвигаемымъ благодарностію отца, приносятся молитвы и о матери и о сынѣ; да продлитъ Всемогущій Ихъ жизнь для собственнаго ихъ счастія, на службу Государю, на честь и пользу отечества».

Великій Князь Александръ Николаевичъ.

Мать Великаго Князя Александра Николаевича, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «шесть недѣль послѣ рожденія сына прошли для меня самымъ пріятнымъ, спокойнымъ и однообразнымъ временемъ; Княгиня Софія Трубецкая приходила иногда вечеромъ почитать вслухъ часъ или два. Я пережила чудную минуту, когда понесла новорожденнаго на рукахъ въ Чудовскую церковь, къ гробницѣ св. Алексѣя».

Державная бабушка души не чаяла въ «маленькомъ Сашѣ» и взяла на себя выборъ для внука боннъ и гувернантокъ. Изъ числа ихъ главное наблюденіе надъ его во-

Великій Князь Александръ Николаевичъ качаетъ на качеляхъ свою сестрицу Марію Николаевну.

спитаніемъ было поручено Ю. Ѳ. Барановой; кромѣ того при Великомъ Князѣ состояла, въ качествѣ надзирательницы, Н. В. Таубертъ, а въ качествѣ боннъ — англичанокъ — А. А. Кристи, М. В. Коссовская и Е. И. Кристи. Кормилицею была избрана крестьянка одной изъ подмосковныхъ деревень, Авдотья Гаврилова, гравированный портретъ который найденъ Н. Д. Чечулинымъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. До сихъ поръ имя кормилицы Царя Освободителя не было названо ни въ одномъ изъ жизнеописаній Государя; П. И. Бартеневъ, печатая въ Русскомъ Архивѣ письма Булгакова, который вспоминалъ, что былъ въ избѣ этой кормилицы, «той жены, которой бѣлы руки играли будущимъ царемъ» (стихи Н. Языкова), замѣчалъ, что ему не удалось, не смотря на всѣ старанія узнать ея имя.

Пять лѣтъ спустя послѣ рожденія Великаго Князя Александра Николаевича К. Ѳ. Рылѣевъ въ одѣ «Видѣніе», написанной на день тезоименитства будущаго Царя-Освободителя, устами Императрицы Екатерины II пророчески говорилъ:

«Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.
Твой долгъ благотворить народу
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье — истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей.
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность Русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори, —
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари».

Великій Князь Николай Павловичъ, поселившись послѣ брака въ Аничковскомъ дворцѣ, совершенно его реставрировавъ, уничтожилъ громадныя залы,

приспособивъ ихъ для тихой, счастливой семейной жизни, о которой свидѣтельствуютъ слѣдующія слова его:

— «Если кто нибудь спроситъ тебя, говорилъ Великій Князь одному изъ своихъ приближенныхъ, — въ какомъ уголкѣ міра скрывается истинное счастье, сдѣлай одолженіе пошли этого человѣка въ Аничковскій рай».

Страстно любя своего сына — первенца, онъ воспитывалъ его по — спартански. Такъ, дочь Балугьянскаго, бывшаго наставника Великаго Князя Николая Павловича, баронесса М. М. Меденъ, записала:

«Въ 1821 г. послѣ нашего выпуска изъ Екатерининскаго Института, отецъ повезъ меня съ сестрой въ Аничковскій дворецъ представить Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій Великій Князь Николай Павловичъ, который присутствовалъ при этомъ представленіи, объявилъ, что желаетъ похвастать своимъ сыномъ, и, не смотря на протестъ Великой Княгини, ввелъ всѣхъ троихъ въ спальню сына, отодвинулъ ширму, разбудилъ спящаго сына и вынулъ его изъ кроватки, утверждая при этомъ, что солдатъ долженъ быть готовъ во всякое время. Потомъ, поставивъ сына на полъ, самъ сталъ рядомъ съ нимъ на колѣни, взялъ громадный барабанъ и, подъ звуки выбиваемаго имъ самимъ марша, заставилъ сына маршировать».

Императрица Екатерина II воспитывала дѣтей своего сына, строго, отдѣляя ихъ другъ отъ друга, а Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, наоборотъ, помня свое воспитаніе, всячески старалась связать и соединить ихъ и по вечерамъ проводила съ ними время, принимая живое участіе въ ихъ играхъ. Прилагаемая гравюра Райта, представляющая копію съ картины, находящейся въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца, изображаетъ Великую Княгиню, играющую съ Александромъ Николаевичемъ и его сестрою Маріею Николаевною. Привычка эта вошла въ обычай и впослѣдствіи дѣти Императрицы Александры Ѳеодоровны не проводили дня, не повидавъ свою мать.

Великую Княгиню Александру Ѳеодоровну соединяла

Императрица Александра Ѳеодоровна съ В. К. Александромъ Николаевичемъ и его сестрой Маріею Николаевной. Съ гравюры *Райта*.

Великій Князь Александръ Николаевичъ 7 лѣтъ.
Съ литографіи наход. въ Эрмитажѣ.

Луизы, ея матери. Графиня Шуазель-Гуфье, увидавъ въ первый разъ Александру Ѳеодоровну, «была поражена изяществомъ и красотой ея стана. Окруженная придворными дамами, она была выше всѣхъ ихъ головой, точно Калипсо посреди своихъ нимфъ». Позже А. С. Пушкинъ съ восторгомъ, описывалъ выходы Государыни на придворныхъ балахъ, когда она «колеблясь подобно лиліи крылатой», входила въ тѣсный кругъ придворныхъ.

«И надъ поникшею толпою
Сіяетъ царственной главою».

Впрочемъ, надо замѣтить, что Императрица Александра Ѳеодоровна не любила повелѣвать, и не разъ говорила, что слово Befehl (приказаніе) и глаголъ befehlen (приказывать) понятны самая искренняя, самая горячая привязанность со своимъ супругомъ, который съ неменьшимъ обожаніемъ относился къ ней, чему вѣчнымъ памятникомъ служитъ Александрія въ Петергофѣ и, наполняющіе его окрестности, роскошные дворцы, которые Николай Павловичъ дарилъ своей нѣжнолюбимой женѣ: Царицынъ островъ, Озерки, Бельведеръ на Бабьемъ-гонѣ и наконецъ бюстъ ея—работы Рауха, подъ которымъ Государь приказалъ начертать слова: «счастіе моей жизни».

Красивое лицо великой княгини Александры Ѳеодоровны имѣло большое сходство съ прелестными чертами прусской королевы

Великій Князь Александръ Николаевичъ 9 лѣтъ

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ съ товарищами на берегу моря въ Петергофѣ. Съ акварели *А. П. Брюллова*.
([illegible] Константинъ Николаевичъ, Б. С. Шереметевъ, князь А. И. Барятинскій, Паткуль, Шереметевъ, два графа Адлерберга
И. М. Толстой, [illegible], [illegible], К. К. Мердеръ, [illegible] и [illegible].)

Императоръ Николай I послѣ [illegible] о событіяхъ въ Парижѣ 1830 г., говорилъ своему сыну: „ты, какъ Отецъ и Государь своихъ подданныхъ долженъ всего себя посвящать доставленію [illegible] общаго благосостоянія и славы отечеству".

ей только въ устахъ Императора. Чуждая всякаго личнаго честолюбія, далекая отъ желанія властвовать, она стремилась лишь дѣлать добро и пользовалась своимъ вліяніемъ для того, чтобы помогать ближнимъ, чтобы облегчать ихъ страданія. — Оказывая массу благодѣяній, Императрица Александра Ѳеодоровна всегда тщательно старалась скрыть, что эти добрыя дѣла сдѣланы ею; истина открывалась иногда только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ... Чтобы дать понятіе о размѣрахъ ея благотворительности, достаточно будетъ сказать, что по кончинѣ ея, по бумагамъ оказалось, что ею тратилось ежегодно двѣ трети ея личныхъ суммъ на благотворительность.

Въ 1824 г., когда маленькому «Сашѣ» исполнилось шесть лѣтъ къ нему былъ назначенъ главнымъ воспитателемъ капитанъ Карлъ Карловичъ Мердеръ, участникъ войнъ 1805 и 1807 годовъ, который вступилъ къ исполненію своей должности 12 іюля и съ тѣхъ поръ оставался въ ней до своей смерти, послѣдовавшей въ 1834 году. Своимъ ласковымъ обращеніемъ съ своимъ царственнымъ питомцемъ, Мердеръ успѣлъ скоро заслужить привязанность и любовь «Саши», который научившись писать, изъяснялся ему на клочкѣ бумажки въ своей любви, написавъ въ одной строкѣ: «Карлъ Мердеръ 1-го февраля 1825 г.», а въ другой — «люблю Мердера моего».

Когда вступилъ на престолъ Николай Павловичъ, семилѣтній Великій Князь Александръ Николаевичъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола, продолжалъ вести прежнюю жизнь, лишенную всякой роскоши, подъ надзоромъ Мердера и швейцарца Жилля. Во время коронаціи Государя въ Москвѣ, лѣтомъ 1826 г., цесаревичъ приводилъ въ восторгъ жителей Бѣлокаменной, когда, въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ и на арабскомъ конѣ, онъ появлялся въ свитѣ Государя или участвовалъ въ парадахъ въ строю гусаръ. Когда приближенные выражали Николаю Павловичу свое удивленіе поведенію наслѣдника и его умѣнью держать себя, Государь отвѣчалъ имъ:

— «Я покоенъ на счетъ моего сына, онъ въ хорошихъ рукахъ». Вскорѣ послѣ коронаціи Государя, къ наслѣднику Александру Николаевичу былъ назначенъ наставникомъ поэтъ Василій Андреевичъ Жуковскій, въ привѣтствіи къ которому князь П. А. Вяземскій писалъ:

«Еще предъ нимъ раскрылся жребій славный:
Святой залогъ пріявъ изъ царскихъ рукъ,
Онъ пробудилъ въ младой семьѣ державной
Благой разсвѣтъ познаній и наукъ».

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Съ портрета *Зарянко.*

Въ концѣ 1824 г. великій князь Николай Павловичъ и великая княгиня Александра Ѳеодоровна отправились въ заграничное путешествіе. На В. А. Жуковскаго тогда и была возложена великой княгиней «обязанность передать нѣкоторыя первоначальныя познанія» маленькому «Сашѣ», во время отсутствія изъ Россіи его Августѣйшей родительницы. 15 марта 1825 г. А. И. Тургеневъ писалъ П. А. Вяземскому, что «Жуковскій, право сдѣлался великимъ педагогомъ. Сколько прочелъ дѣтскихъ учебныхъ книгъ! Сколько написалъ плановъ и самъ обдумалъ нѣкоторые. Выучился географіи, исторіи и даже ариѳметикѣ. Шутки въ сторону: онъ вложилъ свою душу даже въ грамматику и свое небо перенесъ въ систему міра, которую объясняетъ своему малюткѣ. Онъ сдѣлалъ изъ себя какого-то дѣтскаго Аристотеля и знаетъ теперь все, чему прежде учился; но знаетъ по своему и передаетъ сіи знанія также по особеннымъ имъ изобрѣтеннымъ или найденнымъ у другихъ методахъ». Самъ же Жуковскій 19 декабря 1825 г. писалъ А. П. Елагиной: «помолитесь за меня: на рукахъ моихъ теперь важное и трудное дѣло и ему посвящены всѣ минуты и мысли».

Мердеръ и Жуковскій — воспитатель и наставникъ Наслѣдника Цесаревича воспитывали въ немъ не только будущаго Государя, но и человѣка, въ самомъ

высокомъ значеніи этого слова, внушая Александру Николаевичу благороднѣйшія мысли и вселяя въ его юномъ сердцѣ чувство уваженія къ человѣческой личности и христіанскую любовь къ ближнему. По ихъ свидѣтельству, Цесаревичъ одаренъ былъ щедрою рукою природы блестящими способностями и выдающимися нравственными качествами, обладалъ необычайно яснымъ и здравымъ умомъ, живымъ, веселымъ нравомъ, прямымъ характеромъ и прекраснымъ, благороднымъ сердцемъ, всегда готовымъ на все доброе и хорошее.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ за урокомъ В. А. Жуковскаго

Мердеръ въ дѣлѣ воспитанія Александра Николаевича руководствовался работами нѣмецкаго педагога Арндта, прославившагося своими патріотическими сочиненіями, изъ которыхъ «Планъ воспитанія и наставленія монарха» была рекомендована императрицей Маріею Ѳеодоровною. Точно также и Жуковскій, получивъ отпускъ для поправленія своего здоровья, уѣхалъ за границу, гдѣ изучалъ пріемы обученія лучшихъ педагоговъ, начиная съ Песталоцци, правиломъ котораго было: «Все — для другихъ, ничего — для себя», что и начертано на его памятникѣ въ Ивердонѣ. Чтобы повидать Песталоцци, посѣщали его Фридрихъ Вильгельмъ III и Императоръ Александръ I. Это единственный примѣръ въ исторіи человѣчества такого обаянія человѣка въ заурядной должности

педагога, что на свиданіе съ нимъ шли даже цари и короли.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

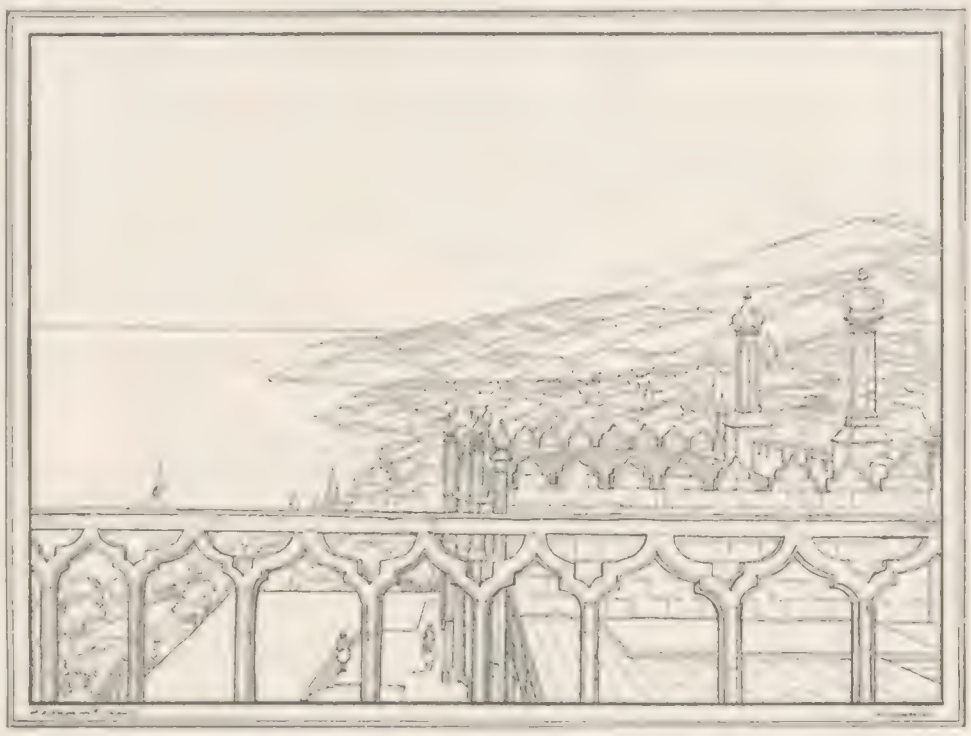
Жуковскій составилъ обширный «планъ ученія» Александра Николаевича, который былъ имъ представленъ осенью 1826 г. Государю. Полагая, что ученіе Цесаревича продлится отъ 8-ми до 20 лѣтъ, Жуковскій дѣлилъ его на три періода: отрочества, отъ 8-ми до 13 лѣтъ, въ какое время ученіе считалъ подготовительнымъ; юности, отъ 13 до 18 лѣтъ — ученіе подробное, и первыхъ лѣтъ молодости, отъ 18 до 20 лѣтъ — ученіе примѣнительное. Онъ сравнивалъ первое время ученія съ приготовленіемъ къ путешествію, когда надо ученику дать въ руки компасъ, подъ которымъ подразумѣвалъ первоначальное развитіе ума и сердца, посредствомъ усвоенія религіозныхъ правилъ; познакомить съ «картою», сообщить ему вкратцѣ и въ послѣдовательной связи тѣ знанія, которыя будутъ впослѣдствіи преподаваться въ подробностяхъ; снабдить его «орудіями» для пріобрѣтенія свѣдѣній и для открытій въ пути, т. е. обучить его иностраннымъ

Видъ Симбирска. Съ рис. *В. А. Жуковскаго*

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

языкамъ и развить въ немъ природныя дарованія. Затѣмъ во время 13—18 лѣтъ, ученикъ по выраженію Жуковскаго принимаетъ уже самое путешествіе: компасъ у него въ рукахъ, онъ умѣетъ съ нимъ обращаться, карта передъ нимъ раскрыта и имъ изучена; дороги на этой картѣ обозначены, — ему не грозитъ опасность заблудиться. Умъ его приготовленъ, любопытство возбуждено, и онъ смѣло пускается въ дорогу. Наконецъ, когда наступитъ время окончанія путешествія (18—20 лѣтъ): свѣдѣнія собраны, остается ихъ привести въ порядокъ и опредѣлить, какое должно изъ нихъ быть сдѣлано употребленіе. Въ это время занятія должны идти въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) обозрѣніе знаній пріобрѣтенныхъ въ возрастѣ 13—18 лѣтъ; 2) взглядъ на мѣсто, занимаемое человѣкомъ въ обществѣ и на обязанности, съ нимъ соединенныя; 3) отчетъ въ самомъ себѣ, передъ самимъ собой и утвержденіе въ правилахъ добродѣтели: 4) выясненіе общаго значенія человѣка въ жизни и государя — въ особенности.

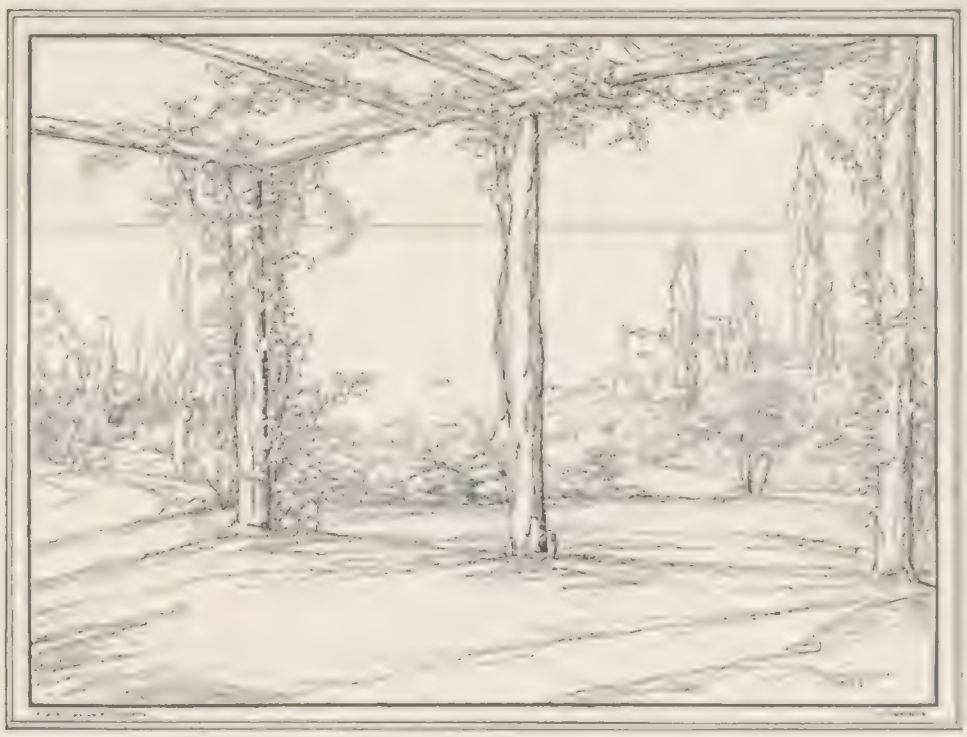
Въ своихъ письмахъ изъ за границы Жуковскій много разъ говорилъ о важности изученія исторіи, а въ письмѣ 1827 г. къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ при поздравленіи съ новымъ годомъ писалъ: «Я занятъ приготовленіемъ къ преподаванію древней исторіи; тружусь надъ составленіемъ синхроническихъ таблицъ, которыя



Видъ Симеиза изъ Алупки, литографія по рисунку *В. А. Жуковскаго.*

должны служить пособіемъ памяти удержать общее понятіе объ всей исторіи; ихъ должны сопровождать карты и историческія таблицы и карты географическія; наконецъ все можетъ служить къ исполненію и объясненію простого разсказа». Онъ самъ составилъ таблицу для изученія исторіи древняго Рима, которая была напечатана въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1836 г. Желая сдѣлать курсъ русской исторіи болѣе живымъ и занимательнымъ, Жуковскій рѣшилъ его излагать въ связи съ археологіею, сопровождая свое изложеніе рисунками фигуръ въ одѣяніяхъ соотвѣтствующей эпохи. Поэтому онъ обращался къ извѣстному археологу того времени, президенту Императорской Академіи Художествъ А. Н. Оленину, прося сообщить ему свои указанія. Планъ Жуковскаго былъ одобренъ Государемъ и приглашены остальные преподаватели, согласно указаніямъ наставника и воспитателя. Это были: Флоріанъ Антоновичъ Жилль—учитель французскаго языка и географіи; Павелъ Ивановичъ Шамбо († въ іюнѣ 1848 г. въ Петергофѣ отъ холеры), а позже Эртель—нѣмецкаго языка, Альфи—англійскаго. Юрьевичъ польскаго, Эдуардъ Давиловичъ Коллинсъ—ариѳметики, Гриніусъ — естественной исторіи, Липманъ—исторіи, чи-

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.



Миськоръ въ Крыму, литографія съ рисунка *В. А. Жуковскаго.*

стописанія — Рейнгольдъ; рисованія — Заудервейдъ и протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій — Закона Божія. «Я», писалъ въ 1829 г. В. А. Жуковскій, «не занимался собственно русскимъ языкомъ: ни грамматикою, ни даже чтеніемъ. Языкъ есть выраженіе мыслей, чтобы хорошо владѣть имъ, нужно имѣть мысли. Я обратилъ все на повтореніе на русскомъ языкѣ трехъ лекцій Павскаго, Липмана который передавалъ по французски и Триніуса, который передавалъ по нѣмецки. Мое дѣло состояло: 1) Въ приведеніи въ ясный *порядокъ* и въ утвержденіи въ *памяти* того, что каждый изъ трехъ учителей преподавалъ особливо. Для этого

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ избѣ крестьянина въ Сибири.

сдѣланы были мною мнемонетическія таблицы, посредствомъ которыхъ легко было представить себѣ все и отдѣльно и въ связи. 2) Въ соединеніи въ *одно цѣлое* трехъ разныхъ предметовъ такъ, чтобы понятія религіозныя сливались въ одно съ понятіями историческими и естественными».

Въ дѣлѣ воспитанія Александра Николаевича, Жуковскій и Мердеръ придавали большое значеніе сообществу дѣтей, поэтому были взяты во дворецъ для совмѣстнаго обученія два сверстника — графъ Іосифъ Віельгорскій и Александръ Паткуль.

Росписаніе дня заставляло дѣтей вставать въ 6 часовъ утра, читать утреннюю молитву, завтракать и приготовляться къ занятіямъ. Въ 7 часовъ уже

начинались классы и кончались въ полдень, съ промежуткомъ отъ 9 до 10 часовъ отдыха. Послѣ двухъ часовой прогулки, въ два часа садились за обѣдъ, затѣмъ до 5 часовъ гуляли, играли или отдыхали. Отъ 5 до 7 часовъ снова происходили занятія въ классахъ, отъ 7 до 8—гимнастика и разныя игры. Вечеръ послѣ 8 часовъ долженъ былъ посвящаться обозрѣнію истекшаго дня и писанію дневника. Въ 10 часовъ маленькіе ученики ложились спать. Въ воскресенье и праздничные дни часы ученія посвящались отчасти назидательному чтенію, или ручной работѣ, гимнастическимъ упражненіямъ и посѣщенію замѣчательныхъ ученыхъ и промышленныхъ заведеній.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ и Императрица Александра Ѳеодоровна.

Жуковскій преподавалъ русскій языкъ, общую грамматику, начальныя понятія по физикѣ и химіи. Въ своихъ занятіяхъ онъ держался правила: лучше мало, но хорошо, чѣмъ много и худо. По плану Жуковскаго на лѣтнее время предполагалось составить для Александра Николаевича потѣшный полкъ изъ ста или двухсотъ хорошо воспитанныхъ дѣтей, и снабдить ихъ всѣми принадлежностями вооруженія арміи, но Николай Павловичъ не нашелъ это удобнымъ и, вмѣсто того, зачислилъ сына въ списки кадетъ Перваго кадетскаго корпуса, причемъ обученіе Наслѣдника военной службѣ въ рядахъ кадетъ было отложено до исполненія ему одиннадцати лѣтъ.

Первый экзаменъ Александру Николаевичу и его товарищамъ былъ назначенъ въ іюлѣ 1828 года, и въ слѣдующемъ году весною Государь Николай Павловичъ предпринялъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, путешествіе въ Варшаву, а затѣмъ за границу. Мердеръ сопровождалъ въ этомъ путешествіи царское семейство и ежедневно записывалъ наиболѣе выдающіеся поступки своего воспитанника. 19-го марта, сообщаетъ онъ въ своемъ дневникѣ, Великій князь Александръ Николаевичъ услыхалъ отъ матери своей, Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, что онъ будетъ сопровождать Ея Величество въ Варшаву; разсказывая объ этомъ Мердеру, Цесаревичъ спросилъ, откуда возьмутъ такое множество лошадей, и на данное ему объясненіе замѣтилъ: «Какое несчастіе для бѣдныхъ мужиковъ, которые принуждены будутъ отдавать своихъ лошадей въ такое время года, когда сами въ нихъ нуждаются!»

По свидѣтельству того-же Мердера, Цесаревичъ съ особеннымъ вниманіемъ относился къ путевымъ впечатлѣніямъ и, замѣчая бѣдность крестьянскихъ

Графъ Е. Ф. Канкринъ.

избъ, выражалъ сожалѣніе. «Изъ Дубровки, писалъ Мердеръ, мы пошли съ Александромъ Николаевичемъ пѣшкомъ впередъ и успѣли пройти 9 верстъ, прежде нежели насъ нагнали экипажи. Въ 10 часовъ мы сѣли въ коляску и помчались по дорогѣ, усѣянной полуразвалившимися хижинами, изъ оконъ коихъ выглядывали блѣдныя, бѣдностію и рабствомъ искаженныя лица. Проѣзжая деревни, коихъ строенія и сады были крайне запущены и разорены, великій князь удивлялся бѣдности и невѣжеству крестьянъ».

Во время того же путешествія имѣлъ мѣсто еще слѣдующій случай, о которомъ разсказываетъ Мердеръ. Проѣзжая черезъ деревню Яблонку, между городами Пултускомъ и Варшавою, Цесаревичъ навѣстилъ вмѣстѣ съ отцомъ — императоромъ, казармы 8-го линейнаго полка, причемъ шелъ за Государемъ. Одинъ заслуженный, украшенный знаками отличія, офицеръ, поглядѣвъ съ умиленіемъ на проходившаго мимо него великаго князя, обратился къ нему со словами: «Я бы желалъ имѣть счастіе поцѣловать вашу руку!»

«Позвольте лучше имѣть честь поцѣловать васъ», — возразилъ ему Цесаревичъ и съ этими словами бросился на шею изумленному офицеру, который послѣ поцѣлуя старался схватить руку Александра Николаевича, но великій князь увернулся, снялъ фуражку, поклонился и, какъ стрѣла, пустился за Государемъ. Сохранился также разсказъ о слѣдующемъ событіи изъ дѣтства Цесаревича.

Въ началѣ мая 1831 г., по набережной рѣки Фонтанки въ С.-Петербургѣ шелъ Александръ Николаевичъ въ сопровожденіи Мердера. Смотря своими добрыми глазами по сторонамъ, великій князь замѣтилъ, что на одной изъ стоявшихъ на рѣкѣ барокъ лежитъ подъ солнечнымъ припекомъ, какой-то старикъ

рабочій, прикрытый, вмѣсто одѣяла, грязною рогожею; при этомъ онъ весь трясся и громко стоналъ. Не успѣлъ Мердеръ оглянуться, какъ Наслѣдникъ по настланнымъ мосткамъ быстро пробѣжалъ прямо на барку, наклонился надъ старикомъ и сталъ его о чемъ-то разспрашивать. Мердеръ, видимо недовольный, осторожно послѣдовалъ за своимъ воспитанникомъ на барку. Но, по мѣрѣ разспросовъ несчастнаго больного старика-рабочаго, недовольство на серьезномъ лицѣ Мердера исчезло, а великій князь, вынувъ изъ кармана платокъ, утиралъ катившіяся изъ его глазъ слезы. Затѣмъ Мердеръ досталъ кошелекъ, вынулъ изъ него золотой и, подалъ Наслѣднику, который наклонился къ больному старику и положилъ ему деньги на грудь, подъ рогожу. Въ томъ же 1831 году великій князь Александръ Николаевичъ узнавъ, что офицеръ Слѣпцовъ скончался отъ ранъ, полученныхъ при взятіи Варшавы, весь въ слезахъ, бросился въ объятія Мердера, говоря:

П. А. Плетневъ.

— Бѣдная г-жа Слѣпцова, какъ она несчастна! О, какъ я сожалѣю о ея сынѣ: я увѣренъ, что она будетъ неутѣшна!

— Да, мой милый великій князь, отвѣтилъ Карлъ Карловичъ,—вы справедливо говорите, что Слѣпцова несчастлива; кромѣ ужаснаго удара, понесеннаго ею, ей предстоитъ еще другой: она можетъ потерять все свое состояніе.

— Какъ такъ?—съ тревогой въ голосѣ спросилъ Цесаревичъ.

Мердеръ объяснилъ, что есть судебный процессъ, который семьею Слѣпцовыхъ хотя и выигранъ, но не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, причемъ прибавилъ: Вы хорошо сдѣлаете, если передадите все Государю Императору.

Великій князь поспѣшилъ исполнить совѣтъ, данный Мердеромъ, и Государь узнавъ всю правду, помогъ своей властью бѣдной Слѣпцовой, и благосостояніе ея было спасено.

Лѣто обыкновенно Цесаревичъ проводилъ въ Павловскѣ у вдовствующей Императрицы Маріи Феодоровны. Послѣ обѣда къ великому князю приходили юные товарищи: Барановы, Трубецкіе, Карамзины, и вся эта ватага, надѣвъ походную аммуницію, шла брать штурмомъ извѣстную крѣпость въ Павловскѣ, выстроенную Павломъ Петровичемъ. Послѣ штурма крѣпости, герои—побѣдители

Цесаревна Марія Александровна, супруга Александра Николаевича.

направлялись пить чай въ Розовый павильонъ, гдѣ, любящей рукой бабушки, было приготовлено вкусное угощеніе.

Иногда они также ловили рыбу въ Павловскихъ прудахъ, катались въ перегонку на лодкахъ, стрѣляли въ цѣль, а иногда ѣздили въ лагерь кадетъ, гдѣ послѣ развода играли съ кадетами въ мячъ. Зимою Государь почти ежедневно устраивалъ во дворцѣ игры наслѣдника и его друзей въ своемъ присутствіи. Часто Николай Павловичъ приказывалъ сыну и Вѣльгорскимъ командовать воображаемыми арміями, причемъ себя зачислялъ начальникомъ штаба того или другого полководца. Цесаревичъ огорчался до слезъ, когда жребій указывалъ на его товарища, какъ на начальника Государя, но на это никто не обращалъ вниманія, и Государь, самымъ серьезнымъ образомъ, продолжалъ нести обязанности руководителя штаба при Вѣльгорскомъ, исполнялъ его распоряженія и, сплошь и рядомъ, разбивалъ войска своего сына. Когда дѣти подросли, и къ нимъ въ гости стали приводить кадетъ, то и тутъ Государь охотно принималъ участіе въ весельи молодежи.

Не только зимою Николай Павловичъ участвовалъ въ забавахъ сына и его товарищей, онъ любилъ руководить играми молодежи и лѣтомъ, заставлялъ мальчиковъ брать приступомъ каскады «Золотой» или «Шахматный» горъ въ Петергофѣ. Первый прибѣжавшій къ коляскѣ Александры Ѳеодоровны, стоявшей на верхней аллеѣ, получалъ призъ. Наслѣдникъ не отставалъ отъ товарищей и также весь мокрый съ успѣхомъ взбѣгалъ по лѣстницамъ каскадовъ.

Быстро прошли годы юности и великій князь достигнувъ совершеннолѣтія, принялъ присягу, 22 апрѣля 1834 года г.; картина художника Ладюрнера, находящаяся въ Большомъ дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ увѣковѣчила этотъ историческій моментъ. Въ томъ же году Наслѣдникъ Цесаревичъ и его сестра Марія Николаевна при крестинахъ ихъ брата Николая Николаевича держали новорожденнаго у купели и этотъ моментъ зарисовалъ Заудервейдъ, рисунокъ котораго помѣщенъ въ «Альбомѣ космополитъ» (Album cosmopolite) Ваттемара. Въ 1837 г., для довершенія своего обученія Цесаревичъ, въ сопровожденіи Жуковскаго и нѣкоторыхъ другихъ наставниковъ, по желанію Государя совершилъ по Россіи длинное путешествіе, которое продолжалось семь съ половиною мѣсяцевъ. При

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.
Съ рисунка 1838 г. [illegible]

объѣздѣ восточной части Россіи Наслѣдника сопровождалъ графъ В. А. Перовскій со своимъ чиновникомъ, извѣстнымъ писателемъ В. И. Даль, прослужившимъ въ Оренбургскомъ краѣ цѣлыхъ 8 лѣтъ. Выѣхавъ изъ Петербурга 2 мая, великій князь Александръ Николаевичъ возвратился домой только 10 декабря. Это путешествіе В. А. Жуковскій сравнивалъ съ чтеніемъ книги. Книга эта — Россія, но книга одушевленная, которая сама будетъ узнавать своего учителя. И это *узнаніе* есть истинная цѣль путешествія. Въ настоящее время, бѣгло останавливаясь въ каждомъ городѣ, онъ знакомился лишь съ содержаніемъ этой занимательной книги, по названію каждой главы. Послѣ онъ внимательно изучитъ эти полнаго содержанія главы.

Въ первомъ письмѣ съ дороги Жуковскій писалъ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ слѣдующія строки: «Я не жду отъ нашего путешествія большой жатвы практическихъ свѣдѣній о состояніи Россіи: для этого мы слишкомъ скоро ѣдемъ, имѣемъ слишкомъ много предметовъ для обозрѣнія, и путь нашъ слишкомъ опредѣленъ; не будетъ ни свободы, ни досуга, а отъ этого часто и желанія заняться, какъ слѣдуетъ, тѣмъ, что представится нашему любопытству. Мы соберемъ, конечно, много фактовъ отдѣльныхъ, и это будетъ имѣть свою пользу; но главная польза—вся нравственная, та именно, которую теперь только можно пріобрѣсти великому князю: польза глубокаго, неизгладимаго впечатлѣнія. Въ его лѣта, въ первой свѣжей молодости, безъ всякихъ житейскихъ заботъ, во всемъ первомъ счастіи непорочной жизни, не испытавъ еще въ ней ничего иного, кромѣ любви въ нѣдрѣ своего семейства, онъ начинаетъ дѣятельную жизнь свою путешествіемъ по Россіи, — и какимъ путешествіемъ? На каждомъ

шагу встрѣчаетъ его искреннее, радушное доброжелательство, тѣмъ болѣе для него трогательное, что никакое своекорыстіе съ нимъ не смѣшано: всѣ смотрятъ на него, какъ на будущее, прекрасно выражающееся въ его наружности».

Во время путешествія, Жуковскій водилъ своего царственнаго питомца не только въ богатыя хоромы, но и въ убогія крестьянскія избы, гдѣ юный наслѣдникъ престола видѣлъ горе тяжкое, бѣдность непроглядную, слышалъ рѣчи скорби народной. И тутъ обрисовывалось наглядно великое человѣколюбіе Александра Николаевича. Покорясь доброму движенію своего сердца, глубоко тронутый Наслѣдникъ писалъ изъ Сибири къ державному отцу своему и со всею свободою сына молилъ любящею душою объ облегченіи тяжкой участи каторжниковъ. 24-го Іюля, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симбирска, Цесаревича настигъ фельдъегерь и вручилъ ему письмо отъ Государя, въ которомъ Императоръ Николай Павловичъ извѣщалъ сына о своемъ повелѣніи смягчить положеніе каторжныхъ. Великій Князь поспѣшилъ сообщить Жуковскому содержаніе этого письма, и тутъ-же, среди дороги, подъ открытымъ небомъ, наслѣдникъ престола и его другъ наставникъ обнялись во имя царя, возвѣстившаго имъ милость къ несчастнымъ.

За все время путешествія Цесаревичу было подано до 16.000 просьбъ, о денежныхъ пособіяхъ и помилованіи. Губернаторамъ 30 губерній, по которымъ проѣхалъ Александръ Николаевичъ, было выдано по 8.000 руб. для удовлетворенія просителей. Много добра сдѣлалъ Наслѣдникъ престола за время своего путешествія, многихъ вернулъ изъ ссылки и далъ возможность не одному семейству горячо возносить за него молитвы передъ Господомъ Богомъ. Поѣздку эту В. А. Жуковскій назвалъ «*всенароднымъ обрученіемъ съ Россіей*», которая должна была завершить кругъ образованія великаго князя Александра Николаевича. Оставалось посвятить наслѣдника престола въ тайны государственнаго управленія, то-есть дать ему тѣ знанія, которыя не входили въ кругъ свѣдѣнія Жуковскаго, для преподаванія которыхъ и были приглашены баронъ Жомини, баронъ Брунновъ, Сперанскій, гр. Е. Ф. Канкринъ; послѣдній свои лекціи записывалъ и онѣ напечатаны въ 31 томѣ «Сбор. Импер. Русскаго Историч. Общества». Кстати скажемъ что Петръ Александровичъ Плетневъ читалъ Цесаревичу Александру Николаевичу русскую словесность и имъ былъ составленъ «*Хронологическій списокъ русскихъ писателей*», который служилъ для Августѣйшаго слушателя пособіемъ при его повтореніи лекцій. По словамъ Плетнева, почти всѣ преподаватели составили такія же книжки, которыхъ напечатано было очень ограниченное число и ни одного экземпляра въ продажу не поступало.

Въ сентябрѣ того-же года высоконарѣченная невѣста Наслѣдника Цесаревича имѣла торжественный въѣздъ въ С.-Петербургъ, гдѣ она приняла св. миропомазаніе по обряду Православной церкви, съ именемъ великой княжны Маріи Александровны, а 16 апрѣля 1841 г. совершилось бракосочетаніе Ихъ Высочествъ.

«Конфирмація моей невѣстки, Цесаревны», замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ императрица Александра Ѳеодоровна, «совершалась при иныхъ условіяхъ чѣмъ моя, она нашла здѣсь прекраснаго священника, который объяснилъ ей слово въ слово всѣ догматы и обряды нашей церкви, къ которымъ она къ

Великій Князь Николай Александровичъ и его старшая сестра Великая Княгиня Александра Александровна.
Съ литографіи художника *Гая*.

тому же имѣла время привыкнуть въ двухмѣсячное пребываніе въ Россіи. Со мною же все это произошло быстро, все совершилось и окончилось въ какихъ нибудь шесть дней.

Цесаревну Марію Александровну учили два священника на нѣмецкомъ языкѣ: Бажановъ — догматамъ, а Пѣвицкій (изъ Штутгардта) исторіи церкви; принявъ Православіе, Цесаревна не удовлетворилась наружнымъ выполненіемъ обрядовъ; она стала изучать церковь и сдѣлалась самою ревностнѣйшею ея дочерью и, можно сказать, защитницею. Ея жажда къ духовному просвѣщенію изумительна. Когда она уже была больна, и по предписанію врачей, должна была ложиться въ постель въ 11 часовъ, она, оставаясь одна, предавалась чтенію книгъ богословскаго содержанія.

Будущій Царь-Миротворецъ родился 26 февраля 1845 года въ 3 часа по полудни въ С.-Петербургѣ; онъ былъ вторымъ сыномъ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. На его рожденіе поэтъ Борисъ Ѳеодоровъ написалъ стихотвореніе, которое было напечатано въ журналѣ «Маякъ» и кончалось слѣдующими пророческим словами:

«Какъ Невскій Александръ, будь князь благочестивый,
Какъ новый Александръ, герой позднѣйшихъ лѣтъ,
Будь Александръ Миролюбивый!
Современемъ будь великъ — любя небесный свѣтъ!
Благословенному достойно сыменный,
Еще величія Россіи Ты прибавь,
И имя Русское во всѣхъ концахъ вселенной
Своею жизнію прославь!»

Новорожденный великій князь, годъ спустя, былъ назначенъ шефомъ л.-г. Финскаго стрѣлковаго баталіона, который въ Гельсингфорсѣ, по этому случаю 1 марта далъ въ соціететгаузѣ балъ. Стѣны зала были убраны деревьями, цвѣтами, штыками, шомполами, а полковой оркестръ помѣщенъ за оградою изъ ружей съ орлами. Были тосты и рѣчи въ честь Царской Фамиліи. Описаніе этого праздника было помѣщено въ «Русскомъ Инвалидѣ»; его написалъ Я. К. Гротъ, будущій его наставникъ.

Когда великому князю Александру Александровичу еще не было трехъ лѣтъ, 28 января 1848 г., русская артиллерія праздновала 50-ти лѣтній юбилей своего перваго Царственнаго Генералъ-Фельдцейхмейстера Великаго Князя Михаила Павловича; по желанію Его Высочества, съ соизволенія Государя, ему повелѣно было состоять по гвардейской конной артиллеріи. Первое оффиціальное участіе Великаго Князя Александра Александровича было въ торжествѣ открытія въ г. Павловскѣ 1 августа 1850 г., памятника Императору Павлу I, у котораго онъ былъ поставленъ часовымъ въ формѣ л.-г. Павловскаго полка.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ и его супруга Великая Княгиня Мар[illegible]ія Александровна.

Спустя два года, въ 1852 г. наставникомъ Августѣйшихъ дѣтей Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича былъ приглашенъ вышеназванный Я. К. Гротъ, которому П. А. Плетневъ писалъ:

«Только два слова: уже два года у меня лежало на сердце, чтобы доставить въ лицѣ твоемъ Государю Наслѣднику достойнѣйшаго наставника для его дѣтей,—такого, какимъ былъ Жуковскій для него самого. Но случая къ тому никакого не открывалось. Вчера генералъ Зиновьевъ пріѣхалъ ко мнѣ совѣтоваться о выборѣ учителя для русскаго языка. Тутъ я и началъ толковать ему о сосредоточеніи ученія въ вѣдѣніи одного лица, какъ бы инспектора классовъ—и тотчасъ назвалъ для этого тебя. Онъ

Открытіе памятника Императору Павлу I въ г. Павловскѣ 1 Августа 1850 г. Часовымъ у памятника стоитъ Великій Князь Александръ Александровичъ.

былъ затрудненъ тѣмъ, что ты, будучи иновѣрецъ, поставленъ будешь во главѣ всего ученія. Однако, такъ какъ Зиновьевъ очень благороденъ и честенъ, да и ко мнѣ имѣетъ довѣренность, то сказалъ о семъ Великому Князю, который позвалъ меня къ себѣ. Ему моя мысль понравилась—и я не могъ скрыть отъ него, что тебя и безъ того вызываютъ въ Императорскій Александровскій Лицей. Тогда Наслѣдникъ велѣлъ мнѣ оканчивать дѣло съ Зиновьевымъ. Этотъ сейчасъ опять пріѣхалъ ко мнѣ и умолялъ меня согласиться, чтобы я упросилъ тебя *для перваго раза* не требовать званія инспектора, а только пока взять обязанность учить русскому языку — пока Зиновьевъ лично не ознакомится съ тобой и не приметъ въ сердце убѣжденія собственнаго, что безотвѣтственно можетъ предъ Россіею назвать тебя инспекторомъ ученья будущаго Наслѣдника престола. Я понялъ его, уважилъ мысль и согласился, прибавивъ: въ такомъ случаѣ ты не долженъ отклонять отъ себя профессорство Лицея. На томъ мы и кончили пока. Пріѣзжай скорѣе сюда. Теперь два побужденія».

Великій Князь Александръ Александровичъ.

Великій Князь Александръ Александровичъ.

На это письмо Я. К. Гротъ отвѣчалъ, отъ 25 ноября, что въ воскресенье надѣется видѣть уже Плетнева и кончалъ свое письмо такъ:

«Я понималъ всю важность обязанностей, которыя ожидаютъ меня даже въ томъ ограниченномъ видѣ, въ какомъ назначаетъ ихъ мнѣ Зиновьевъ; по твоему же плану онъ пугаетъ меня. При всемъ томъ, я радостно вступаю на поприще, которое такъ достойно трудовъ и всего напряженія способностей. Желаю, чтобъ Зиновьевъ удѣлилъ мнѣ хоть часть той довѣренности, которую ты всегда ко мнѣ имѣлъ. Причины его затрудненій я уважаю,

Великіе Князья Владиміръ, Николай, Алексѣй и Александръ Александровичи.
Съ гравюры Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ.

хотя онѣ въ отношеніи ко мнѣ и не могутъ имѣть примѣненія».

1 декабря 1852 г. Плетневъ писалъ Гроту: «Я тебя понапрасну прождалъ до половины перваго часа. Генералъ Зиновьевъ, какъ можешь видѣть на оборотѣ этого же листка, желаетъ видѣть тебя одного запросто. Онъ назначаетъ время между 10 и 12 часовъ утра, когда бываетъ у своихъ воспитанниковъ. Итакъ, явись къ нему завтра. Пріѣхавъ на Комендантскій подъѣздъ Зимняго Дворца, оставь шубу свою у швейцара и подымись прямо по лѣстницѣ во 2-ой этажъ. Войдя въ дверь, скажи камеръ-лакею, что ты—профессоръ Гротъ, которому генералъ Зиновьевъ назначилъ теперь быть у себя, и потому надобно де сейчасъ же доложить о томъ генералу».

Яковъ Карловичъ Гротъ.

Отъ генерала Зиновьева, какъ разсказываетъ Я. Гротъ въ своей автобіографіи, онъ узналъ, «что такъ какъ Цесаревна Марія Александровна находитъ, что въ возрастѣ Августѣйшихъ дѣтей ея, всего полезнѣе, чтобы большая часть преподаванія была сосредоточена въ рукахъ одного лица, то онъ можетъ предложить мнѣ пока должность преподавателя нѣсколькихъ предметовъ, именно: русскаго языка, исторіи всеобщей и русской, географіи и нѣмецкаго языка съ тѣмъ, что всѣми этими предметами я долженъ заниматься только съ каждымъ изъ двухъ старшихъ великихъ князей: Николаемъ и Александромъ Александровичами; при этомъ онъ прибавилъ, что я, какъ человѣкъ носящій нѣмецкую фамилію и малоизвѣстный, не могу, по предложенію Плетнева, занять мѣсто инспектора классовъ, а долженъ довольствоваться званіемъ учителя, съ жалованьемъ 2.000 руб. въ годъ».

Я. К. Гротъ долженъ былъ четыре дня въ недѣлю заниматься во дворцѣ съ 7 часовъ утра до 2-хъ, съ небольшими промежутками. Служба эта особенно трудна была отъ мая до ноября, когда Гротъ долженъ былъ ѣздить въ Царское Село, Петергофъ или Гатчину еще наканунѣ, чтобы быть во дворцѣ въ 7 часовъ утра. Стоявшіе тогда во главѣ воспитанія генералы Н. В. Зиновьевъ и Г. Ѳ. Гогель, пишетъ Гротъ, пользовались имъ также, чтобы замѣнять другихъ уѣзжавшихъ на лѣто въ отпускъ преподавателей, и ему приходилось брать на

себя ихъ уроки, напримѣръ по французскому, англійскому языкамъ и вообще повторять по всѣмъ предметамъ.

Такъ продолжалось три года, когда въ концѣ 1856 г. былъ призванъ для завѣдыванія ученіемъ великихъ князей, посланникъ въ Константинополѣ, В. П. Титовъ, который прежде былъ совѣтникомъ при послѣ Бутеневѣ—оба они были женаты на родныхъ сестрахъ, графиняхъ Хребтовичъ. Владиміръ Павловичъ Титовъ, по словамъ «записокъ» Н. В. Исакова, былъ съ большими свѣдѣніями человѣкъ, много учившійся, любознательный до крайности и всѣмъ интересовавшійся. Про него Тютчевъ говорилъ: «Titoff se croit être appelé à faire l'inventaire de l'univers». Титовъ сдѣлалъ Грота своимъ помощникомъ и вызвалъ изъ Дрездена г. Гримма, совсѣмъ не знавшаго русскаго языка, который ранѣе былъ наставникомъ великаго князя Константина Николаевича. Титовъ пробылъ при Дворѣ, около двухъ лѣтъ (съ осени 1856 г. до весны 1858 г.), послѣ Гриммъ занялъ его мѣсто.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.

Въ 1859 г. 8 сентября, въ день совершеннолѣтія Великаго Князя Николая Александровича окончилось участіе Грота въ воспитаніи Ихъ Высочествъ. Государь Императоръ оставилъ Гроту всю сумму получаемаго имъ жалованья (3000 р.) въ пенсію. Впослѣдствіи, когда Императору Александру III было доложено о смерти Я. К. Грота, то онъ на докладѣ написалъ слѣдующія знаменательныя слова: «*Меня эта смерть весьма огорчила. Я зналъ Якова Карловича болѣе 35 лѣтъ и привыкъ любить и уважать эту достойную личность*».

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.

Нельзя здѣсь не отмѣтить также того обстоятельства, что по кончинѣ Я. К. Грота († 24 мая 1893 г.) въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ III соизволилъ назначить особую сумму на изданіе «Переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ»—по личному о томъ ходатайству Е. И. В. Президента Императорской Академіи Наукъ Великаго Князя Константина Константиновича. Въ Бозѣ почивающій

Великіе Князья Александръ и Владиміръ Александровичи.

Государь, всегда столь отзывчивый Покровитель отечественной литературы, науки, искусствъ, проявилъ тутъ Свою Монаршую щедрость—тѣмъ болѣе, что дѣло касалось трудовъ наставника Его дѣтства и юности. Воля Монарха, дни котораго были уже тогда сочтены, нашла себѣ скорое осуществленіе, благодаря высокомилостивому соизволенію нынѣ Царствующаго Государя Императора.

Памятникомъ любви Императора Александра III къ русскому искусству служитъ музей Его Имени, основанный Царствующимъ Государемъ, а также воспоминанія профессора живописи А. П. Боголюбова, напечатанныя въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» вскорѣ послѣ кончины Царя-Миротворца.

Мѣсто воспитателя при Великомъ Князѣ Александрѣ Александровичѣ занялъ профессоръ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, написавшій въ 1864 г. «Письма о путешествіи Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича по Россіи отъ Петербурга до Крыма», который, равно какъ и другіе преподаватели, находилъ у великаго князя Александра Александровича тихій нравъ, простоту, прямодушіе и добросовѣстность въ занятіяхъ. Русскій языкъ ему преподавалъ Э. Ѳ. Эвальдъ, превосходный ораторъ и чтецъ, а старшій его братъ Ѳ. Ѳ. Эвальдъ физику. Извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ читалъ русскую исторію и у него многому научился царственный ученикъ, особенно уважавшій этого наставника, чему свидѣтельствомъ являются слѣдующія строки рескрипта Цесаревича на имя его вдовы.

Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.

«Съ живѣйшимъ прискорбіемъ услышалъ я о кончинѣ многоуважаемаго Сергѣя Михайловича. Вамъ ближе и ощутительнѣе, чѣмъ кому-либо, скорбь невозвратной потери; но эту скорбь раздѣляютъ

Императрица Марія Александровна.

съ Вами всѣ русскіе люди издавно привыкшіе чтить въ супругѣ Вашемъ не только ученаго и талантливаго писателя, но и человѣка добра и чести, вѣрнаго сына Россіи, горячо принимавшаго къ сердцу и въ прошедшихъ и въ настоящихъ судьбахъ ея все, что относится къ ея славѣ, вѣрно хранившаго въ душѣ своей святую вѣру и преданность Церкви, какъ драгоцѣннѣйшій залогъ блага народнаго. Принявъ отъ него всегда памятные Мнѣ уроки и наставленія въ исторіи нашего отечества, Я не могу быть равнодушнымъ къ Вашему горю и вмѣняю Себѣ въ сердечный долгъ выразить Вамъ Свое искреннее и глубокое сочувствіе».

Насколько С. М. Соловьевъ привилъ своему царственному ученику любовь къ Русской исторіи тому доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что для трехъ томовъ «Русскаго Императорскаго Историческаго Общества» Великій Князь Александръ Александровичъ доставилъ переписку Императора Александра I и другихъ особъ царствующаго дома съ Лагарпомъ. Письма эти хранились въ Швейцаріи, у одного изъ родственниковъ Лагарпа г. Монда, Наслѣдникъ Цесаревичъ удостоилъ владѣльца интересной переписки собственноручнымъ письмомъ, и Мондъ поспѣшилъ выслать всѣ имѣющіеся у него документы.

Не менѣе цѣнилъ великій князь Александръ Александровичъ наставника своего старшаго умершаго брата академика Ѳ. И. Буслаева, оригиналы лекцій котораго по русской литературѣ хранилъ въ своемъ кабинетѣ, а копіи съ нихъ отдалъ въ Румянцевскій музей въ Москву.

Точно также при празднованіи 50 лѣтія литературной дѣятельности Ив. Ив. Лажечникова, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ почтилъ маститаго романиста рескриптомъ, въ которомъ писалъ:

«Я всегда былъ того мнѣнія, что писатель, оживляющій исторію своего народа поэтическимъ представленіемъ ея событій и дѣятелей, въ духѣ любви къ родному краю, способствуетъ къ оживленію народнаго са-

Художникъ Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ.

мосознанія и оказываетъ немаловажную услугу не только литературѣ, но и цѣлому обществу».

Интересно также отмѣтить, какъ любилъ великій князь Александръ Александровичъ русскій языкъ, чему доказательствомъ служитъ слѣдующее обстоятельство: ставъ Государемъ и узнавъ, что русскіе дипломаты вначалѣ XIX вѣка изгнали русскій языкъ изъ дипломатическаго обихода Александръ III не могъ стерпѣть этой чудовищной аномаліи. Онъ ясно созналъ, что тѣ, кого пренебреженіе къ государственному языку привело до неумѣнія изъясняться или

Присяга Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича лѣтомъ 1866 г.

писать на немъ, не могутъ по-русски ни мыслить, ни чувствовать, ни дѣйствовать. Отсюда явился указъ—сношенія нашихъ посольствъ съ Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ производить впредь исключительно на русскомъ языкѣ.

Въ 1865 г. апрѣля 12 скончался въ Ниццѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ и великій князь Александръ Александровичъ вступилъ въ бракъ съ бывшею невѣстою своего старшаго брата, дочерью датскаго короля Христіана IX, Дагмарой, принявшей въ православіи имя Маріи Ѳеодоровны.

Ставъ наслѣдникомъ престола, когда ему было всего около 20 лѣтъ, великій князь Александръ Александровичъ принужденъ былъ тотчасъ же всту-

пить въ новую жизнь. Ориентироваться ему было весьма трудно: не только новыя впечатлѣнія сразу охватывали его, но и недовольные элементы, а ихъ было въ то время много, старались оказать свое вліяніе на молодого Наслѣдника. Но онъ, сдержанный по натурѣ своей, выслушивалъ всѣхъ, но никому слѣпо не довѣрялся. Онъ молчаливо разсматривалъ и взвѣшивалъ все слышанное и видѣнное имъ и составлялъ свое собственное мнѣніе.

При жизни своего старшаго брата, великаго князя Александра Александровича никто не зналъ ни въ Россіи, ни за границею, за исключеніемъ близко окружавшихъ его лицъ. Но скоро стало извѣстно, что на него имѣлъ большое вліяніе высоко - ученый и истинно - православный

Бракосочетаніе Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и принцессы Дагмары въ 1866 г.

воспитатель его К. П. Побѣдоносцевъ, цѣль жизни котораго было видѣть Россію національною и самобытною. Представители такъ называемой либеральной партіи въ Россіи тоже надѣялись повліять на Наслѣдника. Онъ прислушивался къ нимъ, но совершившіяся въ Парижѣ событія въ 1871 г. побудили его, однако, сказать про себя: «вотъ куда ведутъ эти идеи». Русская національная партія, съ Аксаковымъ и Катковымъ во главѣ, особенно надѣялись привлечь на свою сторону Наслѣдника, а женитьба его на датской принцессѣ еще болѣе усилила ихъ надежды и имѣла успѣхъ.

Принцесса датская Дагмара.

Русскимъ человѣкомъ Императоръ Александръ III оставался и на престолѣ, воплощая въ себѣ идеалъ русскаго богатыря, безъ страха и упрека, народнаго Царя, въ лучшемъ, высшемъ значеніи этого слова. Любовью и довѣріемъ къ Россіи отвѣчалъ Онъ на ея довѣріе и любовь. Отличительною чертою нрава Александра III была черта

Вы можете себѣ представить съ какимъ чувствомъ я снова пріѣзжаю въ Ниццу, которая вся съ своимъ великолѣпнымъ воздухомъ, моремъ, климатомъ напоминаетъ мнѣ самую тяжелую минуту моей жизни. — Пріѣхать простымъ Великимъ Княземъ а уѣхать Наслѣдникомъ тяжело и въ особенности лишившись самой моей вѣрной опоры, лучшаго друга и любимѣйшаго брата! — Но, что же дѣлать это воля Божія и не даромъ мы ежедневно повторяемъ: „Да будетъ Воля Твоя

Вашъ Александръ

Автографъ письма Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича.

чисто русская, составляющая особенность нашего народнаго генія: отсутствіе всякаго лицемѣрія и притворства, необычайная прямота, безыскусственность, чистота души. Ею плѣнялъ онъ самыя предубѣжденныя сердца. Всюду его царственное слово цѣнилось выше всякихъ клятвенныхъ или письменныхъ обѣщаній. То была великая нравственная сила, обаяніе которой удивило и покорило міръ. Когда Императоромъ Александромъ III былъ заключенъ франко-русскій союзъ, французскій писатель Де-Лакомбъ говорилъ: «Представимъ себѣ, что какая нибудь русская колдунья предсказала-бы Наполеону I въ Кремлѣ то, что будетъ черезъ 80 лѣтъ. Въ концѣ вѣка, который ты воображаешь своимъ, во Франціи, которую ты называешь своей, тронъ рухнетъ три раза, твоя бронзовая статуя будетъ низвергнута, а твое потомство появится только для того, чтобы расчленить отечество и омрачить имя Наполеоновъ пораженіями, превышающими твои побѣды. Въ этой разгромленной врагомъ Франціи, которая послѣ того снова упадетъ въ республику, знаешь-ли кто будетъ самымъ популярнымъ человѣкомъ? Имъ будетъ Императоръ Святой Руси — Александръ III».

По всей Россіи прозвучали впервые слова Императора Александра III: «Россія для русскихъ». Не даромъ Онъ былъ сыномъ Императора Александра II, родившагося въ Москвѣ, почему жители древней столицы называли Царя-Освободителя не иначе, какъ Царственнымъ Москвичемъ, для котораго историкъ М. П. Погодинъ въ 1837 г. написалъ книгу «О Москвѣ». Императоръ Александръ III не менѣе любилъ Москву и смотря съ высоты Кремля на Бѣлокаменную съ глубокою мѣткостью сказалъ: «Москва это храмъ, а Кремль — это его алтарь». За этимъ могучимъ Государемъ жилось, какъ за каменной стѣной и заслужилъ онъ справедливо названіе Царя-Миротворца, такъ какъ не только ни разу не обнажилъ своего меча, но ни разу даже имъ не пригрозилъ.

Переплетная „Нивы" СПб.